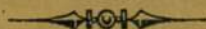

85.113(2)/69
540

Проф. С. В. БЕЗСОНОВ

КРЕПОСТНЫЕ
АРХИТЕКТОРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОЙ АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ
1938

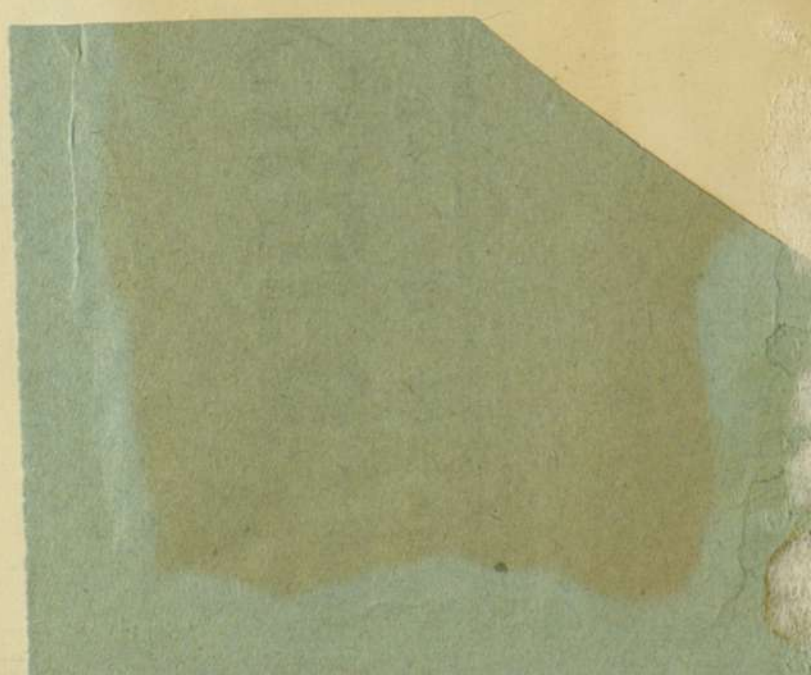
393922

751

9m 012
06

11

LIBRARY OF THE
BUREAU OF THE
INDIAN AFFAIRS

86
89
85.113(2)1

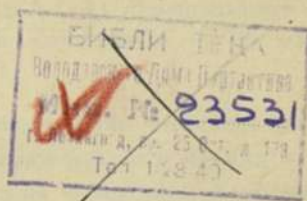
Проф. С. В. БЕЗСОНОВ

72
Б-40

КРЕПОСТНЫЕ АРХИТЕКТОРЫ

- I. ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
II. СЛОВАРЬ КРЕПОСТНЫХ АРХИТЕКТОРОВ

393922

ЦБС Невского р-на
Библиотека-филиал № 2
Ленинград
ул. Ивановская, д. 14
560-88-11

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОЙ АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ
МОСКВА * 1938

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Мы любим свой язык и свою родину... Мы гордимся тем, что... насилия вызвали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс... Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, то же доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм».

(В. И. Ленин, О национальной гордости великороссов. Сочинения, т. XVIII, стр. 80—83. М. 1929 г.).

Основываясь на исторических данных, Ленин выявляет целеустремленность, творческую волю, силу и энтузиазм русского народа в его многовековой борьбе за свободу. Сохранившиеся памятники народной культуры и искусства показывают, что русский народ, наряду с героическими подвигами в деле завоевания своей свободы, окончившимися победой социализма, имеет исключительные достижения и в области художественной. В истории русского искусства видное место должен занимать раздел, излагающий историю развития народного художественного творчества и творческой переработки принесенных извне стилей: византийского в XI—XII вв., романского в XII в., раннего итальянского ренессанса в XV в., барокко в конце XVII и начале XVIII вв., форм европейского классицизма и ампира в середине XVIII и начале XIX вв. Талантливые зодчие из народа никогда не становились на путь рабского копирования приемов и форм чужого стиля, а стремились переработать достижения Западной Европы на основе собственных эстетических представлений.

Искусствоведы второй половины XIX и начала XX в. интересовались главным образом русской архитектурой до XVIII в., а что касается более поздней, то обычно ограничивались столичной архитектурой. В Петербурге и Москве в это время работали приезжие иностранцы или русские мастера из разночинцев, многие из которых получили художественное образование за границей. Творчество тех и других было направлено на удовлетворение потребностей и вкусов господствовавших классов — дворян и духовенства. Но наряду с ними в России работали многочисленные архитекторы, вышедшие из трудового народа, крепостные не только по происхождению, но и по социальному положению. Эти мастера также обслуживали господствующие классы, но в своем творчестве пользовались близкими себе приемами и мотивами народного искусства; поэтому их произведения, существенно отличаясь от работ архитекторов первой группы, не имеют аналогий в западно-европейской архитектуре.

Вопрос о крепостных архитекторах, несмотря на свой исключительный интерес, в нашей литературе до сего времени еще не ставился во всю широту. В XIX в. знали одного лишь А. Н. Воронихина, которого всегда называли как выдающегося архитектора из крепостных; в начале XX в. в литературе появляется имя Потапова, вскользь упоминаются Бухвостов, Федор и Павел Аргуновы, Алексей Миронов. Если о крепостных архитекторах знают очень мало, то крепостная интеллигенция вообще, как социальное явление, характерное для разлагающегося русского феодализма, интересует некоторых исследователей русского общества. Большой материал собирает В. И. Семеновский и выпускает в 1881 г. работу «Крестьяне в царствование Екатерины II». Через два года в «Отечественных записках» (№ 11) появляется специальная статья Е. Летковой о крепостной интеллигенции. В 1911 г. в юбилейном сборнике «Великая реформа» (том 3) помещается статья П. Сакулина под названием «Крепостная интеллигенция». В советское время материал Летковой и Сакулина с некоторыми добавлениями из исторических журналов был использован в популярно написанной книге Е. Кац «Крепостная интеллигенция» (Л. 1926).

Но в названных работах материалы о крепостных художниках используются лишь попутно, притом речь идет больше о крепостных артистах и живописцах и совсем мало об архитекторах. Интересно задуманная и серьезно выполненная работа Вл. Станюковича («Крепостные художники Шереметевых») ¹, изучившего архивные и художественные материалы в шереметевских дворцах и усадьбах, рисует быт и условия творчества крепостных художников Шереметева преимущественно за XVIII в.; в ней с большой полнотой освещено творчество и в значительной мере выяснена личность крепостных архитекторов Федора и Павла Аргуновых,

¹ Напечатана в «Записках историко-бытового отдела Русского музея», т. I, Л. 1928.

Алексея Миронова, Григория Дикушина. Автору этих строк при работе над монографией «Архангельское»¹ удалось выявить ряд крепостных архитекторов, работавших в начале XIX в. у Юсупова, из числа которых выделяется фигура энергичного и талантливое Василия Стрижакова. Но специальной работы о крепостных архитекторах в нашей искусствоведческой и исторической литературе до сего времени не было.

В начале 1936 г. Всесоюзная академия архитектуры впервые выдвинула вопрос о крепостных архитекторах и поручила нам написать работу на эту тему. Эта первая работа, суммирующая старые материалы и начинающая разработку и публикацию новых, не должна оказаться единственной. Работа над книгой показала, что в нашей литературе, особенно в публикующей архивные документы, в мемуарной и повременной, содержится множество разбросанных и не приведенных в систему сведений как о личности отдельных крепостных мастеров, так и об их творческой деятельности. В центральных и областных архивах, художественных, исторических и краеведческих музеях хранится большое количество никому неизвестных, нигде неопубликованных документов, чертежей и рисунков, которые ждут своего исследователя.

Ограниченный сравнительно малым сроком (меньше года), автор не смог, конечно, с исчерпывающей полнотой проработать весь архивный и музейный материал. Он свел в единое целое все доступные ему печатные материалы, начал работу над рукописными материалами в центральных музеях и архивах, уделив особое внимание в первую очередь архиву Академии художеств и, наконец, использовал материалы краеведческих музеев, главным образом путем анкетного опроса. Пользуясь случаем, автор приносит благодарность за полученные ответы на анкету музеям Пермскому, Ярославскому, Горьковскому, Тульскому, Казанскому, Калужскому и др. В результате этой первой стадии научно-исследовательской работы и создавалась настоящая книга, далеко не исчерпавшая всех возможностей и не дающая окончательных выводов.

Начав работать над темой о крепостных архитекторах, автор был в некотором затруднении в отношении границ намечавшейся работы. Во-первых: в пределах какого хронологического отрезка изучать работы крепостных архитекторов? Обычно у нас о крепостных мастерах говорят в связи со стилями классицизм и ампир. Автор значительно расширил хронологические рамки исследования, собрав и обработав материалы за время с XVII в., когда начинает конкретно вырисовываться индивидуально очерченная фигура крепостного мастера. Во-вторых, крепостными архитекторами в литературе обычно признают только тех мастеров, которые, родившись в крепостном состоянии, всю свою жизнь работали на по-

¹ Безсонов С., Подмосковная усадьба Архангельское. М. 1937.

мещика, не получив свободы. Автор и здесь расширил круг изучения, присоединив к указанной группе и тех из крепостных по рождению архитекторов, которым тем или иным путем удалось вырваться на свободу и благодаря этому известный период работать не по барской указке.

Вся работа разделена на две части. Первая часть представляет опыт исследования о крепостных архитекторах, вторая — словарь крепостных архитекторов. Последний, представляя сводку материалов о каждом мастере в отдельности, может в дальнейшем стать сводом, полезным для изучения не только творчества крепостных архитекторов, но и истории русской архитектуры вообще.

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УСЛОВИЯ ТРУДА КРЕПОСТНЫХ СТРОИТЕЛЕЙ В XVI—XVII вв.

В XV и XVI вв. Московское государство для выполнения казенных строительных работ вербовало в принудительном порядке «записных городских» каменщиков, кирпичников и плотников; их собирали в Москву и отсюда распределяли по городам для работы в течение строительного сезона.

Из этой среды строительных рабочих время от времени выделялись отдельные лица, добивавшиеся, благодаря своим способностям и энергии, более высокой профессиональной квалификации, вплоть до звания «подмастерья каменных дел», что в тогдашнем понимании было равнозначуще званию архитектора. Для получения такого звания требовались продолжительная производственная практика и обучение (ученичество) у опытного мастера; наряду с изучением строительного дела и художественных форм, обучались грамоте, письму и счету. Круг знаний обучаемого значительно расширялся, если ему удавалось попасть в «дружину», руководимую иностранными мастерами. Тогда будущий подмастерье узнавал новости западно-европейской практики, и это давало ему возможность впоследствии, в самостоятельных работах, отходить от традиционных схем и вводить в обиход новые для Руси технические приемы и декоративные формы. Очень часто подбор учеников предопределялся родственными отношениями: отец учил сыновей, дядя — племянников и т. д.

Наряду с юридически свободными гражданами, городскими жителями, в то время и значительное количество холопов было знакомо со строительным искусством, и их силами производились большие работы в вотчинах и поместьях. С XV в. об этом упоминается в летописях: в 1430 г., когда в Новгороде строились городские стены, «пригон был христьянам..., а покрута четвертый пятого»; при постройке Успенского собора в Москве, в XV в., митрополит Филипп «искупил бе на то дело церковное людей»¹. Хотя холопы привлекались к строительству главным образом в качестве чернорабочих, все же участие в таких больших работах давало некоторым из них возможность усвоить строительную технику и добиться более высокой квалификации.

¹ Воронин Н., Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. Л. 1934.

В Новгородской летописи под 1338 г. есть сообщение, что «владычнии люди Васильевы», т. е. холопы новгородского архиепископа, строили в Новгороде мост через р. Волхов.

Но в целом благоприятных условий для выделения способного холопа из общей массы и для превращения его в высококвалифицированного ремесленника или мастера в XV и XVI вв. не было. Васильевы представляют единичный случай. Те холопы, которые обслуживали строительные нужды помещиков, не выносили свое искусство за пределы земельных владений своих господ. То же надо сказать и о большом количестве мастеров каменного и плотничного дела, бывших холопами монастырей. Строившиеся в то время богатые монастыри, как Троице-Сергиева лавра, Спасский в Ярославле, Ипатьевский в Костроме и др., располагали большим количеством квалифицированных мастеров; хроники отмечают выполненные ими постройки, но имена строителей остаются неизвестными: своего лица холоп не имел. Даже такой незначительный монастырь, как Калязинский, мог в 1648 г. закончить силами своих холопов постройку монастырских стен и зданий¹.

С того времени, когда в Московском государстве начинается быстрый рост торгового капитала, когда барщинный труд холопов во многих случаях становится невыгодным для помещиков, последние начинают поощрять ремесленные навыки своих холопов и за оброк отпускают их работать на стороне. В конце XVI и в течение XVII в. наблюдается распространение строительных познаний среди холопов, и они создают ряд выдающихся памятников архитектуры, в большинстве случаев считавшихся до сего времени анонимными. Большой опытностью крепостных строителей можно объяснить привлечение их, наряду с «записными городовыми» мастерами, на государственные строительные работы. Отдельные мобилизации крепостной рабочей силы начинаются уже в конце XVI в., например для постройки смоленских стен, а в 1646 г. правительство, объявляя набор каменщиков и кирпичников «для церковного, дворцового и городского дела», вызывает их как из городов, так и из дворцовых монастырских сел, из вотчин и поместий², т. е. наряду со свободным населением привлекаются и все группы крепостных.

Видеть причину привлечения холопов только в нехватке свободных мастеров и в трудности их вызова в Москву³ — по меньшей мере недостаточно. Общественный подъем, возникший в борьбе с поляками за национальную независимость в смутное время, дал возможность московскому царю и боярам в XVII в., опираясь на земские соборы, использовать на укрепление мощи государства народные средства и силы. Правительство неоднократно вводит чрезвычайные налоги («пятая деньга», «десятая деньга» и т. п.), вербует людскую силу в ополчения. На основе установившегося в XVII в. взгляда, что все подданные московского государя, вплоть до занимающих важнейшие должности в государстве, — его холопы и, следовательно, их собственность является собственностью государя, правительство находит возможным, в случае надобности, мобилизовать помещичьих крестьян для выполнения работ государственного значения.

¹ Столбцы приказного стола, № 47, л. 420.

² Акты Археографической экспедиции, т. 4, № 4.

³ Сперанский А., Очерки по истории Приказа каменных дел в Московском государстве. М. 1830.

Принудительный набор на государственные работы строительных рабочих из холопов неоднократно имел место в течение второй половины XVII в. На государственных работах многие из помещичьих крестьян приобрели познания в строительном деле, что позволило им к концу XVII в. выступать в качестве самостоятельных производителей работ и подрядчиков на больших строительствах.

Кроме принудительного набора строительных мастеров, привлекаются к строительству стрельцы и «охочие гулящие люди», т. е. безработные. Так как стрельцы и охочие люди не знают мастерства, то их отдают первоначально в обучение мастерам. Так, в 1659 г. патриарх Никон организует обучение стрельцов строительному искусству¹. В 1671 г. «в ученье» идет 100 человек стрельцов, в 1672 г. — 91 человек, в 1673 г. — 118 и т. д.; со стрельцами обучались и охочие люди. Это был путь к распространению среди народа более серьезных, научно обоснованных строительных знаний. Помещики также отдают своих молодых холопов в обучение мастерам строительного дела.

В 1682 г. появляется проект организации профессионального обучения, «где бы учить многие науки и ремесла, которые ныне из чужих государств всегда здесь требуют и дорогою ценою купят»; в числе наук предполагалось проходить: геометрию, которая «к строению крепостей городовых зело нужна», архитектуру и «знаменить», т. е. рисование². Но этот проект остался неосуществленным. Систематическое образование в Московском государстве этого времени можно было получить только в единственной школе — Славяно-греко-латинской академии, но вскоре после ее учреждения был издан указ, запрещавший принимать «помещиковых людей», а тех, кто уже учился, приказано было «отрешить»³.

Для крепостных остался попрежнему старый путь ученичества, но круг знаний, приобретаемых таким путем, в это время значительно расширился. Помимо практического знания строительного дела и элементарной грамотности, уже требовалась и теоретическая подготовка. В XVII в. для Пушкарского приказа был переведен с иностранных языков ряд книг по строительному делу: «Книга, в ней писаны, как учить делать каменного дела церквей и палат», «Книга, в ней писаны образцы столбом церкви, или в палате, или у мостов каменных», «Книга, в ней писаны образцы всяким немецким городам земляным и каменным, и чертежам учить чертить»⁴. Знакомство крепостных мастеров с иностранными источниками вполне очевидно из текстов подрядных записей. Так, в договоре крепостного Бухвостова с крепостным Папугой на постройку надвратной церкви в Новом Иерусалиме фигурируют без всяких пояснений такие термины, как капители, карнштыны (кронштейны), шпендеры, балясы и др.; в других договорах попадают термины: своды, своды котельные, кружала, закомары и т. д.

На обучение строительному мастерству заключался с мастером договор,

¹ Росс. историческая библиотека, д. 5, № 236.

² Владимирский-Буданов М., Государство и народное образование в России с XVII в. до учреждения министерства. СПб. 1874.

³ Владимирский-Буданов М., Государство и народное образование в России XVIII в., Ярославль 1874.

⁴ Богоявленский С., О Пушкарском приказе (Сборник в честь Любавского, II. 1917).

обычно на срок до пяти лет. Ученик как бы входил в состав семьи учителя, получал от него стол и одежду, должен был быть во всем ему «послушен и покорен»; учитель мог ученика «смирять по делу смотра». За весь курс учения мастер получал до 20 рублей. В результате такого обучения способный ученик мог научиться у знающего мастера не только строительной технике, но и производству расчетов, составлению смет и — что особенно трудно давалось тогдашним строителям — составлению «чертежа», т. е. проектированию. Тем не менее следует отметить, что многие из крепостных мастеров XVII в., строившие великолепные здания и руководившие крупными строительными работами, оставались неграмотными, как, например, известный Бухвостов, за которого всегда на договорах «руку прикладывают» другие лица.

Квалифицированные крепостные мастера в XVII в. не только работают на своих помещиков, но с их согласия, часто за их поручительством, выступают в качестве подрядчиков по строительным работам, участвуют в торгах и договорах, создают артели и вообще являются организаторами и художественными руководителями работ; работают они на «оброке», который вносят своему владельцу. Немногим из них удается остаться на государственной службе в качестве «подмастерьев каменных дел».

Из работ крепостных у своих господ следует отметить постройку в 1620—1627 гг. Вторушкой Васильевым каменной церкви в поместье его господина, думного дьяка Томилы Луговского в с. Угодичах, Ростовского уезда, и строительные работы в патриаршем доме в Московском кремле, производившиеся в 1699 г. под руководством патриаршего крепостного Андрея Перфильева. Из большого списка мастеров, работавших в Приказе каменных дел, мы отобрали только тех немногих, чье холопство или холопское происхождение установлены конкретными указаниями источников, или таких, которые постоянно, во всех случаях, а не только в государевых челобитных, обозначались уменьшительными именами. Поэтому в словарь крепостных архитекторов XVII в., помещенный во второй части книги, не включены те из подмастерьев, которые в различных документах, например в расчетных, пишутся полными именами, так как это дает основание считать их, при отсутствии опровергающих данных, лицами не холопского происхождения.

Мастеров из холопов на царской службе было немного: помещики относились к такой службе неодобрительно, так как опасались, что она может послужить для холопа путем к освобождению. Все же на службе в Приказе каменных дел встречались и холопы, а именно: Михайлов Савка, получивший в 1623 г. сукно в награду за «образец», т. е. модель, и за наблюдение за постройкой калужских укреплений; Лыко Васько, строивший около 70-х годов XVII в. дворцовые палаты в Саввином монастыре; Иванов Евсейка, Калинин Ивашка и Корольков Алешка, ремонтировавшие в тех же годах стены Смоленского кремля (Корольков строил также Смоленский собор).

Больше всего сохранилось сведений о работе крепостных строителей на стороне, по договорам. Здесь прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что работа в большинстве случаев выполняется целой группой мастеров, но в договорах упоминаются по имени один, реже два и совсем редко три лица, прочие же участники договора обычно именуется «товарищи». Такое выделение некоторых лиц указывает на их руководящую

роль не только в организационном, но и в производственном отношении. Скорее всего можно допустить, что персонально поименованные в договоре лица распределяли между собой всю работу по организации дела и по руководству строительством, в зависимости от узкой специальности каждого. Так, в 1667 г. Карпушка Губа и Филька Денисов строят церковь Григория Неокесарийского в Москве. Тот же Губа в дальнейшем достраивает эту церковь с тремя братьями Григорьевыми. Крепостной Татищева Яков Бухвостов строит в 1690 г. кельи Моисеева монастыря в Москве и в 1693 г. — Рязанский собор вместе с Иваном Парфеновым, но, кроме них, в каждом из этих двух договоров участвуют и другие лица. Реже договоры на постройку заключались единолично. Таковы договоры Осипа Ильина на постройку трапезной в церкви Воскресенья на Гончарах и на работы в Федоровском монастыре в Москве, у Никитских ворот. Единолично брал подряды Антипка Филиппов, много строивший в Кремле — в церкви 12 апостолов и в Успенском соборе. Редко встречаются договоры только на архитектурное проектирование и надзор. Из их числа можно указать договор Павла Потехина на постройку Островоезерского монастыря в Нижегородской губернии (1688 г.) и договор Дорофея Мякишева на постройку Астраханского собора (1700 г.).

Собранные нами договоры XVII в. на производство строительных работ дают возможность установить не только имена помещиков, у которых были холопы — квалифицированные строители, но, что более ценно, те районы страны, откуда эти строители происходили.

Много было крепостных, знающих строительное дело, у крупнейшего тогдашнего помещика, патриарха, и у больших монастырей, например у Троице-Сергиевой лавры. Еще со времен татарского нашествия (XIII в.) каменные и деревянные мастера значатся в грамотах «церковными людьми», имеющими некоторые льготы по сравнению с тяглым населением¹. Высшее духовенство вело крупные строительные работы, — храмы, монастыри, подворья, — поэтому стремилось обеспечить себя квалифицированными мастерами. Патриаршими крепостными были Осип Ильин, Антон Перфильев, Аника Лаврентьев, крепостным московского Чудова монастыря — Данила Тихонов, крепостным костромского Ипатьевского монастыря — Карпушка Губа. Крупным вотчинником, занимавшим видное положение при царском дворе, принадлежали: боярину Шереметеву — Сенька Демидов и Филька Денисов, князю Борятинскому — Спиридон Хрящ, Василий Иванов, Иван Спиридонов, князю Щербатому — Афанасий Голиков, боярину Морозову — Павел Клементьев, князю Черкасскому — Павел Потехин, князю Татищеву — Яков Бухвостов и т. д.

Больше всего квалифицированных строителей из крепостных дали Ярославский, Костромской и Галичский уезды, т. е. Верхнее Поволжье, всегда славившееся своими строителями и своими художественными постройками. Из Ярославского уезда мы насчитали девять человек, из Костромского и Галичского — по пяти человек, тогда как из Московского, Нижегородского и других — только по одному.

Из анализа договоров можно сделать некоторые выводы как о хозяйственно-правовых взаимоотношениях между заказчиками и строителями, так и о методах архитектурно-проектировочной и строительной работы.

¹ Григорьев, О достоверных ханских ярлыках. М. 1843.

Подряды на строительные работы сдавались с публичных торгов; обычно запрашивали много и значительно уступали с первоначально заявленной цены. Так, в 1681 г. Якушка Григорьев, торговавший на постройку каменной церкви Воскресенья на Пресне в Москве, запросил сначала за работу 1 500 рублей, снизил цену до 787 рублей и все же подряда не получил. В 1682 г. ряд лиц участвовал в торгах на постройку брусьяных палат царевича Ивана «по чертежу». На этих торгах Сенька Дементьев сперва назвал 290 рублей, уступил до 245 рублей и затем отказался от дальнейшего участия в торгах; Ивашка Жемчужный с 380 рублей дошел до 235 рублей и также отказался от подряда, — работа была сдана по еще более низкой цене.

Договорные суммы обычно выплачивались частями, по мере выполнения работы. Так, Павел Потехин при постройке Островоезерского монастыря договорился получить 430 рублей в следующие сроки: при начале работ 50 рублей, при бутке 50 рублей, после отделки келий и ограды 50 рублей, после постройки колокольни 50 рублей, при отделке ее 50 рублей, «а остальные деньги брать по делу смотря, а запас брать как понадобится». Спиридон Хрящ при постройке Троицкой церкви в Москве получает: вперед 5 рублей, при начале работ 10 рублей, затем по 10 рублей после разборки старых стен, после устройства основания, устройства нижних и верхних сводов и остальную сумму «дать, как все в отделке учиним».

В договорах обычно участвуют поручители, несущие материальную ответственность перед заказчиками. Нередко в качестве поручителей фигурируют доверенные люди того помещика, холопом которого является договаривающийся строитель. Так, за холопа князя Борятинского, Спиридона Хряща, поручается «князя Ф. Ю. Борятинского человек его, который за дела ходит — Алексей Абашин». За Якова Бухвостова, по договору его на постройку церкви в Уборах под Москвой, ручался «ходящий за дела помещика Татищева человек» — Тимошка Соболевский. По договору на постройку Бухвостовым «с товарищи» келий Моисеева монастыря ручалось 16 человек, среди которых мы видим посадских людей, кузнецов, ямщиков, а также «человека» Татищева — Федора Караваева. Подпись на договоре доверенного лица помещика считалась значительной порукой, так как это свидетельствовало о согласии помещика на работу его холопа; в силу этого поручительства помещик материально отвечал за работу своего крепостного. Если подрядчик не выполнял договора, поручителей, так же как и самих строителей, брали под арест, как это было с поручителем Соболевским по делу о невыполнении Бухвостовым в срок подряда на постройку церкви в Уборах.

Кроме поручительства, в договорах предусматривалась материальная ответственность в виде неустойки и взыскания убытков как с подрядчика, так и с поручителей. «А будет они, подрядчики, — пишется в договоре Бухвостова на постройку келий в Моисеевом монастыре, — всяких припасов против сей записи нынешним зимним путем не поставят и того каменного дела с весны делать не начнут, или то дело чем остановят, или в чем ни есть против сей записи не устоят, — и не на нас подрядчиках, а на нас поручниках, кто из нас в лицах будет, взять... данные из казны деньги, да за неустойку 2 200 рублей денег» (т. е. вернуть полученные деньги в двойном размере).

Подрядчики обычно обязывались, в случае обнаружения каких-либо дефектов в здании, в течение определенного срока после сдачи работы исправить все без дополнительной оплаты. В договоре Хряща говорится: «и будет в той церкви впредь в три года учинитца какая поруха и разсидина, и то нам подрядчиком починить безденежно». Бухвостов в договоре на постройки в Моисеевом монастыре ручается за качество работы более смело: «будет в том нашем каменном деле от нашего нерадения и худого дела, опроче пожару, будет какая поруха в 20 лет, и то порушенное дело починить и сделать заново нам же подрядчикам своими каменными припасы и работными всякими людьми за тою вышеописанною взятою ценою безденежно».

ПРОЕКТЫ И СООРУЖЕНИЯ КРЕПОСТНЫХ МАСТЕРОВ XVII в.

Собранные нами материалы приводят к убеждению, что, как общее правило, графический проект строящегося здания предварительно не разрабатывался. «Чертежи», как исключение, встречаются всего два раза: в деле Королькова, строившего Смоленский собор, и на торгах на брусяные палаты царевича Ивана. Обычно предварительный проект имел описательную форму, к нему прилагалась смета и в некоторых случаях — модель, «образец». На это указывают встречающиеся в договорах выражения: «сделать против росписи» или «сделать против размеру и указу», «сделать по указу». Корольков получил для Смоленского собора в Москве «размер и чертеж», причем образцом для чертежа служил собор Александровской слободы. Савва Михайлов получил в 1623 г. награду за то, «что он Калужскому городу образец делал». Образцы деталей делались мастером уже в процессе работы. Так, Дорофей Мякишев при постройке Астраханского собора обязуется «какая погодится теска из камня или из кирпичи, мне, вырезав на лубках, мастерам выдавать».

Во многих случаях, особенно в отношении деталей здания, мастерам предоставлялась свобода выбора архитектурной формы, что в договорах обозначалось: «сделать как пристойно» или «по пристойности». Пашка Потехин должен был сделать двери и окна в Островоезерском монастыре «по пристойности». Бухвостов высоту игуменских келий в Моисеевом монастыре определяет «как пристойно».

Иногда заказчик не довольствовался общим описанием будущего сооружения, и тогда в договоре указывались в качестве образцов определенные архитектурные памятники. Так, Бухвостову предписано было окна в кельях Моисеева монастыря делать «против Кулижских богаделен», только в 1680 г. выстроенных Антошкой Филипповым (очевидно, мотив этот пользовался успехом). Потехин все основные части зданий в Островоезерском монастыре делает по точно указанным в договоре образцам из числа московских зданий: «прикраса, и окошки, и двери, и рундуки (в соборе монастыря), как у Воскресенской решетки в Кадашовской церкви», «св. ворота двойные, наподобие как у Воскресенского подворья», «окошечко в колокольнице и шатер и слухи так, как у Троицы на рву», «сени под кровлею совершить так, как на Печатном дворе, или так, что у Земского приказа». Указания заканчиваются заверением: «а вышеописанные образцы все смотрел подмастерье Пашка Потехин».

Что касается метода работы архитектора, то, очевидно, в большин-

стве случаев дело сводилось к указаниям, которые он давал на месте производства работ на основании своего практического опыта, с учетом составленной сметы, а в наиболее сложных случаях — руководствуясь также существующими образцами, т. е. работа в основном велась на-глаз. Описания были слишком общи, чертежами и моделями пользовались редко. Чертеж, входивший в употребление в конце XVII в., был слишком схематичен, без масштаба, плоскостной. Даже в тех случаях, когда чертежи выдавались, строители не вполне придерживались их, — несоответствие выстроенного здания чертежу было явлением довольно обычным. Так было у Алешки Королькова, который строил Смоленский собор вопреки полученному чертежу и вывел основание, большее по размерам и иное по очертаниям, вследствие чего смоленский воевода вынужден был писать в Москву: «Каким образом заведена (церковь), и на скольких столбах своды, и какова будет вышина, не знаем».

Утверждение Забелина, что в XVII в. «всякое отдельное строение всегда исполнялось по чертежу»¹, встретило вскоре возражение со стороны Красовского²; не соглашались с Забелиным и последующие исследователи — А. Сперанский и К. Воронин. По существу этого вопроса можно сказать, что на Руси чертежи вводятся иностранными мастерами, руководившими строительными работами, а затем начинают применяться на казенных постройках, выполняемых и русскими мастерами (Смоленский собор, палаты царевича Ивана и т. д.). Подрядчики же, работающие преимущественно по частным заказам, придерживались более простых, старинных приемов и предпочитали строить «по подобию» или «как прилично». Зато в договорах они постоянно, и притом очень подробно и точно, оговаривают планировку, все размеры, формы перекрытий, число дверей и окон, размеры и количество глав и т. д.

Строительные мастера разделялись на две группы: каменных дел подмастерья и плотничные старосты; в каждой группе существовала специализация по типам сооружения. Из собранных нами материалов можно сделать некоторые выводы. Каменных мастеров мы насчитали 21, из них работающих по церковному делу 17, по городскому крепостному 3, по гражданскому строительству 1; мастеров деревянного строительства 10, из них по церковному делу только 2, по городскому 1 и по гражданскому 7. Действительно, в XVII в. церкви и городские стены возводились преимущественно из камня, а жилые сооружения из дерева.

Из квалифицированных плотников по церковному строительству работают Лука Кондратьев с Аникой Лаврентьевым, восстанавливавшие сгоревшие деревянные части в каменной церкви Федоровского монастыря в Москве. Городовое дело, сводившееся к возведению рубленых стен, еще процветает в первой половине XVII в. Но в то же время, наряду с деревянным строительством, ведется и каменное, преимущественно под руководством иноземных инженеров. К 20-м годам XVII в. относится работа Савки Михайлова по возведению стен калужского острога. Наибольший интерес представляют гражданские сооружения плотничных мастеров. Целая артель галичан с Клементьевым во главе строит в царском подмосков-

¹ Забелин И. Е., Черты самобытности в древне-русском зодчестве. М. 1900, стр. 44.

² Красовский М., Деревянное зодчество. Курс истории русской архитектуры, т. 1, М. 1916, стр. 67.

ном с. Васильевском «смотряльницу» (вышку-бельведер) «о трех жилиях» (этажах) и хозяйственные здания «противу того, каковы строены в с. Степановском». Плотничный староста Сенька Петров с стрелецким головою Михайловым строят в 1667—1668 гг. знаменитый Коломенский дворец; несколько позднее (с 1681 г.) Дементьев создает в Коломенском дворце столовую палату.

Таким образом, мы имеем основание говорить, что выдающиеся по своим размерам, сложности композиции, художественному оформлению и иногда по новаторству деревянные постройки XVII в. возводились крепостными строителями, причем, само собою разумеется, что наиболее одаренные из них выбирались для царских сооружений. В частности, Коломенский дворец представляет собой исключительный комплекс деревянного строительства, где были сконцентрированы все достижения древнерусской деревянной архитектуры. Весь дворцовый ансамбль состоял из групп («стай») отдельных клеток, объединенных по назначению: палаты царя, царицы, царевича, царевен и т. д. В каждой клетке видно самостоятельное художественное решение, и в то же время все эти разнообразно решенные, асимметрично расположенные живописные клетки увязаны друг с другом при посредстве многочисленных сеней, переходов, крылец. Общее впечатление от дворца усиливалось высоко поднятыми и разнообразно решенными кровлями каждой из клеток: в форме палатки, куба, шатра, бочки и т. п. Позолоченная и ярко раскрашенная деревянная резьба покрывала наружные части — наличники окон, притолоки дверей, карнизы, коньки, кровли — и вместе с росписью и изразцами украшала комнаты внутри.

Выполненный Калининым, Корольковым и Артемьевым капитальный ремонт такой крупной крепости, как смоленская, показывает, что наряду с иноземными инженерами во второй половине XVII в. уже были русские мастера, изучавшие каменное городовое дело. Василько Лыко, строивший в 70-х годах XVII в. в Саввином-Звенигородском монастыре государевы хоромы, является новатором в декоративной области; для обработки входов и окон он использовал западно-европейские барочные мотивы. К сожалению, мы не имеем возможности представить себе, как Лыко связал переходом дворцовые постройки с папертью собора; может быть, этот переход и был наиболее воздушной и эффектной частью сооружения, подобной построенным в то же время колокольне и входу от красных ворот в том же монастыре.

Построенная в 20-х годах XVII в. Вторушкою Васильевым церковь в с. Угодичах, близ Ростова Великого, показывает, что мастер был в курсе новых для его времени течений в церковном строительстве: он создал в глухой провинции бесстолпный храм в то время, когда этот тип был обычным только в столице. Храм, ныне значительно переделанный, представлял первоначальный куб, завершающийся трехчастным фризом; над сомкнутым сводом возвышались кокошники, а над ними пять «тощих» глав. С восточной стороны к основному объему примыкала небольшая и низкая абсида.

Чрезвычайно смелым и знающим свое дело провинциальным мастером был Павел Сидоров Потехин, подрядившийся построить в 1688 г. целый монастырский комплекс на острове у сел. Ворсма в Нижегородском уезде. К 1692 г. Потехин построил в монастыре бесстолпную одноглавую Казанскую церковь и монастырские кельи, к 1694 г. — надвратную шатровую Михайлов-

скую церковь и входные (ныне заделанные) ворота, стены и башни, к 1698 г. — Троицкую соборную церковь. Таким образом, в течение десяти лет Потехин создал на острове законченный архитектурный ансамбль. Для творчества Потехина характерна эклектичность, но проистекает она в значительной степени от тех условий, в которые был поставлен мастер. Так, в договоре Потехина с монастырем точно определяется, с какого здания он должен копировать ту или иную деталь своих сооружений, — мастеру оставалось только умело скомпоновать эти заимствованные элементы. И Потехин, судя по его постройкам, умел это делать. Был он, повидимому, человек бывалый, видевший и изучавший на месте лучшие здания своего времени; в договоре он прямо пишет, что все упомянутые образцы смотрел. Судя по договору, Потехин был неграмотен: за него руку к договору приложило другое лицо.

Выдающимся каменным мастером в конце XVII в. считался Антон Филиппов, бравший обыкновенно подряды единолично, без товарищей, и работавший преимущественно в Московском кремле. Он работал при патриаршем доме, в церкви 12 апостолов; в 1683 г. ремонтировал в Большом Успенском соборе белокаменные детали и облицовку здания за большую плату — 200 рублей и 20 ведер вина. Очевидно, Филиппов был знатоком белокаменной резьбы, недаром его работы брались за образец; так, при постройке келий Моисеева монастыря в Москве в 1690 г. Бухвостову предложено делать окна «против Кулижских богаделен», построенных Филипповым в 1681 г.

Красивый, хорошо сохранившийся до наших дней храм Григория Неокесарийского в Москве на Полянке построен на царские средства по инициативе духовника царя, протопопа Андрея Савинова, Карпушкой Губой с Филькой Денисовым и тремя братьями Григорьевыми под официальным наблюдением представителя Приказа каменных дел Ивана Кузнецика. Эта церковь в истории русского зодчества знаменует важнейший этап в развитии бесстолпного храма. Церковь отличается богатой обработкой изразцами, в частности изразцовым фризом прекрасно подобранных цветов. Шатровая колокольня связана с храмом трапезной, также украшенной в отдельных местах изразцами.

Два мастера — Петрушка Потапов и Яков Бухвостов — быстро восприняли западно-европейские декоративные формы и в конце XVII в. создали в Москве и ее окрестностях своеобразный церковный стиль.

Об этом стиле, относимом некоторыми исследователями к барокко, до сих пор идут споры в искусствоведческой литературе.

О Потапове, построившем в Москве исключительную по ритму, эффектную по силуэту, целостную по композиционному решению и богатую по декоративной отделке церковь Успения на Маросейке, церковь, которой восторгались Баженов и Гваренги, мы знаем только из надписи, высеченной на каменной доске¹ над входом: «Лета 7204, октября 25 дня, дело рук человеческих, делом² именован Петрушка Потапов». Никаких литературных данных об этом мастере не найдено; в архивных материалах конца XVII в. встречается Петрушка Потапов, шелковый мастер, — это, может быть, и есть интересующее нас лицо. Двухэтажный храм Успения, с открытой

¹ Доска хранится в музее Всесоюзной академии архитектуры.

² По-славянски «делом» — делавший, т. е. создатель.

террасой, с шатровой колокольней, отличался изысканностью форм, ясно выраженным стремлением масс вверх. Особенно способствовала этому впечатлению обработка углов основного четверика текущими вверх линиями, переходящими затем в декоративные главки.

По основным чертам стиля близок к Потапову Яков Бухвостов, крепостной Татищева, происходящий из Дмитровского уезда¹. В лице Бухвостова мы встречаем предприимчивого подрядчика и крупного архитектора, творчество которого довольно отчетливо вырисовывается в ряде архитектурных памятников конца XVII в. К давно уже известным данным о постройке Бухвостовым церкви в с. Уборах под Москвой следует добавить, что он является строителем такого выдающегося памятника, как собор в г. Рязани. Он же строил стены Новоиерусалимского монастыря, под его руководством Папуга строил надвратную церковь в Новом Иерусалиме; наконец, Бухвостов строил несохранившиеся ныне кельи в московском Моисеевом монастыре. Собранные документальные данные и анализ названных памятников показывают, что в деле создания в районе Москвы переходного к барокко стиля, в прошлом называвшегося «нарышкинским», Бухвостов сыграл первенствующую роль. Мы имеем основание несколько расширить круг произведений Бухвостова и его школы. Многие исследователи и прежде находили возможным признавать, на основании стилистического анализа, близость надвратной церкви Нового Иерусалима и церкви в с. Уборах к знаменитой церкви в с. Филях. К кубообразной композиции Рязанского собора приближается решение надвратной церкви в московском Новодевичьем монастыре, надвратной церкви в Троице-Сергиевой лавре и Ризположенской церкви в Москве (близ Донского монастыря). Таким образом, перед нами если не авторство, то «круг» или школа популярного в Москве и окрестностях строителя: работавшие с ним Тимофеев, Семенов и др. и взявшие у него подряд Папуга и Михайловы, естественно, использовали в своих постройках опыт и новые приемы Бухвостова.

XVII в. заканчивают: строитель величественного Астраханского собора Дорюфей Мякишев и трагическая фигура строителя церкви в с. Марфине под Москвой — Владимир Белозеров. Здание Астраханского собора отличается исключительной высотой, около 65 м; оно прекрасно поставлено на возвышенности и видно с Волги на расстоянии 30 км от города. Здание кубообразное, двухэтажное, с гульбищем на аркадах перед вторым этажом. В числе декоративных украшений появляются барочные формы наличников окон и притолок дверей, колонны с коринфскими капителями. Владимира Белозерова, выстроившего церковь в Марфине к 1707 г., следует отнести к последним архитекторам XVII в. Он был засечен своим помещиком Голицыным за то, что хотел возвести купол над зданием непосредственно от стен, без опорных столбов (идея, которая была осуществлена только в начале XIX в.).

Отмечая большой художественный вкус, несомненные дарования и композиционный талант крепостных строителей XVII в., следует указать, что их недостаточное образование, зачастую совершенная неграмотность, сказывались тогда, когда им приходилось иметь дело с очень сложными кон-

¹ Предположение о белорусском происхождении Бухвостова, основанное на уменьшительном имени «Янко» (Некрасов А. И., Барокко в России. Сборник ГАХН, М. 1926), неверно.

струкциями, требующими точных расчетов и выходящими за рамки обычных строительных приемов, освященных многолетней практикой, как это, впрочем, бывало и у европейских мастеров. Так, когда Корольков «завел» Смоленский собор не по «образцу», а по собственному замыслу, он потерпел неудачу: не сумел сомкнуть алтарные своды с капитальными стенами основного массива. Корольков вывел основной массив собора в форме куба и к восточной стороне его присоединил три полукруглых абсиды; когда тяжесть алтарных сводов начала давить на стены абсид, они отошли от стен собора, о чем говорится в документе: «олтарь большой с боковыми олтарями от стен церковных на фундаменте отделились»; из-за этого Корольков был удален с работы. Точно так же у Мякишева в 1702 г. при постройке исключительного по высоте Астраханского собора обрушились своды «по непрочности поддерживавшего фундамента», как сообщает проезжавший в 1703 г. через Астрахань голландец де-Бруин.

При всей скудости материалов, характеризующих крепостных строителей, мы все же имеем возможность несколько подробнее обрисовать личность Якова Бухвостова. В период 1690—1693 гг. Бухвостов одновременно работает на постройке келий московского Моисеева монастыря, стен Нового Иерусалима, руководит постройкой надвратной церкви в том же Новом Иерусалиме. С 1693 г. Бухвостов начинает строить собор в Рязани и церковь в с. Уборах под Москвой. Если в 1690—1691 гг. Бухвостов благополучно вышел из затруднительного положения благодаря тому, что во-время передал свой подряд на постройку надвратной церкви в Новом Иерусалиме Папуге, то в 1693—1696 гг. у него вышли серьезные неприятности из-за невыполнения подрядов в срок. В назначенный для окончания срок (1695 г.) церковь в с. Уборах не была готова, и заказчик, боярин Шереметев, подал в Приказ каменных дел жалобу с просьбой о привлечении Бухвостова к ответу. По просьбе Шереметева в Рязань, где в это время Бухвостов строил собор, был послан из Москвы пристав для ареста Бухвостова, но сделать этого не удалось, так как «пойматься он, Якунка, не дал и от них, посыльных людей, ушел». Бухвостов лично явился к Шереметеву и договорился с ним о постройке церкви в с. Уборах летом 1696 г., но и этого обязательства не выполнил. По новой жалобе Шереметева в с. Уборы выезжал из Приказа каменных дел подмастерье Данила Калинин для описи постройки¹. Бухвостов же и его товарищи, Михаил Тимофеев и Митрофан Семенов, «видя свою неправоту, с дела сбежали». Тогда пристав арестовал поручителя Соболевского (доверенного помещика Татищева), но и тому удалось скрыться. После довольно продолжительных розысков Бухвостов был пойман и «посажен в колодничную палату за решетку». На допросе Бухвостов объяснял, что окончание постройки в Уборах задержалось из-за отсутствия самого Шереметева, от которого Бухвостову нужно было получить некоторые указания; поэтому он уехал из Убор в Рязань строить собор, где у него случилась в работе какая-то «поруха», и за это рязанский митрополит «посадил его в железа», так что он не мог явиться во-время в Уборы. Приговор был жестокий: Бухвостова было велено «бить кнутом нещадно и каменное дело ему доделать». Даже Шереметев испугался за судьбу своей постройки и написал просьбу об отмене уголовного наказания: «об наказании я не челобитчик».

¹ Моск. феод.-крепостн. архив, статьи разные, столб. № 2001.

Так характеризуют судебные документы этого интересного мастера и энергичного человека, жадного и к самой работе и к наживе, ловко выпутывавшегося из затруднительных положений. В то же время дело Бухвостова свидетельствует о том бесправном положении, в котором находился крепостной мастер перед законом, перед своим заказчиком и перед своим господином. Недаром в 1700 г. строитель Астраханского собора Мякишев соглашается на то, чтобы его заказчик, казначей архиерейского дома, мог его «смирять за всякое непослушание».

КРЕПОСТНЫЕ АРХИТЕКТОРЫ XVIII в.

В петровское время (первая четверть XVIII в.) все внимание правительства в области строительного дела было направлено на создание новой столицы — Санкт-Петербурга. В течение нескольких десятилетий огромные массы крепостных сгонялись в строящийся город и здесь использовались как чернорабочая и реже как квалифицированная строительная сила, обычно под руководством иностранных специалистов. В 1704 г. на работы по строительству Петербурга было мобилизовано 40 тысяч рабочих, в 1705 г. «с 35 городов, с посадов, дворцовых волостей, поместьев, вотчин, всяких чинов людей, с крестьянских и бобыльских дворов — взять работных людей с девяти дворов человека»¹. В 1708 и 1710 гг. приказано было собрать 40 тысяч работников с плотничными снастями. Мобилизованные строители поступали в ведение сформированной в 1704 г. канцелярии строений, которая направляла их для работы по специальностям. В 1710 г. предпринято было переселение «мастеровых людей» с семьями, в количестве 14 971 человек, «на вечное житье» в Петербург. Среди переселенцев было 1 900 каменщиков, преимущественно из Петербургской, Московской и Казанской губерний, 1 741 плотник, преимущественно из Архангельской, Петербургской, Московской, Казанской и Симбирской губерний, и 200 кирпичников, главным образом из Московской губернии². По указу 1712 г., переселенных строительных рабочих обеспечили в Петербурге земельными наделами. В 1717 г. было приказано переселить в столицу «купеческих и ремесленных людей...», «первостатейных и средних лучших»³. Наконец в 1714 г. было запрещено во всей стране, кроме Петербурга, строить каменные сооружения.

Таким образом, в начале XVIII в. для провинциального строительства сложилась обстановка неблагоприятная: нельзя было строить из камня, не было квалифицированной рабочей силы. Вот почему эта эпоха не оставила ни одного имени крепостного архитектора, который так или иначе выдвинулся бы на обширной территории петровской империи. Что касается Петербурга, то здесь крепостной люд обезличивался, первые места занимали иностранцы и их русские выученики; даже самому талантливому крепостному было очень трудно выдвинуться, привлечь к себе внимание. К тому же переселяемые в Петербург крепостные попадали в настолько тяжелые бытовые условия, что многие тысячи их погибали в самое короткое время⁴.

¹ Централархив, дела Монастырского приказа, вязка 223, № 42.

² Доклады и приговоры Сената, т. 2, стр. 270.

³ Полное собрание законов Росс. Империи, № 3118.

⁴ Суходрев В., Петербург и его достопримечательности. СПб. 1901, стр. 7 и 8.

Единственный до сих пор известный нам крепостной, выдвинувшийся на дворцовых постройках, и притом только в 50-х годах XVIII в., — Федор Григорьев из Костромского уезда, работавший под наблюдением иностранного мастера Монижетия и бывший помощником архитектора Казакова по устройству колонн и пилястров в Петергофском дворце. В Комиссии по строениям учился и работал благодаря исключительно авторитету своего барина, графа Шереметева, крепостной Федор Аргунов, произведенный в 1739 г. в подмастерья каменных дел. Получив звание архитектора, Федор Аргунов возвратился к своему помещику и в дальнейшем работал только на него.

Карьера Федора Аргунова показательна для характеристики новых условий, которые создались к середине XVIII в. Со смертью Петра I среди дворянства наблюдается тяга из Петербурга в усадьбы; в 1762 г. издается указ, освобождающий дворян от обязательной государственной службы, в 1775 г. появляется жалованная грамота дворянству, дающая этому сословию значительные привилегии. Права дворян по отношению к крепостным получают более четкую формулировку и значительно расширяются: «землевладелец, кроме смертной казни, делает в своем имении все, что ему заблагорассудится», писал современник¹. Среднее и мелкое дворянство, оставившее государственную службу и осевшее в своих имениях, начинает заниматься их благоустройством. Эта группа дворянства до XIX в. еще не воспринимает полностью европейскую культуру, а поэтому и строительство европейского порядка в провинции не получает большого развития. Зато придворная аристократия, «люди случая» в своем быту заводят невиданную роскошь, обслуживаются дворней из крепостных, порой достигающей баснословной численности (у гр. Головкина в дворне было 300 человек, у Каменского — 400, у Вл. Гр. Орлова — 500, у Измайлова — 800). В составе дворни значительную группу составляют музыканты, артисты, танцовщицы, художники, поэты.

Среди дворни зачастую упоминается и домашний архитектор, а у тех из помещиков, которые уделяли большое внимание строительству дворцов в столицах и в усадьбах, было и по нескольку архитекторов; у архитекторов этих были свои помощники и ученики, также из крепостных. Квалифицированные, знающие дело архитекторы из крепостных появляются не сразу. Обычно помещики отыскивали кого-либо из архитекторов в столице или большом городе и отдавали ему на выучку своих крепостных. «Многие крепостные получают уроки рисования, скульптуры и т. п., но грубые методы, которые употребляются для их образования, вместо того чтобы создать из них артистов, приводят их к превращению в дурных ремесленников», писал французский путешественник де-Пассенан². Несколько лучше поставлено было дело у родовых дворян, в усадьбах которых сохранились строительные традиции еще с XVII в. Так, у Шереметевых в XVII в. были такие мастера, как, например, Сенька Дементьев, строивший столовую палату в Коломенском дворце, или Филька Дементьев, строивший церковь Григория Неокесарийского в Москве. Когда в XVIII в. Шереметев широко развертывает строительство в своих усадьбах, у него оказывается большая

¹ «Русский архив», 1880 г., № 3, стр. 6.

² De Passenans, La Russie et l'esclavage dans leurs rapports avec la civilisation européenne. Paris. 1822, v. 12.

группа крепостных мастеров, многие из которых учились у видных архитекторов того времени — Чевакинского, Бренна, Гваренги, Казакова и др. Эти мастера прошли большую практику на многочисленных крупных постройках Шереметева в Петербурге, Москве, Кускове, Останкине и т. д.

Обычно молодые люди из крепостных, барской волей предназначенные к занятиям архитектурой, отдавались в обучение вольным архитекторам на определенный срок. Некрасов был отдан своим помещиком Воронцовым в 70-х годах XVIII в. «в учение по этой части к какому-то известному тогда зодчему, и он настолько преуспел, что под его ведением строились в Белкине все домики для гостей и прочие постройки»¹. Павел Аргунов учился у неизвестного нам архитектора Бажева. В 1790 г. знаменитый русский архитектор В. И. Баженов хлопочет об открытии в Москве художественной школы, в которую принимаются для обучения и «люди, от господ вверенные»².

Издавая в 1764 г. манифест о привилегиях Академии художеств, Екатерина II включила в него такой пункт: «Всех наших подданных, как ныне в Академии членов, адъюнктов, академиков и учеников обучающихся, так и впредь происходящих из воспитательного при Академии училища, которые отличают себя честным и похвальным поведением и благонаравием (что паче всего прилежно рассматривать), а при том в художествах и мастерствах окажут изрядные успехи, когда по засвидетельствованию от собрания получают в том аттестаты, всемилоостивейше жалуюем и утверждаем с их детьми и потомками в вечные роды быть совершенно свободными и вольными... Наистрожайше запрещаем всем и каждому, какова б кто звания ни был, из сих художников, мастеров, детей их и потомков в крепостные себе люди записывать и утверждать каким бы то образом ни было». Но этот манифест тогда же был в значительной мере урезан параграфом первым устава Академии: до поступления в специальные классы Академии нужно было в течение девяти лет, с самого детства, обучаться в воспитательном училище при Академии, в училище же это крепостные не принимались. «Первому приему состоять из 60-ти мальчиков, не старее как от пяти до шести лет³, какого б звания ни были, исключая одних крепостных, не имеющих от господ своих увольнения». Таким образом, широковещательный манифест никакого практического значения не имел. Помещики отпускать своих крестьян на волю не желали, и поэтому в течение XVIII в. среди воспитанников Академии художеств встречается лишь незначительная прослойка из крепостных. Это главным образом крепостные, принадлежащие вельможам, близким самой Академии: один — крепостной президента Академии Бецкого, другой — жены следующего президента Строганова, третий — просвещенного мецената Панина и т. д.

Из работ крепостных архитекторов XVIII в. наиболее полно изучено строительство усадеб и городских домов Н. П. Шереметева; оно осуществлялось почти исключительно силами его крепостных архитекторов, и только для общего руководства и консультаций привлекались крупнейшие мастера столицы. Большим мастером стиля барокко был шереметевский

¹ Бутурлин М. Д. Записки. «Русский архив», 1897 г., кн. 3.

² «Русский архив», 1899 г., № 4.

³ С 1802 г. приемный возраст был повышен до 8—9 лет.

архитектор Федор Аргунов¹, строивший под наблюдением архитектора Чевакинского так называемый Фонтанный дом в Петербурге, построивший здесь в 50-х годах, скорее всего по собственному замыслу, затейливый подъезд, грот, эрмитаж и китайскую беседку в саду, отделявавший в 60-х годах некоторые комнаты этого дома и в 1762 г. строивший флигель дома Шереметева на Миллионной улице. Тот же Федор Аргунов руководил с 1755 г. строительством в усадьбе Кусково под Москвой, пользуясь консультацией московского архитектора Ухтомского; ряд построек в Кусковском парке (например грот, оранжереи, итальянский домик) спроектированы, нужно думать, Аргуновым.

По своему стилю Аргунов ближе всего к Растрелли, что особенно заметно в его подписном проекте «частного дома», сохранившемся в 12 листах². Аргунов, судя по этому проекту, тоньше понимает Растрелли, чем непосредственный ученик последнего — Чевакинский. Дом этот Аргунов проектирует в форме буквы П, с ризалитами, обращенными в сад. Здание богато оформлено барочными, по-растреллиевски вынесенными вперед колоннами, завершается разорванными волутообразными фронтонами и покрыто лепкой в стиле рококо. Исключительной пышностью отличается парадный вход; величественная, торжественная лестница ведет в двухсветный зал и парадные комнаты второго этажа, обработанные в духе Растрелли. Наряду с декоративным оформлением жилых комнат, в творчестве Аргунова следует отметить удачное функциональное решение и расположение построек хозяйственного назначения. У Федора Аргунова, несомненно, учились и под его наблюдением работали крепостные архитекторы Шереметева — Алексей Миронов и Григорий Дикушин. Возможно, он знакомил с приемами зодчества и Павла Аргунова, своего племянника.

Миронову его работа в молодые годы под руководством Аргунова сослужила в дальнейшем, в 90-х годах, плохую службу: работая в качестве самостоятельного архитектора в Останкине, он не смог переключиться на формы классицизма и принужден был отойти в шереметевском строительстве на второй план. Один только раз удалось Миронову, уже в конце жизни, показать всю силу своего мастерства при художественной отделке Дмитровского храма в Яковлевском монастыре, в г. Ростове Великом, над которой Миронов работал в 1802 г. Человек культурный, учившийся в Московском университете, преподаватель арифметики, Миронов был привлечен к архитектурной работе в связи с развернувшимся в 50-х годах строительством в Кускове. Здесь Миронов работал главным образом в чертежной, проектируя и копируя; на строительной площадке он бывал редко. Многочисленные рисунки Миронова, относящиеся к Кускову, изображают преимущественно уже построенные здания; поэтому трудно определить, что действительно построил Миронов в Кускове. Лучше обстоит дело с Останкиным, где Миронов некоторое время был главным архитектором; сохранился, например, подписной чертеж Миронова, на котором показано, как была ранее украшена стена останкинского зала и какие Миронов намечал переделки, т. е. перед нами раскрывается творческий процесс мастера. Зарисовкам Миронова мы обязаны сохранением художественного облика Кускова конца XVIII в.; они были изданы по распоряжению Шереметева особым альбомом.

¹ Сам он писал свою фамилию О р г у н о в.

² Хранится в Ленинградском архитектурном музее при Академии художеств.

За короткое время руководства строительством Останкина Миронов обнаружил свою неподготовленность к работе в стиле классицизма. Его проекты не нравятся Шереметеву, и его заменяют молодым Павлом Аргуновым. Миронов вынужден работать опять в чертежной, изредка производя небольшие переделки и незначительные ремонты. И на последней своей большой работе, при постройке Странноприимного дома в Москве (ныне больница им. Склифасовского), Миронов используется только в чертежной. Только тогда, когда у мастера появляется некоторая свобода для творчества, когда он может мыслить излюбленными образами, он дает прекрасное оформление здания Дмитровского собора в Ростове. Здесь Миронов был свободен от стеснявшего его надзора других архитекторов, над ним не было опеки самого Шереметева, постоянно вмешивавшегося в проекты своих архитекторов, наконец, Миронов строил здание храма, где он мог использовать и приемы, несвойственные классицизму, например расчленение глади стены декоративным фризом и карнизом, и т. д.

У Миронова были свои ученики, почти все время работавшие с ним. Федор Халдин работал с Мироновым в качестве его ученика в Останкине и при постройке московского Странноприимного дома; Борис и Петр Курзины работали под руководством Миронова в Кускове; ученик Миронова, впоследствии архитектурский помощник, Петр Бизьев оставил большой альбом останкинских построек, в котором 39 рисунков принадлежат лично Бизьеву. Несомненно, у Миронова учился и его сын Сергей, впоследствии московский архитектор, строивший вместе с отцом Странноприимный дом.

Одновременно с Мироновым у Шереметева работает архитектор Григорий Дикушин, занимавший более низкое положение, чем Миронов и Павел Аргунов. Сведения о Дикушине начинаются с 1792 г., когда он отправляется в Петербург учиться «перекрывать большие площади»; через некоторое время по возвращении в Москву обнаруживается, что обучился он этому недостаточно, и ему рекомендуется консультироваться с архитектором Бланком. Дикушин работал вместе с Мироновым в Останкине, на постройке флигелей, подчиняясь сначала Миронову, а затем Павлу Аргунову и уделяя большую часть своего рабочего времени черчению. Впоследствии Дикушин, также с Мироновым, работал в чертежной на постройке Странноприимного дома. Лицо Дикушина как архитектора невыразительно, его чертежи по технике исполнения близки к мироновским.

О деятельности шереметевского архитектора Кузьмы Буянова, работавшего в Кускове вместе с архитектурскими учениками Котыревым и Борисом Курзиным, нет никаких материалов, кроме чертежей. В последнее время некоторые работы в Останкине, подписанные Буяновым, приписываются архитектору Ордену, — повидимому, вольному; но если посмотреть на отчетливые, бесспорные подписи Ордену на его чертежах в Кусковском музее, то станет очевидно, что останкинские чертежи принадлежат не ему, а Буянову.

Большой известностью пользуется фактический строитель Останкина, крепостной архитектор Шереметева, — Павел Аргунов, сын известного крепостного художника Ивана Аргунова и племянник архитектора Федора Аргунова. От отца и дяди он унаследовал их художественную культуру и, кроме того, специально обучался архитектуре в Петербурге, у неизвестного архитектора Бажева. Большое значение для развития художественного вкуса Павла Аргунова имело его общение, в связи с постройками у Шере-

метева, с такими архитекторами, как Гваренги, Старов, Бренна в Петербурге, Бланк, Кампорези и Назаров в Москве. Аргунов делает, например, балясины для Останкина «по гваренгиеву примеру», с Бренна консультирует по вопросам устройства авансцены в театре, через Старова заказывает изразцовые печи. Если своей карьерой Павел Аргунов в значительной мере обязан тем благоприятным условиям, в которых находилась у Шереметева его семья, отец — известный художник и управляющий шереметевскими имениями, дядя — архитектор, то в работах своих, главным образом над внутренним убранством Останкинского дворца, он обнаружил исключительный вкус и декораторские способности, несмотря на постоянное стеснительное для творчества вмешательство барина. То, что сделано в Останкине Аргуновым, было не под силу Миронову или Дикишину. Останкинский дворец, не только по своим архитектурным формам, но и по художественной отделке и внутреннему убранству, — в частности замечательна мебель, — является исключительным памятником конца XVIII в.; здесь в полной мере проявляется мастерство крепостных архитекторов, не обучавшихся в Академии художеств, их одаренность, художественная культура и высокий уровень строительной техники.

КРЕПОСТНЫЕ АРХИТЕКТОРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

С начала XIX в. спрос на крепостных художников и архитекторов значительно увеличивается. Если раньше они работали преимущественно для придворной и высшей служилой аристократии, то после войны 1812 г. крепостных архитекторов заводят у себя помещики средней руки и даже купечество: дворяне Хлюстины, Шемякины, Ласунский, Яньков, Ерофеев, купец Демидов и др. Дворяне, за время войны побывавшие за границей, начинают строить у себя в имениях жилые и хозяйственные сооружения хотя из дерева, но в европейском стиле ампир. Для обслуживания этого строительства понадобилось значительное количество мастеров, знакомых с приемами и формами европейской архитектуры. Спрос на крупных архитекторов, работавших в столицах, был так велик, что они не успевали выполнять даже заказы высшего общества; выезжать в провинцию такой мастер не хотел; кроме того, для среднего помещика он был и слишком дорог.

Поэтому в провинции предпочитают готовить собственных архитекторов из числа крепостных и таким путем «приобщаться к европейской культуре». И теперь, как и в XVIII в., одним из наиболее распространенных способов подготовки крепостных архитекторов является обучение у столичных зарекомендованных архитекторов. Помещик шел на некоторые жертвы, рассчитывая окупить их впоследствии высококвалифицированным трудом своего крепостного: он отказывался от использования дарового труда крепостного во время обучения, обычно в течение 5 лет, и даже платил значительные по тому времени суммы за обучение и содержание ученика. Крепостных обучали архитектуре на дому некоторые видные столичные архитекторы. Так, у А. Н. Воронихина в 1814 г. обучались крепостные мальчики Строгановой, Мичурин и Шаров, и крепостной Голицыной — Садовников; все они впоследствии получили звание архитектора, а Садовников — даже академика архитектуры. Крепостной Демидова Луценко с 1837 по 1840 г. обучался у академика архитектуры Абрама Мель-

никова. Большую школу для крепостных имел в Москве архитектор Д. Е. Тюрин, у которого в 20-х годах учились одновременно несколько человек: Гусев, Сумаковский, Петров, Добрынин и др. Из записок Гусева видно, что в Москве брал в обучение крепостных и архитектор С. П. Мельников. У Джилярди-отца обучался архитектуре Дормидонт Григорьев.

Методы обучения и условия работы крепостных учеников подробно описаны в записках крепостного архитектора П. И. Гусева¹, обучавшегося у Тюриня. Первоначальную подготовку будущий архитектор получал у доморожденных мастеров. Тот же Гусев, прежде чем поступить к Тюрину, учился у крепостного архитектора Каширина. Из дел Академии художеств видно, что поступавшие в Академию крепостные уже были знакомы с начатками строительного дела, с математикой и архитектурным проектированием. Костин до поступления в Академию «уже упражнялся в землемерии три года и в гражданской архитектуре — два года». Наумов «упражнялся два года в гражданской архитектуре», Чеботарев обучался «архитекторской науке как по части теоретической, так и по практической», Пустовойтов «уже учился математике и архитектуре», Шляхтенко оказывается обученным «правилам грамматики, арифметике и частью рисовальному искусству». Известный А. А. Аракчеев, желая отдать в Академию художеств крепостного Семенова, заставил своего подчиненного по артиллерийскому ведомству, полковника Капустина, подготовить его, и полковник выдал Семенову удостоверение в том, что тот «сверх черчения планов успел и совершенно знает арифметику, геометрию, тригонометрию, алгебру, уравнения 1-й и 2-й степени».

Гусев у архитектора Каширина сначала основательно научился рисовать, начав «с зрачков глаз в трех линейках», а затем обучался архитектуре, «Виньоле и далее». За три года обучения у Каширина Гусев «успел в рисовании головок и черчении планов и фасадов». Но Каширин не давал ученику строительной практики, что сам Гусев признает большим недостатком. Иначе вел дело архитектор Тюрин. Ученикам была отведена в его доме чертежная комната, где они рисовали, копировали планы и фасады, а затем направлялись на съемку планов с природы. Работая зимой в чертежной, они «занимались мыслями об искусстве»; многократно бывали «при хороших практиках», имея даже там некоторый заработок. Если у Каширина ученик по-старинному должен был убирать комнаты, перестилать постели, топить печи, то Тюрин своих учеников «содержал как благогорожденных наукой людей высшего ума» и запрещал им иметь знакомства «без разбора лиц». Если любивший выпить Каширин был с учениками взыскателен, «уродничал», то Тюрин был вежлив и ласков. В лице этих двух архитекторов мы встречаем два типа учителей: отживающий тип конца XVII — начала XVIII в. и вновь нарождающийся в XIX в., стоящий на уровне европейской культуры.

Плата за обучение взималась по тому времени значительная. Каширину за обучение Гусева платили по 200 рублей в год, а Тюрин брал по 300 рублей в год с ученика. По окончании курса ученик становился помощником архитектора и получал от учителя аттестат, удостоверяющий, что, работая у архитектора, он «оказывал как в теории, так и в практике успехи». Это давало ему право на самостоятельное производство строительных работ.

¹ «Жизнеописание П. И. Гусева, им самим составленное». Щукинский сборник, вып. 2, М. 1903.

Как во время обучения, так и в дальнейшей строительной практике крепостные архитекторы обычно пользовались различными руководствами, издаваемыми главным образом для сельских хозяев. Распространены были три таких руководства:

1. «Полная архитектура для городских и сельских хозяев, служащая полным и подробным руководством для управления работами при постройке всякого рода зданий без помощи архитектора, содержащая в себе описание городских, загородных и сельских домов, скотных дворов, птичников, голубятен, колодцев, фонтанов, павильонов, беседок, статуй, ворот, террас, теплиц, оранжерей, садков для хранения рыбы, овчарен, хлевов для свиней, курятников, каретных сараев, конюшен, амбаров, риг, сараев, погребов, подвалов и вообще всех, касающихся до городского и сельского домоводства строений, с внутренним их расположением и украшениями, с показанием средств возможного сбережения издержек и правил, коими надлежит руководствоваться при выборе материалов, а также включает в себе собрание новейших открытий, касательно построения разного рода зданий. С чертежами для каждого из вышеозначенных строений и с рисунками для каждой их части в особенности». Издание это выпущено в Москве в 1836 г., в трех частях. В альбомах даются образцы зданий «в итальянском вкусе, в турецком, готическом, египетском, сельском (с трельяжами)», но все эти образцы в конечном результате исходят от форм ампира.

2. «Архитектура для сельских и деревенских жителей, или наставление недостаточным помещикам, как прочно строить дома и крестьянские жилища материалами дешевыми, находящимися у них почти под руками: 1) из одной земли, 2) из мелкого камня, 3) из нестроеного леса, и из мелкого, т. е. из слег и жердей, с присовокуплением 4) искусства предупреждать и гасить пожары» (Москва, 1837, 38 стр. и политипаж).

3. «Архитектор XIX столетия, или магазин городских и сельских хозяев, состоящий из архитектурных чертежей, рисунков и разных хозяйственных построек, с присовокуплением чертежей и рисунков знаменитого берлинского архитектора Шинкеля, содержащий в себе на 450 листах, кроме текста: 1) украшения строений вообще, как внешние, так и внутренние, 2) чертежи строений во вкусах римском, греческом, итальянском, английском, голландском, венецианском, готическом и китайском, 3) чертежи монументов, купален, фонтанов, мостов, 4) правила построения разных родов печей. Рисунки и чертежи гравированы под ведением художника И. А. Х. Буренна» (издание Академии художеств, СПб. 1840).

Но кустарный способ обучения архитекторов в XIX в. изживается, так как более ценится архитектор, получивший систематическое образование в училище. Наблюдается тяга в Академию художеств. Между тем, по закону помещик должен был давать поступающему для обучения в Академию художеств крепостному мальчику «вольную», что, естественно, помещиков не устраивало. В связи с этим «дополнительными статьями» к уставу Академии художеств, утвержденными в 1802 г., разрешено было, кроме трехсот воспитанников, находящихся на казенном иждивении, принимать в Академию «вольных пансионеров». Последние обучались вместе с «казенными воспитанниками», но к ним не предъявлялись все формальные требования устава Академии. На правах таких «вольных пансионеров» помещики и начинают отдавать своих крепостных в Академию художеств, не освобождая их от крепостного состояния. Когда же учившийся в Академии крепостной приближался к окончанию и мог таким путем полу-

чить свободу, помещик обычно забирает его из Академии и использовал у себя в имении. Так был уволен в 1813 г. крепостной Протасовой Кульченков, «как не имевший вольности»; в 1815 г. — крепостной князя Щербатова Еремеев; в 1817 г. Аракчеев забирает из Академии окончившего ее Семенова, будущего профессора архитектуры; Голицына забирает своего крепостного Садовникова; в 1818 г., вследствие нежелания барина отпустить его на свободу, оставляет Академию Связев. Все они только впоследствии, получив «вольную», сумели окончить Академию, причем некоторые через большой промежуток времени, например Еремеев через 17 лет, Садовников через 21 год, Семенов через 26 лет.

Наплыв крепостных в Академию вызывал тревогу в правительственных кругах. 23 октября 1817 г. президент Академии Оленин сообщает Совету объявленное ему через министра народного просвещения распоряжение государя, «чтобы впредь в число воспитанников Академии художеств не были принимаемы крепостные люди, не имеющие от господ своих увольнения». Совет Академии принял пассивную резолюцию: «Принять к сведению и в потребном случае к исполнению»¹. Сам Оленин смотрел на допущение крепостных в Академию не так либерально, как его предшественник по президентству Строганов; вопреки очевидности, он находил возможным говорить, что «из крепостных ни один не остался порядочным человеком»². Руководствуясь упомянутым «высочайшим повелением», Оленин немедленно разослал всем помещикам, чьи крепостные обучались в Академии, требование представить документы об освобождении воспитанников от крепостной зависимости и подписку о принятии на себя платы за обучение до окончания ими Академии (от 300 до 360 рублей в год). Немногие из помещиков согласились выполнить это требование президента. За оканчивавших Академию в 1818 г. Костина и Пустовойтова платят их бывшие помещики Ласунский и Безбородко. За оканчивавших только в 1827 г. Ашиткова и Шляхтенко обязались платить: за первого Репнина, за второго Постников, за третьего дочь Мусина-Пушкина. Некоторые из помещиков, освободив воспитанников Академии от крепостной зависимости, отказались платить за их обучение. Так поступила с Демидовым княгиня Волконская, и Академия восстановила его учеником только тогда, когда за него обязался платить «брат его, егерь Дмитрий Самыкин». За Каменского, бывшего крепостного Голицына, обязался платить его родственник (также бывший крепостной) отставной мелкий чиновник Иван Каменский. Многие из крепостных воспитанников Академии были исключены в начале 1818 г.

Если крепостной получал «вольную» и находил покровителя, платившего за его обучение в Академии, то этим препятствия полностью не устранялись.

При окончании курса обучения в Академии, когда оканчивавшему следовало получить право на чин, в отношении каждого вольноотпущенного потребовалось особое «представление» об этом президента Академии министру народного просвещения, «дабы он соблаговолил принять в начальническое внимание отличные успехи одного для исходатайствования у его императорского величества высочайшего повеления о возведении его

¹ Дело правления Академии художеств, 1817 г., № 52.

² Оленин А. Н., Краткое историческое известие о состоянии Академии художеств. СПб. 1829.

в звание художника 14-го класса»¹. Поэтому вольноотпущенных выпускали из Академии чаще со званием «неклассного художника».

Дополнения к уставу Академии художеств, изданные в 1830 г., повышают возраст для поступающих в Академию до 14 лет и разделяют воспитанников Академии на штатных и сверхштатных, но крепостным права поступления в Академию не дают. В новом уставе Академии, утвержденном в 1859 г., за полтора года до отмены крепостного права, говорится (§ 106), что «в Академию имеют право вступать люди всех состояний, коим сие ныне предоставлено», т. е. лица свободные.

В результате мероприятий правительства число обучающихся в Академии крепостных и вольноотпущенных значительно сокращается с середины 20-х годов. Это отвечало и намерениям Николая I, который в рескрипте 1827 г. «рассуждал» следующим образом: «С одной стороны, сии (крепостные) молодые люди, получив первоначальное воспитание у помещиков и родителей с дурными навыками, и заражают ими товарищей своих в классах, и через то препятствуют попечительным отцам семейств отдавать своих детей в сии заведения. С другой же, отличнейшие из них по прилежности и успехам причащаются к роду жизни, к образу мыслей и понятиям, не соответствующим их состоянию. Неизбежные тягости оного для них становятся несносны, и от того они не редко в унынии предаются пагубным мечтаниям или низким страстям»². По этому своеобразному «рассуждению» получалось, что запрещение крепостным обучаться проведено в их же интересах, а потому запрещалось «без увольнения помещиками от сего состояния» допускать к обучению дальше приходских, уездных и низших профессиональных школ. Министр народного просвещения, развивая мысль царя, писал: «Науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеем»³. Только получив свободу, после долгого перерыва в обучении, могли закончить Академию Свиязев, Садовников и Семенов. Совсем не обучаясь в Академии художеств, на основании представленных проектов и выполненных строительных работ получили от Академии звание архитекторов: вольноотпущенный Васильчиков Поляков — в 1837 г., вольноотпущенный Римского-Корсакова Простаков — в 1838 г., вольноотпущенный Воронцова-Дашкова Васильев — в 1857 г., вольноотпущенный Кострюков — в 1858 г., вольноотпущенный Тихомиров — в 1859 г., бывший крепостной Демидова Луценко — в 1862 г.

На основании архивных материалов можно составить представление о тематике дипломных проектов, которые разрабатывались крепостными архитекторами при окончании курса Академии художеств. Эта тематика в большинстве случаев обуславливалась конкретными потребностями господствовавших классов, причем профессора, выбиравшие темы для проектирования, не считались с тем, в какой обстановке и где будет работать будущий архитектор. Крепостной Строгановых Колодин и крепостной Волконской Сошников в 1807 г. готовили «проект зданию всех судебных мест в столичном городе». В 1831 г. крепостной Шаховской Свиязев получает

¹ Дело правления Академии художеств, 1819 г., № 104.

² Шильдер, Император Николай I, СПб. 1903, т. II, стр. 34.

³ Сакулин П., Крепостная интеллигенция. Сборник «Великая реформа», т. 3, М. 1911.

звание архитектора за проект «произведенного им строения при императорской бумажной фабрике в Петергофе». В 1827 г. за проект «план, фасад и разрез театра со всеми к оному принадлежащими помещениями» крепостной Разумовской Ашитков, крепостной Мусина-Пушкина Шляхтенко и крепостной Архарова Данилов получают вторую золотую медаль. Крепостной Щербатова Еремеев в 1832 г. составляет «проект дачи со всеми принадлежностями». В 1837 г. крепостной Васильчикова Поляков разрабатывает проект богатой фермы.

Получив теми или иными путями право на производство строительных работ, крепостные стараются угодить своим помещикам высоким качеством работы и таким путем добиться для себя вольной. Так было с крепостным Протасовой Кульченковым, взятым помещицей из Академии перед самым окончанием курса. Получив в 1817 г. свободу за произведенное строительство, он обратился в Академию с прошением о выдаче ему аттестата на звание архитектора со следующей мотивировкой: «Поступя в Императорскую Академию Художеств в 1807 г. в число пансионеров, обучался в оной архитектурному художеству до 1813 г. и за оказанные успехи был признан достойным получить серебряные медали второго и первого достоинства, а при увольнении из Академии снабжен был свидетельством об успехах и похвальном поведении. Аттестатом же, с которым по привилегии Академии Художеств сопряжен офицерский чин, тогда не мог воспользоваться, потому что в то время был крепостным. Ныне, по получении от помещицы своей отпускной вечно на волю и свидетельства о том, что уже по увольнении из Академии продолжал с успехом заниматься архитектурным художеством и к удовольствию бывшей своей помещицы произвел в поместьях ее разные строения...»

Кажется странным, что помещики, готовившие для себя в Академии художеств квалифицированных мастеров, спешившие брать их из Академии, как только казалось, что крепостной может получить медаль, а благодаря этому и свободу, находили возможным после нескольких лет работы отпускать крепостных архитекторов на волю (так было с Кульченковым, Свиязевым, Садовниковым и др.). По этому вопросу мы имеем мало документальных данных, но на основании некоторых намеков в записках крепостного архитектора Гусева¹ можно допустить, что в тех случаях, когда отпускали на волю не по завещанию и не под давлением со стороны влиятельных лиц, нередко имела место замаскированная сделка-выкуп. Помещик видел, что его архитектор может хорошо зарабатывать, что он стремится на волю, и поэтому отпускал его, беря с него долговые обязательства, которые тот оплачивал из своих «свободных» заработков.

Редко после освобождения архитекторы из крепостных сохраняют деловые отношения со своими помещиками.

Проникновение крепостной молодежи в Академию художеств, возможность получения крепостными высшего художественного образования можно рассматривать, с точки зрения подъема культурного уровня крепостных, как факт положительный. Но тот режим воспитания, те рутинные методы обучения, которые царили в тогдашней Академии, нередко имели для начинающих художников отрицательное значение: они сушили, а иногда калечили молодые дарования. Просматривая списки крепостных архитек-

¹ «Жизнеописание П. И. Гусева, им самим составленное». Щукинский сборник, вып. 2, М. 1903.

торов, окончивших Академию художеств, поражаешься тому, что большинство из окончивших Академию в своей практической работе не выделялось из общей массы архитекторов. Во многих случаях мы знаем, где, в каком ведомстве служил тот или иной архитектор, но записки современников, мемуары, предания не связывают этих имен с какими-либо выдающимися архитектурными произведениями, не отмечают их особой роли в общественной жизни. Получившие в Академии золотые медали — Ашитков, Данилов, Шляхтенко и др. — не создали чего-либо выдающегося; даже прославленные Семенов, Садовников, Свиязев, достигшие высокого положения, строили хорошо, но не проявили блеска.

Значительно выше в художественном отношении оказались обучавшиеся на дому и своим трудом добывавшиеся от Академии звания архитектора, несмотря на царивший в ней формализм. Можно указать ряд сохранившихся до настоящего времени зданий, построенных крепостными архитекторами для своих помещиков в городах и усадьбах, а также по подрядным договорам, с разрешения своих господ, в усадьбах других помещиков. Крепостной архитектор Хлюстина Каширин около 1802—1803 гг., еще будучи студентом Академии художеств, построил для своего барина в Калуге прекрасный дом в стиле классицизма, обнесенный стеною с ротондообразными башнями на углах; это здание в настоящее время входит в состав городской Хлюстинской больницы. Он же в 1820 г. построил в с. Троицком (Медынский уезд б. Калужской губернии) каменную церковь, сохранившуюся донныне. Крепостные архитекторы Жданов и Поляков строили в первой половине XIX в. для своего помещика Барышникова усадьбу Алексея в Доргобужском уезде Смоленской губернии. Крепостной архитектор Александр Сапожников спроектировал и, по всей вероятности, сам и выстроил около 1810 г. великолепный дом для своего помещика Брянчикова в с. Покровском под Вологдой; дом этот является исключительным памятником конца классицизма, еще с некоторыми элементами барокко, так поздно дошедшего на дальний север. Здание отличается большим изяществом, четкостью деталей, великолепной лепкой украшений. К двухэтажному центру примыкают полукруглые крылья, заканчивающиеся флигелями; центр выделяется по вертикали мезонином, крылья имеют антресоли. Особенно богат садовый фасад, с двумя парами колонн, на которых как бы держатся мезонин и фронтон.

Крепостной В. Орлова Козлов — может быть, самоучка, строил около 1810 г. великолепную колокольню в с. Поречье, близ Ростова Великого, представляющую значительный памятник русской архитектуры. Она имеет пять ярусов, из которых только один, четвертый, глухой, без пролетов. Нижний ярус украшают колоссальные колонны коринфского ордера, второй — полуколонны, третий — пилястры, четвертый ярус — глухой, с часами, пятый — открытый, легкий. Колокольня имеет около 90 м высоты и заканчивается небольшим шпилем с яблоком и крестом. Крепостной Яньковых Татаринов строил для них после 1812 г. дом в Москве, на Пречистенке (ныне ул. Кропоткина), а в их подмосковной усадьбе Горки (Дмитровского уезда) надстраивал колокольню. Судя по сохранившимся планам, крепостной Вяземских Фома Мельников принимал в 1821 г. непосредственное участие в планировке английского парка в Остафьево — подмосковном имении его господ. Крепостной архитектор Григорий Некрасов много строил в имении Воронцовых, а затем Бутурлиных, — Белкине (Боровский уезд б. Калужской губернии). Гусев, упоминавшийся уже нами крепостной архи-

тектор Хлюстиных, строил увеселительные беседки и домики в с. Троицком близ Полотняного завода (Калужская губерния) и церкви в господских имениях — Шатове, Красном Яру и Ильке (Курская губерния), в Тросне (Орловская губерния) (1829—1831 гг.). Крепостной архитектор Шереметев Прохав в 1833 г. проектирует иконостас для придела Останкинской церкви. Крепостной Луценко с 1840 до 1861 г., т. е. до отмены крепостного права, ведет строительство на демидовских заводах на Урале. Архитектор Садовников за время пребывания его в крепостном состоянии построил в имениях Голицыной в Калужской губернии 16 каменных и 13 деревянных зданий, в имениях Новгородской губернии — 7 каменных и 8 деревянных зданий, а также строил дачи для Строганова в Стрельне и других местах под Петербургом. Крепостной архитектор Аракчеева Семенов сыграл значительную роль в строительстве Грузина; в настоящее время в Грузии из работ Семенова сохранилось немного: казарма б. Петровского полка и несколько беседок и скамеек, отлитых по его проектам из металла.

Наконец, совершенно исключительно значение крепостного архитектора Юсупова Стрижакова в деле воссоздания Архангельского после 1812 г. Судя по многочисленным докладам и запросам Стрижакова, сохранившимся в делах по Архангельскому, он проявлял большой интерес к работе и развивал колоссальную энергию. Стрижаков решает, когда, что и как надо ремонтировать, составляет сметы, проектирует, заготавливает строительные материалы, набирает рабочую силу, наблюдает за выполнением подрядчиками договоров, все время находится на строительстве, производит приемку работ и дает заключения при расчетах. Он сам спроектировал и построил несколько жилых корпусов, по его проекту были построены дом для гостей, в духе швейцарских шале, и другие здания. Работа Стрижакова в Архангельском продолжалась до самой его смерти, последовавшей в 1819 г. Под руководством Стрижакова работало несколько архитектурских учеников, один из которых, Борунов, впоследствии занял его место в Архангельском.

Особой популярностью пользовался среди московских бар первой половины XIX в. Простаков, крепостной архитектор Римского-Корсакова, строивший не только для своего господина, но и для Голицына, Апраксина, Остермана и других вельмож; они часто пользовались его услугами, прося на это каждый раз разрешения Римского-Корсакова.

Как видно из этих примеров, усадебное строительство в русской провинции в значительной своей части было делом крепостных архитекторов.

Немногие из крепостных архитекторов, получивших свободу, поступали на государственную службу, хотя некоторые из них достигли высоких чинов, несмотря на свое крепостное прошлое. В Москве в Кремлевской строительной экспедиции служили архитекторы из вольноотпущенных: Степан Мельников, Харлампий Ежов, Иван Козлов, Петр Завьялов, Иосиф Лопырев (последние два — продолжительное время). Архитектором Московского университета с 1819 по 1832 г. состоял Дормидонт Григорьев, из вольноотпущенных, строивший для нужд университета ампирные особняки, например «аптечный корпус». В петербургской гофинтендантской конторе работал помощником архитектора бывший крепостной Васильчикова — Поляков. В 1850 г. бывший крепостной Голицыной Садовников служил архитектором главной придворной конюшенной конторы и строил здания служебного характера как в столице, так и в Петергофе и Царском селе (нынешнем г. Пушкине). Большую карьеру сделал бывший крепостной Шаховской—

архитектор Свиязев. Получив свободу, он в течение десяти лет, с 1822 г., служил архитектором горного правления в Перми, строил на Камско-Воткинских заводах. Как знаток горнозаводской архитектуры, Свиязев был переведен в Петербург, где работал в качестве архитектора и преподавателя Горного института; с 1846 г. он занял должность постоянного члена строительной и технической комиссии департамента сельского хозяйства и дослужился до генеральских чинов. В провинции из бывших крепостных служили: Гусев — помощником губернского архитектора в Калуге, Ашитков — архитектором харьковского учебного округа. Некоторые из архитекторов служили преподавателями в учебных заведениях; так, например Алексей Миронов преподавал арифметику, Гусев — рисование, Свиязев — строительное дело и проектирование горнозаводских зданий. Преподавание это большей частью носило характер дополнительной работы архитекторов.

Большинство вольноотпущенных архитекторов занималось проектированием и строительством как по частным, так и по казенным заказам. Так, Сергей Миронов, сын Алексея Миронова, строит в 1802 г. вместе с архитектором Джованни Джилярди церковь в шереметевском Странноприимном доме в Москве, работая там по вольному найму. Дормидонт Григорьев в 1833 г. перестраивает здание гимназии у Пречистенских (ныне Кропоткинских) ворот в Москве. Свиязев в 1839 г. переезжает в Москву и работает в качестве старшего архитектора у профессора Тона на постройке храма Христа спасителя; кроме того, в Москве Свиязев перестраивает внутри знаменитый Пашков дом (ныне библиотека им. Ленина), приспособляя его под дворянский институт. Во время службы в Перми Свиязев строит по вольному найму дом подрядчика Крылова; обращенный главным фасадом во двор, строгий по внешнему виду, дом этот внутри имеет богатую лепку по фризу, пышно отделанные печи и т. п. Бывший крепостной Строгановых Колодин работает с 1809 г. в качестве архитектора на постройке Казанского собора в Петербурге, а позднее, вместе с другими крепостными архитекторами, строит и отделяет дом в строгановском имении Марьино Новгородской губернии. Архитектор Садовников много строит в Петербурге и окрестностях для графа Орлова, князя Борятинского и других аристократов. Бывший крепостной Аракчеева Семенов незадолго до своей смерти проектирует дворец наместника в Тифлисе, построенный затем по этому проекту (ныне здание ЦИК Грузии).

В провинции много строит бывший крепостной Гусев, из работ которого следует здесь отметить дворянское собрание в Калуге, относящееся к 50-м годам XIX в. Здание это состоит из вытянутого по фасаду корпуса, трехэтажного в середине и двухэтажного по сторонам, и силуэтом напоминает палатто Питти во Флоренции. Перед входом — крытый подъезд на столбах, плоское перекрытие которого использовано как балкон второго этажа. Здание оставалось неокрашенным, на кирпичном фоне выделялись белые детали наличников и пилястров, расположенных между окнами второго и третьего этажей. Внутри здания интересна чугунная узорчатая лестница; во втором этаже — большой двухсветный зал с великолепным лепным карнизом и ионийскими пилястрами по стенам; до пожара (1919 г.) по коротким сторонам зала были хоры на прекрасных ионийских колоннах.

Много усадеб и церквей в районе Московской губернии было построено арх. Васильевым, в Калужской — Гусевым, во Владимирской — Садовниковым. Немало в начале XIX в. построили крепостные архитекторы фабрично-заводских сооружений на Урале (крепостной Строгановых Тудвасев).

В XVIII в. придворная и крупная земельная аристократия, а в XIX в. и среднее дворянство стремились иметь собственный оркестр, хор, театр, своих художников, поэтов и т. д. Это не только льстило барскому самолюбию, но это было и выгодно: обученная какому-либо виду искусства «душа» дороже котировалась на крепостническом рынке; такой крепостной, отпущенный на оброк, давал больший доход владельцу; если обученный работал в имении, помещику не приходилось приглашать со стороны квалифицированного мастера за большую плату. Как отмечает Кропоткин, «заветным желанием каждого помещика было, чтобы все необходимое в хозяйстве приготовлялось собственными крепостными людьми»¹, и это стремление распространялось и на потребности дворянства в области искусства.

Именно поэтому Шереметевы не любили даже за большие деньги отпустить на волю своих квалифицированных мастеров. Получив в 1802 г. прошение 56-летнего архитектора Алексея Миронова, который писал: «приходя в совершенное изнеможение, прошу всеуниженно... покажите ко мне ваше снисхождение... благоволите отпустить меня на волю... дайте спокойно окончить остаток дней моих...», — Шереметев ответил категорическим отказом, требуя, «чтоб он послужил мне и употребил себя на мою пользу». Когда же Миронов в 1807 г. вторично просил свободу, Шереметев приказал «вразумить его, что таким наглым и безумным образом от господина просить ничего не дозволено». Трагична судьба крепостного архитектора Простакова, принадлежавшего бывшему фавориту Екатерины II Римскому-Корсакову. «Лет 20 употреблял Простаков все знания, чтобы выйти на волю, — пишет в своих «Записках» архитектор Витберг², — но господин его оставался нечувствителен ни к его просьбе, ни к просьбе многих знатных особ, принимавших усерднейшее участие в человеке, одаренном прекрасными талантами, которые не могли развиваться, не могли им быть приспособлены вполне от несчастного состояния, в котором он родился». Когда по ходатайству министра народного просвещения сам Александр I просил Корсакова освободить Простакова, тот «решился отказаться от отпуска на волю Простакова не из видов корысти, а из гордости, что этот человек с талантами — его собственность». Внук Простакова передает, что Корсаков будто бы ответил царю, что «государь может сделать все, что ему угодно, но собственного согласия своего на освобождение этого человека он не даст до самой смерти».

Дети крепостных отдавались в обучение исключительно по собственному усмотрению барина. Чаще всего выбор падал на детей из приближенной дворни: Аргуновы — из семьи управляющего, Бизяев — сын старосты, Гусев — сын поверенного в делах, Кульченков — сын дворового человека, Борунов — брат крепостной артистки, любовницы Юсупова, Степан Иванов — сын личного служащего М. А. Строгановой. Нередко это были внебрачные дети помещика, как, например, известный А. Н. Воронихин — сын А. С. Строганова. При выборе специальности для обучения помещик почти никогда не считался с личным желанием или обнаружившимися способностями ученика. Так, Гусев сначала был направлен барыней учиться музыке,

¹ Кропоткин П. А., Записки революционера. СПб, 1906, стр. 24.

² «Русская старина», 1872 г., №№ 5 и 6.

а затем уже архитектуре; Алексей Мионов учился в Московском университете математике, а затем был привлечен к строительным работам. Такая неразборчивость помещиков нередко приводила к самым тяжелым последствиям для крепостных: многие не могли справиться с обучением по той специальности, к которой не имели склонности, им приходилось бросать непосильное учение и возвращаться в прежнее положение рядового крепостного, навсегда потеряв надежду на лучшее будущее. Не менее тяжела была участь и тех, кому удавалось закончить образование, но не получить при этом свободы: за время обучения они приобщались к другой жизни, и крепостное состояние делалось для них еще невыносимее. Возвратясь в усадьбу, такие художники оказывались по своему культурному уровню на голову выше не только крепостной, но и помещичьей среды. Известный исследователь крепостного крестьянства профессор Семевский пишет: «Просматривая мартиролог до смерти замученных помещиками, мы невольно поражаемся умственным и нравственным убожеством некоторых представителей господствующего сословия»¹. «Берегите крепостное право, как учреждение божественное, как божью заповедь», восклицал славянофил Самарин. И вот в силу этого «божественного учреждения» с вернувшимся из обучения крепостным художником, как и со всяким крепостным, помещик мог делать «кроме смертной казни, в своем имении все, что заблагоразсудится»². Крепостной должен был беспрекословно исполнять все распоряжения и капризы своего господина, членов его семьи, родственников, гостей и фаворитов. Нередко профаны-помещики вмешивались в работу крепостных архитекторов, по своему капризу изменяли проекты и тем лишали сооружение его художественной ценности. Наивно рассказывает Бутурлин в своих записках о том, как его мать портила проекты крепостного архитектора Некрасова: «План (дома в имении Белкино) был начертан нашей матерью, а постройка производилась под надзором крепостного нашего архитектора Григория Некрасова. Талантливая во многом, наша мать не гналась за симметрией в архитектуре, а за удобством для жилья, а потому к зимнему дому пристроен был с одной стороны длинный одноэтажный корпус, разделенный стеною во всю его длину»³. Не будь этого свидетельства, мы удивились бы безграмотной пристройке к красивому дому в Белкине; а сколько огорчений принесла эта «функциональная» затея барыни самому архитектору! Вмешиваясь в работу художников, барин всегда стремился подчеркнуть, что его власть и воля выше и важнее знаний и способностей крепостного человека. Баре считали ниже своего достоинства показать крепостному, что талант его ценится, а иногда даже больше — всемерно третировали своих художников, подчеркивая их зависимое положение. Так, имевший уже всероссийскую известность художник Тропинин, крепостной Моркова, вынужден был прислуживать за обеденным столом своего барина в качестве лакея. Недаром еще Посошков с горечью писал в «Книге о скудости и богатстве», что «помещики налагают на своих крепостных бремена неудобноносимые».

Невыполнение крепостными распоряжения барина, всякий проступок влекли за собою наказание, нередко превращавшееся в истязание; это в полной мере распространялось и на крепостных художников. Известно, что

¹ Семевский В. И., Крестьяне в царствование Екатерины II. 1881.

² «Русский архив», 1880 г., № 3, стр. 6.

³ Бутурлин М. Д., Записки. «Русский архив», 1897 г., кн. 3.

граф Вл. Гр. Орлов в 1796 г. распорядился высечь своего архитектора Бабакина за то, что «он, несмотря на запрещение, снял кружала из-под свода и вторично уронил свод в кузнице». Аракчеевский крепостной архитектор Семенов, получавший медали от Академии художеств, часто назывался своим хозяином. В обычное время Аракчеев только «хлестал легонько своей тросточкой», но временами не щадил. «Раз в пылу гнева граф приказал Семенову самому принести для себя розог или палок. Тот пошел и принес подмышкой несколько прутьев... Увидев это, барин рассердился не на шутку, послал в ту же минуту в казарму за матросами; художника же велел разложить и выпороть так, что небу было жарко. Бедный страдалец едва поднялся с места, оскорбленный глубоко таким обхождением»¹. Граф Шереметев в 1808 г. приказал архитекторского ученика Головцева «за сделанное им буйство и пьянство наказать розгами и употреблять на дворовую работу с производством меньше дворового оклада, то есть тюремное содержание. По залечению сделанного наказания отдайте его, — пишет Шереметев, — на год в смиренный дом».

Как один из видов наказания крепостных художников, часто применялось издевательское направление на работу не по специальности, связанное как с ухудшением материально-бытовых условий, так и с подрывом авторитета специалиста. Так, в 1796 г. Шереметев приказал архитекторов Алексея Миронова и Григория Дикушина перевести на работу в канцелярию (распоряжение это было, правда, отменено по энергичному протесту архитекторов). Большой архитектор Юсупова Стрижаков ведает выдачей людям водки; Федор Бредихин так и прервал свою архитектурную карьеру, будучи перемещен барской волей на работу в контору. Характерен приказ Б. Н. Юсупова, назначившего в 1832 г. крепостного архитектора Рабутовского экономом усадьбы Ракитное по тем мотивам, что «экономия нуждается не в колоннадах и симметриях, а в деятельных и хороших экономах».

Продажа обученных крепостных, проигрыш в карты, вывод в другое поместье, нередко с отрывом от семьи, — явление, обычное для эпохи. Так, например Яньковы продали крепостного художника Озерова за 2 000 рублей Обольянинову².

Отпуск на оброк мог хоть немного ослабить ужасы рабства: в этом случае крепостной пользовался некоторой свободой в личной жизни и обязан был только вносить помещику денежные платежи. На оброке был, например, крепостной архитектор Юсупова — Сумаковский, который по окончании обучения у архитектора Тюрина работал в Москве «по паспорту от князя». Даже на рекрутчину, на долголетнюю службу в армию, крепостные нередко смотрели как на некоторое облегчение своей участи. Известен рассказ Радищева в его «Путешествии из С.-Петербурга в Москву», где описывается радость крепостного, отданного в солдаты. Из архитектурских учеников был сдан в солдаты непокорный Головцев, крепостной Шереметева.

Откупиться на волю могли лишь очень немногие из крепостных. Можно предполагать, что этого сумели добиться Владимиров, Васильев, Кострюков, Садовников, Свиязев, работавшие в качестве архитектора на стороне. Судя по неясным намекам в записках Гусева, следует допустить, что

¹ Отто И., Черты из жизни гр. Аракчеева. «Древняя и новая Россия», 1875 г., №№ 3—6.

² Благово Д., Рассказы бабушки. СПб. 1885.

его семья также сумела откупиться у своего господина. Такие случаи, как отпуск на волю Шереметевым архитектора Сергея Миронова и заводчиком Демидовым своего крепостного Ситникова, выдвинувшегося на постройке Воспитательного дома и замеченного президентом Академии художеств Бецким, нужно рассматривать как исключение. Впоследствии Демидов считал Ситникова неблагоприятным и сетовал, что отпустил его на волю и дал возможность получить звание архитектора: «Много виноват я перед Иваном Ивановичем (Бецким). Теперя заклинаю себя его просить о производствах».

Если крепостному художнику не удавалось освободиться при обучении в Академии художеств и впоследствии он не мог выкупить себя у помещика, для него оставалась последняя надежда — получить свободу после смерти своего господина: богатые помещики по завещанию иногда отпускали на волю наиболее приближенных дворовых, в некоторых случаях целыми семьями, «на помин души». Сыновьями вольноотпущенных, получившими таким образом свободу, были архитекторы Колодин, Поляков, братья Шашины; крепостной архитектор Простаков, в освобождении которого Римский-Корсаков отказал царю, получил свободу по завещанию своего барина только восьмидесятилетним стариком. Горькую долю крепостного освобожденный обычно не забывал до самой смерти, о чем говорит Тарас Шевченко:

И горьких слез поток невольный едва удерживаю я.
В труде, в слезах, в тоске безмолвной минула молодость моя.

Ужасы крепостничества особенно остро чувствовали крепостные художники и артисты, вынужденные подчинять свое творчество капризам барина, который к тому же мог в любую минуту вообще оторвать их от родного им дела. Сохранилось много материалов, раскрывающих душевную драму крепостных мастеров искусства. Даже царь заметил, что «они нередко в унынии предаются пагубным мечтаниям или низким страстям»¹. «Пагубные мечтания» крепостных художников — это неудержимое стремление вырваться на свободу любым способом, любой ценой. К «низшим страстям» относится в первую очередь пьянство, желание одурманить себя и хоть таким путем забыть ужасы жизни.

Доведенные до крайности, люди убегали от помещика, чтобы хоть немного пожить на свободе, хотя знали, что в конце концов их, наверно, словят и им грозит жестокая расправа. Вот показания беглого крепостного: «Прошлого 1786 года в июле месяце, послан я был от господина моего Сущева, Пензенского наместничества, в Инсарскую округу поверенным по межевым делам, где я находился года с три. По случившейся надобности к землемерам, поехал было я на бывших со мною господских лошадях в город Пензу и, едуци туда, нечаянно обронил данные мне от показанного моего помещика на его земли крепости. Убоясь за то строгого наказания, вознамерился бежать и проживать, где случится... Взявши себе из бывшего у нас для дороги несколько хлеба, вышел из города в степь и, шатаясь по оной, на рассвете увидел дорогу, на которую вышедши шел до тех пор, пока недостало у меня хлеба, для выпрашивания коего выходил в неизвестные мне слободы, близ дороги лежащие, и таким образом через восемь дней добрался до деревни Медведино... Там за два рубля получил подлож-

¹ Шильдер, Император Николай I, т. II, СПб. 1903.

ный паспорт и до поимки жил работником у казаков»¹. В «Московских ведомостях» за 1813 г., в № 28, напечатано о побеге обучавшегося архитектурному искусству крепостного Несвицкой Ивана Ермольева. Бывали и случаи убийства жестоких господ крепостными из артистов. Так, известен факт убийства фельдмаршала М. Ф. Каменского двумя его крепостными музыкантами, только что возвратившимися из-за границы, где они учились музыке, и высеченными по барскому приказу, «чтобы не зазнавалась»².

Душевное состояние крепостной интеллигенции ярко описывают крепостные поэты. Иван Сибиряков писал³:

«Увы! И я, и я рожден в последней смертной доле,
Природой чувством наделен, столь гибельным в неволе...»
«Могу ли жизнь еще сносить с растерзанной душой.
Ужасна бедность. Но сто крат презренье тяжелее.
С ним жизнь — не благо, лютый ад, и ада мне страшнее».

Неудивительно, что пьянство, единственное доступное средство забыть-ся, как реакция на бесчеловечное обращение, было широко распространено в среде крепостных художников, архитекторов, артистов. «Многие русские художники, рожденные, повидимому, к славе своему отечеству своими дарованиями к скульптуре, к живописи, гравюре и другим искусствам, кончили тем, что меняли культ муз на культ Бахуса, из храма Аполлона отправлялись в кабаки», писал цитированный нами ранее де-Пассенан. Архитекторский ученик Головцев за пьянство попадает сначала в смиренный дом, а затем в солдаты. Про архитектора Добрынина Гусев пишет, что он «любил выпить лишней стакан бражки». Будущий академик архитектуры, крепостной князя Щербатова Евдоким Еремеев, больше года не мог получить в Академии художеств присужденную ему за проект серебряную медаль, так как Совет постановил, что он «не прежде может воспользоваться сею наградой, как по засвидетельствовании от г. инспектора о исправлении в своем поведении». Крепостной архитектор Хлюстина Иван Каширин, «великий художник», часто запивал и в пьяном виде был «шумлив и привязчив». На почве пьянства Каширин лишился рассудка и оставался безумным до самой смерти.

Самоубийства — не редкость в среде крепостных художников. Трагический случай рассказывает знаменитый артист Малого театра М. С. Щепкин, сам вышедший из крепостных⁴: «Был у богатого курского помещика архитектор из дворовых. Приказывает ему барин выстроить каменную плотину со шлюзами, спуском, каменными устоями для крупчатой мельницы на 12 поставов, сукновальней, толчеей и пр. Большая река бежала в крутых берегах, сила воды была страшная, особливо в половодье и паводки. Архитектор представил план, барин делает много изменений и приказывает строить по его указаниям. Архитектор пробует доказать, что так строить нельзя, что при первом сильном напоре воды плотина не устоит. «Молчать, скотина, делай как приказываю». Строит архитектор как приказано. Барин не жалеет материалов. Выстроили на славу, освящал архиепрей, пировал губернатор..., а весной, как предсказывал архитектор, плотину

¹ Снежковский, Из истории побегов крепостных в последнюю четверть XVIII в. и в XIX в. «Нижегородский сборник», т. X, 1890.

² «Русская старина», 1875 г., № 9.

³ «Вестник Европы», 1818 г., № 24.

⁴ Стахович А., Ключки воспоминаний. «Русская старина», 1896 г., № 4—5.

сорвало. Барин на развалинах плотины разложил архитектора, дал ему 300 розог и снова приказал строить по своим указаниям. Долго валялся в ногах архитектор, умоляя позволить ему строить как велит наука, а не барская воля, но барин был твердый и не изменял решений. Снова не по научным, а по барским данным начали строить. Выстроили, освятили, а весной опять плотину разрушило. Опять пороть архитектора, который после экзекуции тут же, на барских глазах, бросился в воду и утонул... Пришлось вновь строить плотину по плану покойника, но уже без барских изменений. Плотины выстроили, и стоит она непоколебимо несколько лет». Дело это было в начале XIX в. Начатое позднее следствие окончилось ничем, так как взятки заставили всех молчать. Имя несчастного архитектора, к сожалению, осталось неизвестным.

В условиях подневольного труда и ужасной бытовой обстановки все же проявлялись дарования многих крепостных. В архитектуре крепостные мастера оставили значительный след.

Даже в Академии художеств, несмотря на явно враждебное отношение к себе, многие из крепостных сумели занять выдающееся положение и приобрести себе заслуженный авторитет. Во время обучения в Академии художеств крепостные, кроме обычных серебряных медалей, нередко получали и золотые, а также похвальные отзывы. Крепостной Безбородки Пустовойтов отличался по классу геометрии, механики «и по вычислению площадей, прилагая к архитектуре», что было отмечено особым постановлением Совета Академии; крепостной Строгановой Степан Иванов получил в 1785 г. за программу (как в Академии называли проект) «здание наместнического правления» золотую медаль; крепостной Строганова Колодин в 1807 г. за программу «здание судебных мест в столичном городе» также удостоен золотой медалью. А в 1827 г. за программу «план, фасад и разрез театра со всеми к оному принадлежащими помещениями» было выдано три золотых медали, и все крепостным — Ашиткову, Данилову и Шляхтенко; первый принадлежал Разумовской, второй Архарову, третий Мусину-Пушкину. В 1839 г. Совет Академии постановил Евдокима Еремеева, крепостного князя Щербатова, как «известного столичными работами своими по части архитектуры, по представленной программе театра... возвести в звание академика архитектуры». Точно так же в 1849 г. бывший крепостной Голицыной Садовников получил звание академика архитектуры «за искусство и познания в художестве, доказанные произведенными по программе работами». Крепостной архитектор Аракчеева Семенов, как только стал свободным (в 1843 г.), получил звание классного художника, в 1844 г. за проект «дома для полицейского управления одной части столицы» — звание академика архитектуры и в 1859 г. «за особенное искусство и отличные познания в архитектурном художестве» — высшее тогда звание профессора архитектуры.

Бывший крепостной Шаховской Связев с 1832 г. преподавал горнозаводскую архитектуру в петербургском Горном институте, читал лекции в Александровском лицее. Связев напечатал много статей и заметок в разных журналах. В 1833 г. он выпустил «Руководство к архитектуре, составленное для студентов Горного института», в двух частях; в 1839—1841 гг. это руководство было автором переработано, значительно дополнено и переиздано уже в четырех частях под заглавием «Учебное руководство к архитектуре для преподавания в Горном институте, Главном инженерном

училище... и в других учебных заведениях». Книга эта долгое время оставалась единственным учебником по строительному делу для всех учебных заведений и была удостоена почетного отзыва на конкурсе Академии наук, а автор ее награжден бриллиантовым перстнем. В 1852 г. Свиязев выпустил книгу «Основания печного искусства», в которой опубликовал изобретенную им систему отопления, получившую широкое распространение в строительстве и известную под именем «свиязевской». В 1839 г. Свиязев был избран почетным вольным общником Академии художеств.

Крепостные, не обучавшиеся в Академии, добивались звания архитектора своим дарованием и упорным трудом. Если крепостной Демидова Ситников, отличившийся при постройке Воспитательного дома в Москве, получил звание архитектора не без протекции Бецкого, которому он понравился, то Поляков, Кострюков, Васильев и др. обязаны этим исключительно своей работе.

Васильев, бывший крепостной Воронцова-Дашкова, по свидетельству Академии художеств, «приобрел основательные познания в архитектуре и строительном искусстве и произвел многие весьма замечательные постройки по чужим и собственным проектам».

Простаков, по словам известного архитектора Витберга, «посвятил себя практической деятельности, занимался ею весьма успешно и имел большие практические сведения не только собственно по архитектуре, но и по инженерной и гидравлической части».

Совершенно особое положение занимает архитектор А. Н. Воронихин, в молодые годы формально бывший крепостным Строганова. В многочисленных работах по истории искусства, в журнальных статьях и газетных заметках обычно подчеркивается крепостное происхождение Воронихина, сумевшего добиться исключительной известности и выдающегося положения благодаря своему крупному таланту. Между тем, более внимательное изучение документов о происхождении Воронихина, в связи с некоторыми сообщениями современников, дает основание для иного взгляда на его крепостное состояние. Так, известно письмо француза Жозефа де-Мэстра от 1811 г., где сообщается, что Воронихин «состоял при особе графа А. С. Строганова и открыто считался его сыном»¹. Это сообщение подтверждается как метрическими документами, так и фактами из жизни Воронихина и отношением к его карьере президента Академии художеств А. С. Строганова. Юридически Воронихин считался сыном строгановского крепостного, крестьянина с. Новое Усолье Пермской губернии, Никифора Воронихина. В метрической книге Преображенского собора с. Новое Усолье записано 17 октября 1759 г. рождение Андрея Воронина, причем родителями его показаны дворовый человек Строганова Андрей Воронихин и его жена. Уже разночтение в фамилии наводит на некоторые сомнения, которые еще более усиливаются, если обратиться к ежегодным «исповедальным росписям» того же прихода. Оказывается, что Андрей Воронин (или Воронихин по этим росписям) в семье своего названного отца вовсе не числится. Это дает основание полагать, что Андрей Воронихин со дня своего рождения в семье Никифора Воронихина не проживал и что родился он не в Новом Усолье. Метрическая запись о рождении Андрея Воронина является, очевидно, фиктивной, сделанной по распоряжению Строганова в его далекой вотчине. Спешностью и отсутствием при записи родителей можно объяснить и ошибку в написании фамилии.

¹ A. Blanc, Correspondence diplomatique de J. de Maistre, Paris 1860, I, p. 35.

В дополнение к этим данным удалось найти подлинную отпускную Андрея Воронихина, сделанную А. С. Строгановым в 1786 г., из которой видно, что Андрей Воронихин со дня своего рождения значился в ревизских данных не по с. Новое Усолье Пермской губернии, а по с. Давыdkову Воскресенского округа Московской губернии, т. е. вдали от своих названных родителей. Здесь Воронихин провел свое детство и отсюда попал сначала не в Петербург, а в Москву, где начал обучаться искусству у Баженова и Казакова.

Все эти данные позволяют утверждать, что Воронихин был побочным сыном графа Строганова, и скорее всего не от крепостной, а от какой-либо дамы или девицы «благородного» происхождения, в силу чего и понадобилась фиктивная запись о его рождении. Нужно отметить, что в год рождения Воронихина в семейной жизни А. С. Строганова происходит какое-то осложнение: жена его Анна Михайловна, урожденная Воронцова, с которой он обвенчался только два года назад, с 1760 г. начинает жить на отдельной половине, а в 1764 г. уезжает в отцовский дом. Вся дальнейшая жизнь Воронихина показывает не барское, а чисто родственное отношение к нему А. С. Строганова. Воронихин с юношеских лет воспитывается у него в доме, едет за границу вместе с сыном Строганова от второго брака — Павлом. В Париже Воронихин усердно работает в Лувре и по возвращении в Россию (в 1794 г.) получает звание «назначенного» в академики перспективы и миниатюры.

Назначенный в 1800 г. президентом Академии художеств, А. С. Строганов во многом содействовал успехам молодого архитектора. Строганов убедил царя в исключительных достоинствах воронихинского проекта Казанского собора, в результате чего проект был утвержден без конкурса и Воронихин был назначен строителем, а Строганов — председателем особой комиссии по строительству собора.

Добившись для Воронихина такого исключительного задания, как постройка Казанского собора, Строганов стремился провести Воронихина в профессора Академии художеств. Знакомясь с архивом Академии, невольно обращаешь внимание на необычный способ назначения Воронихина на ту или иную должность. При открытии каждой подходящей для Воронихина вакансии Строганов обычно пишет вице-президенту Академии Чекалевскому, чтобы тот предложил Совету Академии избрать на эту должность «достойного во всех отношениях Воронихина», чего Строганов ни для кого другого не делает. Послушный Совет беспрекословно выполняет диктуемую через Чекалевского волю Строганова. Так в 1800 г. Воронихин стал преподавателем по классу архитектуры в помощь Захарову и Волкову, в 1804 г. был утвержден младшим профессором архитектуры с правом присутствования в Совете, в 1811 г. назначен старшим профессором архитектуры на место умершего Захарова.

В тогдашнем дворянском обществе Воронихин не пользовался популярностью; недаром о нем так полупрезрительно отзывался Вигель¹, считавший Казанский собор «копией с собора Петра в Риме, переписанной скверным почерком». В то же время Воронихину были совершенно чужды те черты, которые обычно сохранялись у лиц, выбившихся из крепостного состояния; как видно из служебного формуляра Воронихина, он даже сам имел «благоприобретенных дворовых людей».

¹ Вигель Ф. Ф., Записки. М. 1892.

Изучение архитектурного наследия, оставленного крепостными архитекторами, имеет большое значение для пересмотра целого ряда положений, утвердившихся в историко-искусствоведческой науке.

В течение двухсот последних лет существования в России крепостного права крепостные архитекторы много проектировали и строили, и некоторые их постройки представляют собой выдающиеся произведения искусства. Теперь, когда несколько освещена деятельность крепостных архитекторов, мы имеем возможность и обязаны подчеркнуть исключительное значение не только отдельных мастеров, но и целых школ, и в особенности ту роль, которую они сыграли в формировании архитектурных стилей в России с конца XVII в. до половины XIX в.

Так, отчетливо вырисовываются основные черты творчества мастера Якова Бухвостова, с именем которого связаны важнейшие постройки в Москве и ее окрестностях на рубеже XVII и XVIII вв. Его успех, несомненно, был обусловлен его познаниями в строительном деле и художественным дарованием, что выгодно выделяло его из ряда других, менее оригинальных строителей. Недаром все мастера, работавшие с Бухвостовым, всегда признают его авторитет, ставят его имя на первое место. Тексты заключенных Бухвостовым договоров показывают его знакомство с элементами западно-европейской архитектуры: он свободно оперирует европейскими архитектурными терминами. Такие произведения Бухвостова, как церковь в Уборах, Рязанский собор, строившаяся под его художественным руководством надвратная церковь Нового Иерусалима, показывают его сторонником самых новаторских течений в русской архитектуре конца XVII в., так называемого «нарышкинского» стиля, или московского барокко. Его постройки должны быть отнесены к наиболее ранним и, несомненно, выдающимся произведениям этого направления. На основе стилистического анализа бесспорных произведений Бухвостова можно значительно расширить его «круг», или его школу, включив сюда и другие близкие его творчеству памятники Москвы и ее окрестностей, например церковь в Филях. Таким образом, перед нами впервые довольно отчетливо выявляется стилистическое направление в московской архитектуре, связанное с конкретными лицами, и притом с крепостными.

Мы имеем также полное основание говорить, что областью, откуда Москва и другие города России конца XVII — начала XVIII в. получали квалифицированных строительных рабочих, были районы Ярославля, Костромы и Галича. Отсюда в Москву и ее окрестности направляется большое количество строительных артелей из крепостных, обычно с одним или двумя мастерами во главе. Качество работы этих артелей настолько высоко, что им поручают строить и в царских подмосковных и в патриарших палатах. Еще в 1716 г. в Костроме набираются каменщики и штукатуры для стройки Петербурга¹. Не лишено интереса и то обстоятельство, что артели живописцев из Костромы и ближайших районов расписывают церкви во многих городах страны, оставляя свои имена на панельных поясах зданий (храмы Ярославля, Ростова, Вологды, Троице-Сергиевой лавры и др.). Уже одно это сопоставление дает основание для постановки вопроса о значении архитектурного и живописного искусства Верхнего Поволжья в формировании художественного стиля Москвы в XVII в. и еще более оснований для пересмотра тради-

¹ «Костромские губернские ведомости», 1847 г., № 20.

дионных представлений о ярославском, костромском, ростовском и романово-борисоглебском зодчестве второй половины XVII в.

Говоря о постройках классицизма и ампира, мы можем теперь утверждать, что большая часть барских усадеб не только в далекой провинции, но и под Москвой строилась в основном крепостными архитекторами; участие известных столичных мастеров выражалось либо в составлении первоначальных проектов, которые в процессе работы зачастую значительно изменялись крепостными архитекторами, либо в консультациях по отдельным особо сложным вопросам. Так строились, например, лучшие подмосковные усадьбы: Кусково и Останкино в XVIII в., Архангельское в начале XIX в. Исключительная роль крепостных архитекторов — Федора и Павла Аргуновых, Алексея Миронова, Стрижакова — в художественном оформлении этих усадеб доказана документально. Ведь недаром Шереметев признал возможным на изданном им альбоме Кускова отметить имя Федора Аргунова, подчеркивая тем его исключительную роль в создании этой усадьбы.

В отношении эпохи классицизма и ампира мы располагаем также материалами для выявления тех центров, где культивировались крепостные художники, работавшие обычно не только в усадьбах своих господ, но и по всей округе. У одной фамилии Шереметевых за время немногим более ста лет нам удалось насчитать 26 крепостных архитекторов, помощников и учеников, причем данные эти — не исчерпывающие. Эти мастера работали и в многочисленных, разбросанных по всей стране шереметевских имениях, и в столицах, как на своего господина, так и на других заказчиков, даже на самого царя: крепостной Шереметева Дементьев строил палату в Коломенском дворце. В то же время у Шереметевых работали по найму чужие крепостные: например крепостной Головкина Антонов строил в Кускове оранжерею. Это показывает, что старинная шереметевская школа, несомненно обладавшая собственными приемами и навыками, разносила их по всей стране и в то же время сама впитывала то новое и интересное, что появлялось в архитектуре, не замыкаясь в узкие рамки собственных традиций. У Юсупова на протяжении 20 лет работало не менее семи крепостных архитекторов и большое количество живописцев, рисовальщиков по фарфору и т. п. В Архангельском даже была организована школа для обучения крепостных детей обоего пола черчению и рисованию, в которой обучалось до 20 человек в год; в этой школе учились и архитектурские помощники Рабутовский и Сумаковский. В качестве преподавателей Юсупов приглашал выдающихся художников, например академика живописи де-Куртейля, который с 1820 г. постоянно жил в Архангельском и там же умер.

Значительную роль в деле выращивания крепостной интеллигенции сыграли в начале XIX в. либеральничавшие Строгановы, особенно А. С. Строганов в период его президентства в Академии художеств. За это время Академию окончили 12 архитекторов из крепостных Строгановых и их родственников Голицыных и Шаховских. Многие талантливые дети крепостных учились в Академии в качестве стипендиатов Строгановых; из их числа следует отметить Колодина, Садовникова и Свиязева, не говоря о Вороникине. На уральских промыслах Строгановых работала большая группа крепостных архитекторов, из которых следует выделить Тудвасева, Тунева и Плюснина, работы которых сохранились до сего времени на некоторых заводах Урала.

Особенно важно отметить ту роль, которую сыграли крепостные архитекторы в образовании русских вариантов классицизма и ампира, значительно

отличавшихся от своих европейских прототипов. Ведь только в столицах — вернее, только в Петербурге — встречаются произведения чистого стиля европейского характера. Но там строили почти исключительно иностранные мастера, а из русских — архитекторы, прошедшие западно-европейскую школу, учившиеся за границей. Провинция же и даже Москва, где строительство осуществлялось силами местных мастеров, выглядят совершенно иначе. Ведь недаром наши искусствоведы столь противоречиво оценивают провинциальную архитектуру классицизма и ампира. В литературе мы встречаем, с одной стороны, самые восторженные отзывы: «волшебная сказка», «высокое мастерство», «своеобразная прелесть», «тонкое понимание красоты», а с другой стороны, и такие характеристики: «смешные, чудаческие затеи», «дикие, но нелишенные прелести курьезы», «трудно разобраться, что подлинно красиво-го в этом ушедшем быте». И это не общие фразы, бросаемые исследователями. Разве не волшебной сказкой на фоне старой России были исключительный ботанический сад в Горенках или ансамбль Архангельского, сохранившийся не полностью? Своеобразной прелестью отличаются псевдоготические усадьбы — Царицыно, Марфино и др. Тонкий вкус чувствуется в росписях старого дома в Никольском, в барельефах и плафоне Люблина, в потолке музыкального павильона Высоких гор. Смешной и чудаческой затеей является композиция того же Люблинского дома, построенного по образцу фигуры орденового знака, так как владелец его получил орден Анны. Диким, но нелишенным прелести курьезом можно считать решение помещичьего дома в Калуге, на Садовой улице, уличный фасад которого решен в стиле классицизма, с прекрасной колоннадой, а садовый — в готическом стиле, со стрельчатыми окнами и цветными стеклами. Даже современники иногда затруднялись высказать определенно об усадьбе. Вот что говорит, например, М. И. Глинка¹ об усадьбе Каченовка в 6. Черниговской губернии: «Первое впечатление было в пользу владельца: подъезжали к поместью с нескольких сторон по стройным аллеям из пирамидальных тополей; дом, большой, каменный, стоял на возвышении. Огромный, прелестно раскинувшийся сад, с прудами и вековыми кленами, дубами и ясенями, величественно ласкал зрение. Но, осмотрясь, удивление уменьшалось: дом был как будто не dokonчен, дорожки в саду не доделаны...»

Такое противоречие в оценке показывает, что в архитектуре нашей провинции есть много своеобразного, несвойственного европейским памятникам того же стиля. Объяснение этому явлению обычно старались найти в самодурстве русских помещиков, нередко искажавших проекты архитекторов в угоду своим капризам. Такие случаи, конечно, имели место, но ведь от этого только страдало сооружение, а не создавалось художественное своеобразие, прелесть необычного. В действительности, объяснение причин своеобразия русского классицизма и ампира надо искать в другом — в том, что русские усадьбы строили главным образом не те первоклассные архитекторы с европейскими именами, которым зачастую постройки приписываются, а почти исключительно крепостные. К столичным, дорогим архитекторам обращалась лишь придворная аристократия, и то только за проектом, осуществление которого поручалось своим мастерам; последние в этих проектах больших мастеров многое изменяли и трактовали по-своему. У помещиков средней руки и проектированием и строительством занимались крепостные архитекторы.

¹ Глинка М., Записки. «Русская старина», 1879 г., IX.

Не видавшие западно-европейских образцов, не имевшие достаточной подготовки для глубокого усвоения стиля, эти мастера руководствовались главным образом собственным вкусом, и они-то и внесли в усадебный классицизм и ампир ту наивную прелесть, которой отличаются провинциальные постройки от прославленных европейских образцов. К этому надо добавить, что много специфически русского усадебный ампир получил благодаря применению в качестве строительного материала дерева, благодаря воспроизведению в деревянной резьбе тех художественных деталей, которые в европейском ампире выполнялись в камне. Воспитанные преимущественно на технике деревянного строительства, нередко вышедшие из плотников, крепостные архитекторы очень недурно трактовали в дереве архитектурные формы и детали европейского ампира.

Все это приводит нас к твердому убеждению, что следует заново пересмотреть вопросы происхождения, характера, специфических особенностей классицизма и ампира в России, полностью осветив при этом роль крепостных архитекторов.

II

СЛОВАРЬ КРЕПОСТНЫХ АРХИТЕКТОРОВ

АЛЕКСАНДРОВ Сергей, крепостной А. С. Хомякова.

В письме к А. В. Веневитинову от 23 мая 1840 г. Хомяков писал: «Начну с просьбы. Податель сего письма, отпущенный мною на волю человек Сергей Александров, ремеслом архитектор, весьма не бездарный, строитель того великого собора Боучаровского, который тебе известен, едет в Петербург выхлопотать себе звание вольного художника. Не откажи ему в своем пособии, то есть замолви доброе слово у предержавших властей. Не знаешь ли ты В. И. Григоровича, или Одоевский не знает ли, или Соллогуб? Главное, постарайся дать новому Пиранезе или Палладию какой-нибудь доступ до одного Григоровича или quocumque alio nomine gaudet решитель судеб художественных. Доброе дело сделаешь и меня одолжишь»¹. В упоминаемом имени Хомякова, селе Боучарове под Тулой, Александровым была построена на усадебном дворе обширная каменная церковь с изящной колокольней. В делах Академии художеств никаких следов о допущении Александрова к испытаниям на звание вольного художника не обнаружено. Повидимому, Веневитинов ничего для Александрова сделать не мог.

АНТОНОВ Дементий, крепостной Г. И. Головина.

В 1761 г. взял подряд на постройку оранжереи в Кускове: «Каменных дел мастер крестьянин Дементий Антонов дал сей контракт... в том, что мне, Дементию, построить в подмосковной его сиятельства вотчине, в селе Кускове, по учиненному плану и по фасаду каменную аранжерею на сорока сажнях, как значит в том плане и фасаде, при которой работе иметь мне каменщиков, знающих мастерство (с паспортами), 40 человек, а за ту работу рядил я, Дементий, из дому его сиятельства от него, управителя Ключарева, денег: с тысячи кирпича по одному рублю по пятидесяти копеек, с щебня по тому ж, с камня простого и стески по одному рублю по пятьдесят коп. со ста, с карнизной каменной тески по пятнадцати коп. с аршина, с четвертинной кирпичной тески по четыре коп. с аршина, да сверх оной со всей работы запасу муки ржаной 30 кулей, муки пшенишной 5 четвертей, круп разных 10 четвертей, баранов 30, масла коровья 4 пуда, масла поснаго 6 пудов, солоду ржаного и яшного 6 четвертей»².

АРГУНОВ Павел Иванович (1768—1806), крепостной Н. П. Шереметева.

Сын крепостного художника Шереметевых Ивана Аргунова. Родился и воспитывался в Петербурге, рисованию и черчению обучался у отца, архитектуре — у дяди, кре-

¹ Хомяков А. С., Собрание сочинений, т. 8, Письма, М. 1900.

² Сборник Общества изучения русской усадьбы, 1927 г., № 4—5, статья «Старое Кусково».

постного архитектора Федора Аргунова. В «повелении» Шереметева о постройке Останкинского дворца под Москвой, от 13 февраля 1790 г. (№ 28), наблюдение «за строением ранжерей» возлагается на художника Ивана Аргунова «с сыном его Павлом». 19 мая 1792 г. приказано было «управителя Аргунова сына Павла отправить в Петербург к господину архитектору Бажеву (?) для обучения». Установить имя учителя Павла Аргунова не удалось, — может быть, в документе искажена фамилия иностранного зодчего. Павел Аргунов жил в Петербурге в Фонтанном доме Шереметева до августа 1793 г., после чего возвратился в Москву и участвовал в работах по постройке Останкинского дворца.

Уже в «повелении» от 8 сентября 1793 г. (№ 97) его имя упоминается в связи с намерением сделать в Останкинском театре колонны ионийского ордера «на французский вкус». Молодой Аргунов заслужил полное доверие Шереметева, и 17 октября 1793 г. (повеление № 108) Шереметев объявил, что «на представления его (Аргунова) во всем согласен и делать бы так, как от него объяснено». Когда в ноябре 1793 г. Павел Аргунов въезжал в Петербург, Шереметев приказал (4 ноября, повеление № 113), чтобы он перед отъездом «растолковал архитекторам, как делать». Наконец, 8 декабря 1793 г. Аргунов был назначен главным архитектором по постройке Останкинского дворца, взамен Алексея Миронова, и последний оказался ему подчиненным: «Должно более иметь присмотр... Павлу Аргунову, потому что он, кроме одних присмотров, ничем не занимается... Аргунов определен от меня единственно для присмотра» (повеление № 123). Аргунов проектировал новую авансцену для Останкинского театра, колоннаду нижней проходной галлерей, делал чертежи ионийских колонн, компоновал гипсовые капители, барельефы, фигуры сфинксов, вазы¹. В 1794 г. проектировал здание, типа моноптера, «для обогривания гостинных людей». Оклад его достиг 50 рублей в месяц; в декабре 1794 г. Шереметев распорядился «за порядочное его отправление должности выдать сто рублей»². Несмотря на серьезное, повидимому эпидемическое, заболевание Аргунова в марте 1794 г., граф приказал ходить к больному за советами, «ибо ему сделано от меня аккуратное наставление» («повеление» № 39).

В 1795 г. Аргунов работал над внутренним убранством Останкинского дворца, выполнял лепные, золотарные, малярные и прочие работы. В том же году он изготовил рисунки мебели для имения Шереметева Вознесенское. Отделка Останкинского дворца производилась в 1796 г., а с начала 1797 г. приступили к расстановке мебели, развеске картин и т. п., спеша закончить все к приезду в Москву Павла I. «Иван Чистый и Аргунов получают от меня нужное наставление, как убрать покои, где какие положить обои». В 1797 г. Аргунов делал рисунок паркетных полов для Итальянского павильона³.

Летом 1797 г., по окончании постройки Останкинского дворца, Аргунов переехал в Петербург. В 1798 г. он вел переговоры с архитектором Гваренги по поводу работ в Фонтанном доме, работал над внутренним убранством покоев наследника Павла в Ораниенбауме и под руководством архитектора Бренна устраивал дачу Шереметева в Павловске. Как видно из «отписки» Аргунова от 16 апреля 1798 г., в С. Петербурге он играл второстепенную роль: «По приказанию графскому ездил я к Брену в рассуждении навеса, на что Брен сказал мне, что он сам завтра будет в Павловском и прикажет тамошнему архитектору...».

Ремонт Фонтанного дома руководил архитектор Гваренги, а Павел Аргунов и Алексей Миронов были только исполнителями его проектов. На этой работе Аргунов заслужил барскую немилость, что видно из «повеления» Н. П. Шереметева от 21 октября 1799 г.: «Сколько ни было от меня подтверждения о скорейшем окончании

¹ «Повеления» 1793 г. — №№ 99, 101, 119, 121 и 1794 г. — № 28.

² «Повеления» 1794 г. — №№ 18, 123, 177 и 1795 г. — № 77.

³ «Отписка» от 28 мая 1797 г. с подписью: «Вашего сиятельства нижайший раб Павел Аргунов» и «Повеление» 1797 г. — № 16.

отделкою покоев, коему ныне не вижу должного рачительного о том старания, а кольмя паче слышу, что пол перед спальней настилается весьма медленно, из чего и доказывается ясно потворство мастеровым от Павла Аргунова, а для того и определяю до того времени, покуда не отделается вся в покоях моих работа, в скатертной стола Аргунову не иметь, а выдавать ему по посредственному положению кормовые деньги, а Никите Александрову иметь за ним, Аргуновым, крайнее наблюдение и самому смотреть за работами и делать понуждение безвыходно, а также и Петру Петрову за оным же иметь прилежное ж смотрение и отнюдь не упускать из виду ни малейшей вещи, а понуждать как его, Аргунова, так и мастеровых всеми мерами, в чем иметь неперменное и рачительное исполнение, в противном же случае, если из-за сего последнего моего подтверждения усмотрится медленность и нерадение, то взыщется без упущения». Управляющему, вздумавшему было взять Аргунова под свою защиту, Шереметев ответил: «Многолетняя опытность моя из далека предусматривает, и не по сему только случаю подвергается Аргунов взмысканию, но многие прошедшие обстоятельства, вместе собравшиеся, обращают теперь мое к нему негодование».

Пошатнувшееся положение Аргунова несколько улучшилось в 1800 г., когда в его подчинение поступили все резчики, столяры, маляры, печники, живописцы, работавшие на Шереметева в Петербурге и в Москве, и ему предоставлено было право самостоятельного доклада барину: «Как вся строевая часть препоручена от меня в его, Аргунова, наблюдение, то по всем касательным по оной части бумагам... должен докладывать мне сам он, Аргунов» («повеление» от 3 марта 1800 г., № 56). Аргунов попрежнему работал в Фонтанном доме: в 1801 г. строил в саду манеж и проектировал пристройку «попечительской» комнаты и галлерей, в 1802 г. наблюдал за ремонтом павильона, в 1803 г. производил очередной ремонт дома. В марте 1801 г. Аргунов выезжал в Москву для осмотра Останкина. Но все же прежнего положения Аргунов не завоевал, а с 1804 г. даже лишился права непосредственного доклада Шереметеву; так, о ремонтах 1804 г. докладывал Кирюшенков и резолюцию передал Аргунову. В 1805 г. и 1806 г. Аргунов был занят только наблюдением за уборкой комнат и перемещением мебели, за тем, чтобы лакеи не портили дорогой обстановки и т. п. Умер Павел Аргунов скоропостижно, 38 лет от роду, в 1806 г. На погребение его Шереметев отпустил 200 руб.

В Останкинском музее хранятся чертежи и рисунки Павла Аргунова: 1) План спальни, 2) Рисунок балясины, 3) Рисунок галлерей с колоннами и часть авансцены, 4) Профиль комнаты, которая служит за ложу, 5) План и профиль библиотеки, назначенной быть из театрального сарая, 6) Профиль продольной новой пристройки к большому дому со двора в Останкове, 7) Обработка зала. Аргунову же принадлежат рисунки пола в Итальянском павильоне, а также рисунки ваз и сфинксов в этом же павильоне.

Важнейшая литература: Станюкович Вл., Постройка Останкина, М. Стеклопечать, 1926; Станюкович Вл., Семья Аргуновых, Л. 1926; Станюкович Вл., Крепостные художники Шереметевых (Записки историко-бытового отдела Русского музея, т. I, Л. 1928); Виноградов К. Останкино, М. 1929.

АРГУНОВ Федор Леонтьевич¹ (1716—около 1768), крепостной П. Б. Шереметева.

Обучался в петербургской «канцелярии от строений», где учился рисованию у А. Матвеева, а архитектуре у П. Трезини. В 1739 г. произведен в подмастерья каменных дел этой канцелярии. Под наблюдением С. И. Чевакинского строил в стиле растрел-

¹ Сам он всегда подписывался *Оргунов*. В некоторых книгах ошибочно именуется Федором Петровичем. Собко в «Словаре русских художников» (вып. 1) говорит о двух Федорах Аргуновых, что надо считать недоразумением; все сведения, сообщаемые Собко о втором Федоре Аргунове, на самом деле относятся к Аргунову Федору Леонтьевичу.

лиевского барокко так называемый Фонтанный дом Шереметева, законченный в 1752 г.; самостоятельно спроектировал и построил в усадьбе Фонтанного дома: ворота, грот (1757 г.), эрмитаж (1759 г.), китайскую беседку у пруда (1760—1762 гг.). В 1758 г. производил значительные переделки в Фонтанном доме. В 1762 г. отделявал лучшие комнаты дома — «плитшную» и «конторочку», т. е. кабинет. «В Фонтанном доме Вашего Сиятельства, — доносит в 1762 г. Аргунов Шереметеву, — в верхних покоях квадратная (штукатурная) работа отделана, и как пред сим Вашему сиятельству на прошедшей почте моим рабским рапортом представил, что китайские штуки все починены... При сем прилагаю... рисунок конторочке, по которым стенам какие штуки поставлены... будут». В том же 1762 г. Аргунов строил боковой флигель дома Шереметева на Милонной улице в Петербурге и начал готовить чертежи для подмосковной усадьбы Кусково; в конце года он послал в Кусково «план сеней с подъемами и модели к нему». В 1761 г., будучи в Петербурге, Аргунов руководил оттуда постройкой китайского домика и столовой беседки в Кускове, а в 1765 г. руководил на месте постройкой оранжереи, менажереи (зверенца) и эрмитажа, а также починкой купола.

В альбоме Кускова, гравированном в 1773 г. М. Махаевым, подчеркнута исключительная роль Федора Аргунова в деле создания кусковского ансамбля. На заглавном листе альбома написано: «Подлинное представление строения и саду, находящихся в одном из увеселительных домов, называемом село Кусково, принадлежащее Е. С. господину графу П. Б. Шереметеву..., построенное в 7 верстах от Москвы на восток. Строения изобретены разными славными архитекторами иностранными, а многие и домовым Е. С. русским архитектором Федором Аргуновым». Альбом содержит 12 видов Кускова, исполненных главным образом крепостным архитектором Алексеем Мироновым; Федор Аргунов исполнил для альбома вид оранжереи.

В архитектурном музее Академии художеств хранится альбом, состоящий из 12 листов, озаглавленный: «Проект частного дома арх. Аргунова». На 11 листах альбома подпись — Федор Аргунов, а на последнем — Friedrich Horgnoff. Альбом содержит 4 плана, 3 фасада, 4 разреза и план садика; все здание спроектировано в стиле Растрелли. Этот проект может считаться образцовой работой крепостного архитектора.

Литература: Безсонов П. А., Прасковья Ивановна графиня Шереметева. М. 1872; Станюкович Вл., Фонтанный дом Шереметева, П. 1923; Станюкович Вл., Семья Аргуновых, Л. 1926; Станюкович Вл., Материалы по старому Кускову, М. 1926; Записки историко-бытового отдела Русского музея, т. I, Л. 1928; (Лансере Н. — Фонтанный дом, Станюкович Вл. — Крепостные художники Шереметевых); Собко Н., Словарь русских художников, т. I, вып. 1, СПб. 1893.

АРТЕМЬЕВ Федька, крепостной стольника Е. И. Пояркова, крестьянин дер. Липовки Ярославского уезда.

Подряжался с товарищами в 1691 г. на каменное городовое дело в г. Смоленске¹.

Литература: Сперанский А., Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства, М. 1930.

АШИТКОВ Николай Ильич, крепостной дворовый А. К. Разумовского, крестьянин с. Маресево Лукьяновского у. Нижегородской губ.

10 февраля 1816 г. отпущен на волю дочерью Разумовского, по мужу — Репниной, и 7 сентября того же года принят «вольным пансионером» в Академию художеств². В 1818 г. Репнина обязалась платить за Ашиткова в Академию художеств до окончания образования³. В 1825 г., будучи учеником 4-го возраста, Ашитков получил за архитектурную композицию серебряную медаль второго достоинства, в 1826 г. получил сереб-

¹ Моск. феод.-крепостн. архив, приказные дела старых лет, № 261 и 377.

² Дело правления Академии художеств, 1816 г., № 3.

³ Дело правления Академии художеств, 1818 г., № 1.

бряную медаль первого достоинства и выпущен с аттестатом 1-й степени. В 1827 г. за программу (т. е. проект) «план, фасад и разрез театра со всеми к оному принадлежащими помещениями» получил вторую золотую медаль. С 1836 по 1859 г. служил архитектором в Харьковском учебном округе.

Литература: Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, т. II, СПб. 1865; Собко Н., Словарь русских художников, т. I, вып. 1, СПб. 1893; Кондаков С., СПб. Академия художеств, т. II, СПб. 1914.

БАБАКИН, крепостной В. Г. Орлова.

С 1775 по 1778 г. строил по проекту неизвестного автора дом В. Г. Орлова в усадьбе Отрада (Серпуховской у. Московской губ.). Дом сильно вытянут по фасаду; стены толстые, так как предполагалось строить третий этаж; отсутствие третьего этажа чувствуется в соотношении между длиной фасада и высотой. Комнаты небольшие, сводчатые; на углах дома красивые террасы.

В 1796 г. Орлов дал приказ дворецкому «высечь Бабакина за то, что он, несмотря на запрещение, снял кружала из-под свода и вторично уронил свод в кухне». По отзыву племянника графа, архитектор был жестокий пьяница и не подчинялся распоряжениям хозяйского племянника.

Литература: Орлов-Давыдов В., Биографический очерк графа В. Г. Орлова, т. II, СПб. 1878; имя Бабакина упоминается у Кауц Е., Крепостная интеллигенция, Л. 1926.

БАЛАХНИН Петр, крепостной П. А. Сабакина, вторая половина XVIII в.

Состоял главным бурмистром в подмосковном имении Тишково. В то же время был «хороший математик и отличный архитектор». Возможно, он строил в Тишкове псевдоготическую церковь и колокольню.

Литература: Виницкий Ф. Н., Рассказы из былого времени. Чтения в Моск. обществе истории и древностей, 1874 г., кн. I, стр. 66—67.

БАРСУКОВ, крепостной А. Б. Куракина.

В приходо-расходной книге Куракина за 1773 г., под 22 июня, значится запись: «Барсукову, нашему архитектору, на бумагу дал, для начертания планов Мясницкого дому и шпитали (т. е. госпиталя), 2 рубля»¹.

БЕЛОЗЕРОВ Владимир, крепостной Б. А. Голицына.

Строил в усадьбе Голицына Марфино, Московской губ., церковь, освященную в 1707 г. Храм в плане крестообразный, с барабаном и куполом в центре, ранее был решен в стиле московского (нарышкинского) барокко. В 30-х годах XIX в. храм был переделан: стены и барабаны украшены пилястрами, заново оформлены двери и окна и вместо овальных устроены скатные карнизы. За отказ поставить внутри храма столбы Белозеров был засечен Голицыным насмерть, как о том свидетельствовала надгробная надпись на его могиле, около Марфинской церкви.

Литература: Вейнер П., Марфино («Старые годы», 1919 г., июль—сентябрь), БИЗЯЕВ Петр Алексеевич, крепостной Шереметевых.

Сын старшего приказчика с. Кускова. С 1792 г. работал в Останкине в качестве архитекторского помощника под руководством сначала Алексея Миронова, а позднее Павла Аргунова². Составил альбом всех останкинских построек, хранящийся в музее Остан-

¹ Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина, часть 3, М. 1897, стр. 309—314.

² Одновременно с Петром Бизяевым в Останкине работал его брат, Никифор Бизяев, которого Виноградов («Останкино», М. 1928) ошибочно считает архитекторским учеником. На самом деле из подписных рисунков Никифора Бизяева, находящихся в Останкинском музее, можно установить, что он был «геодезии ученик», т. е. готовился в землемеры.

кина; в альбоме 43 чертежа, из которых 39 выполнены лично Бизиевым¹. Кроме альбома, в Останкинском музее имеется до 20 подписных рисунков Бизиева на отдельных листах, из которых следует отметить: 1) Генеральный фасад большому дому передней стороны, 2) Генеральный фасад большому дому задней стороны, 3) Генеральная профиль продольная, 4) Фасад главному дому с галереями и павильонами, задней стороны, из саду оную фасаду снимал и накладывал П. Бизиев, 5) Фасад передней стороны дому Митяевых снимал и накладывал П. Бизиев.

По «реестру служителям и дворовым людям» за 1797 г. видно, что Бизиев получал в Останкине 10 рублей. В больничном листке по Останкину за 1796—1797 гг. П. Бизиев значится «больным французской болезнью». В 1807 г. Бизиев был в Петербурге, где ремонтировал литейный флигель Фонтанного дома и домик в саду.

Литература: Виноградов П., Останкино, М. 1929; Станюкович Вл., Крепостные художники Шереметевых (Записки историко-бытового отдела Русского музея, т. I, Л. 1928).

БОРУНОВ Иван Егорович (род. ок. 1798), крепостной Н. Б. Юсупова.

Учился у крепостного архитектора В. Я. Стрижакова, около 1815—1818 гг.

В музее-усадьбе Архангельское хранится вычерченный им в 1818 г. генеральный план усадьбы.

Во время болезни Стрижакова Борунов в качестве архитекторского помощника наблюдал за постройкой «Каприза» в Архангельском парке (по проекту арх. Тюрина). С 1821 г. по 1826 г. руководил строительством в Архангельском. В июле 1826 г. Борунов, как человек «поведения нетрезвого и к должности не радив», был отослан с женой и тремя малолетними детьми в украинское имение Юсупова — Ракитную слободу².

Сестра Борунова была крепостной актрисой в театре Юсупова.

Литература: Безсонов С., Крепостные архитекторы в Архангельском («Архитектура СССР», 1934 г., № 9); Безсонов С., Подмосковная усадьба Архангельское, М. 1937.

БРЕДИХИН Андрей, крепостной Н. Б. Юсупова.

Архитекторский ученик, работал в первой половине XIX в. В музее-усадьбе Архангельское имеются его подписные чертежи: 1) Св. ворота чертил архитекторский ученик Андрей Бредихин, 2) План птичьего двора в с. Архангельском. Чертежи эти помещены в альбоме «Планы и чертежи по Архангельскому имению кн. Юсуповых»; воспроизведены в книге Безсонова С., Подмосковная усадьба Архангельское, М. 1937.

БРЕДИХИН Федор, крепостной Н. Б. Юсупова.

Ученик крепостного архитектора В. Я. Стрижакова в 1815—1816 гг. В 1816 г., по распоряжению Юсупова, был направлен конторщиком в главную контору по управлению Юсуповскими имениями и обучение архитектуре вынужден был прекратить³.

Литература: Безсонов С., Подмосковная усадьба Архангельское, М. 1937; Безсонов С., Крепостные архитекторы в Архангельском («Архитектура СССР», 1934, № 9).

БУХВОСТОВ Яков Григорьевич, крепостной окольничего М. Ю. Татищева, крестьянин с. Никольского-Сверчкова Дмитровского у. Московской губ.⁴

В 1690 г. строил в Москве, на углу Тверской (ул. Горького) и Мозовой, на месте нынешней гостиницы «Националь», каменные кельи для монахинь сиенского во второй по-

¹ Чертежи, приведенные в настоящем издании, взяты из этого альбома.

² Централархив, дела по Архангельскому: 1816 г. — № 15, 1819 г. — № 7, 1824 г. — № 2, 1826 — 1827 гг. — № 11.

³ Централархив, дела по Архангельскому, 1816 г. — № 15.

⁴ Некрасов А. И. («Барокко в России». ГАХН, М. 1926), введенный в заблуждение уменьшительным именем Бухвостова «Янко», ошибочно считает его белоруссом по происхождению.

ловине XVIII в. Моисеева монастыря. В подрядной записи на эту работу значится: «198 г.¹ Се аз Дмитровского уезда, Берендеевского стану, вотчины окольного Михаила Юревича Татищева, села Никольского крестьянин Яков Григорьев сын Бухвостов, да из Ярославского уезду стольника Федора Иванова сына Кузьмина вотчины, ево села Путиятина, деревни Ермолицины крестьяне Иван Парфенов да Матвей Федоров, да из Костромского уезду вотчины стольника Александра Дмитриева сына Волинского, села Городищ, деревни Братовщина крестьянин Прокофей Иванов, все мы, подрядчики и каменщики, в нынешнем 198 г. января в 1 день... договорился я, Яков... в нынешнем во 198 г. от начала весны и в лето сделать мне, Якову со товарищи, из готового поставленного к делу кирпичу на Москве, в Белом городе у церкви Моисея боговидца, что на Тверской улице, по улице, что с Тверской на Никитцкую на старом богадельном месте... келью с сенями, где жить Моисеевской богадельни игуменье, на длиннике на 3 саж. с полусаж. А тое кельи от сеней до двора попа Иуды на длиннике на 30 саж. с полусаж. построить 2 кельи, где жить старицам, длина в кельях меж стен по 11 саж., а промежу тех двух келий сени длиною 6 саж. с полусаж. и перегородить те сени и игуменьину келья пополам, а стены делать с улицы... в 3 кирпича, а промеж келий и сеней в полтретья кирпича..., а рвы копать и сваими набить и набутить в глубину монастыря 2 арш. с ¼, или, смогря по месту, по земле... и, взбутя с землею нарвно, положить белого камня аршинного и трехчетвертного на все стены кругом в 3 ряда, или с монастыря в один ряд, а от мостовой улицы в 5 рядов, для того, что от улицы земля высока, а от выбутки до полу поднять белым камнем и кирпичом аршин с четью, а в кельях и в сенях от полу до сводов до замка сделать вышину 2 саж., а в игуменных кельях вышину сделать как пристойно, а своды делать котельные, и стены выровнять со сводами на всех кельях и сенях ровно. И под кровельную обвязку на всех внешних стенах сделать столбы толщиной против стен, а вышину аршин с четью, а промеж тех всех столбов сделать стену в полтора кирпича, а на середине поверх сводов и на стенах сделать столбы до коня как кровле быть..., а в кельях и в сенях и на веру под кровлею сделать окон и дверей сколько надобно будет, а окна делать простые против образца Кулижских богаделен и поставить в них рамы дубовые и решетки железныя... а решетки и петли и скобы и подставки у дверей и у окон везде, где что прилично, положить из свицкого доброго железа..., а перед дверьми сенными с монастыря сделать рундуки с ступенями белым аршинным камнем... и во всех кельях и сенях подмазать и внутри и с надворья выбелить... И на подвязи, и на кружала, и полубы всякой лес и тес и гвозди к тому каменному делу и творилам, для воды чаны и кади, и ушаты, и ведра, и шайки, и лотки, и носилки, и желобы, и для бою свай ступы и веревки, и заступы и лопаты, и кирки и ломы и лубы, и всякой деревянной и железной и каменной припас поставить мне, Якову с товарищи, нынешним зимним путем и весною... А за те к тому каменному делу выше писанные всякие припасы, опроче домового кирпича, и на наем к тому делу каменщиков и творильщиков и подвязчиков и всяких работных людей взять мне, Якову с товарищи, из Каменного приказу 1 100 рублей денег... И сделать нам, подрядчикам Якову с товарищи, те кельи и сени все против записи самым добрым мастерством и твердым, чтоб было прочно... а будет в том нашем каменном деле от нашего нерадения и худого дела, опроче пожару, будет какая поруха в 20 лет, и то порушенное дело починить и сделать заново нам, подрядчикам, мне, Якову с товарищи, своими каменными всякими припасы и работными людьми всякими за тою вышеписанною взятою ценою безденежно». За договаривающихся поручается ряд лиц, в том числе «человек» Татищева².

¹ Читать 7198 г. (старого летоисчисления, т. е. 1690 г. н. э.). Во всех встречающихся в дальнейшем обозначениях года трехзначным числом также должна быть добавлена впереди цифра 7.

² Забелин И., Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы, т. I, М. 1884.

В том же 1690 г. Бухвостов «с товарищи подрядился делать около Воскресенского монастыря (Новый Иерусалим) под городовую стену, как быть стене городской и башням, рвы копать и сваи бить, и бутить, а ряда от того дела имать от выбутки по сажени в дробную трехаршинную сажень по 1 рублю по 6 алтын да по 4 деньги за сажень¹.

По окончании постройки стен Бухвостов подрядяется в том же Новом Иерусалиме построить над входными воротами церковь, но, занятый многочисленными другими работами, передает подряд Папуге и Михайлову. Из текста подрядной записи видно, что Папуга и Михайлов, повидимому, пользовались руководством Бухвостова (текст записи приводится ниже— см. Па п у г а).

Когда в 1693 г. в Рязани решили восстановить обвалившийся годом раньше собор, Бухвостов явился на торги: «18 генваря (7201 г.) Дмитровского уезду, с. Никольского, Иаков Григорьев Бухвостов, каменных дел подмастерья Осип Стапцев и Мизухин приезжали для подряда соборные церкви, из коих Бухвостов, да еще Никита Иустинов, Герасим Иванов и Иван Парфенов с товарищи подрядились оную строить... своими работниками, в домовом припасе»². Собор Бухвостов с товарищами строили до 1699 г.

В том же 1693 г. Бухвостов с товарищами Мишкой Тимофеевым и Митрошкой Семеновым подрядился строить церковь в вотчине боярина П. И. Шереметева, Уборах (под Москвой), с обязательством закончить работу к 1695 г. Работая одновременно там и в Рязани, Бухвостов в назначенный срок церковь в Уборах не построил, и Шереметев в 1695 г. подал в Приказ каменных дел о привлечении Бухвостова к ответу. Пристав, посланный в Рязань для ареста Бухвостова, вернулся ни с чем, так как «поймать себя он, Якунка, не дал и от них, посыльных людей, ушел». Но Бухвостов явился сам к Шереметеву и заключил с ним новое соглашение, по которому обязался закончить постройку в Уборах к июлю 1696 г. Нового обязательства Бухвостов также не выполнил. По вторичной жалобе Шереметева в Уборы прибыли каменных дел подмастерье и подьячий; узнав об этом и «видя свою неправоту», Бухвостов скрылся. Только после продолжительных розысков Бухвостов был пойман «и посажен в колодничную палату за решетку». На допросе Бухвостов объяснил, что во время его работы в Уборах там не было Шереметева, а строить дальше «без его боярского указу» он не мог и поэтому уехал в Рязань на постройку собора; там у него произошла какая-то «поруха» в строительстве, и рязанский митрополит «посадил его в железа», вследствие чего возвратиться в Уборы он не мог. Приговор Приказа каменных дел гласит: «Его, Янку, бить кнутом нещадно и каменное дело ему доделать». Но, заинтересованный в скорейшем окончании постройки, Шереметев сам просил об освобождении Бухвостова от наказания, и в 1697 г. постройка церкви в Уборах была закончена. Из Приказа каменных дел был послан для описи и постройки мастер Данила Калинин³.

В Рязани Бухвостов, повидимому, имел успех. В 1697—1699 гг. им «строены архиерейские каменные житницы, соломенные палаты, Георгиевская, Екатерининская и Фроловская церкви»; в 1699—1700 гг. строились «в Явленском и Симеоновском монастырях и Ильинская каменные ж церкви; подрядчиком был при всех оных строениях означенный Бухвостов»⁴. Все эти постройки не сохранились.

Весьма вероятно, что Якушка Григорьев, запросивший на торгах 1681 г. за постройку каменной церкви Воскресенья на Пресне в Москве 1 500 рублей, затем снизивший

¹ Леонид, Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М. 1786 (гл. «О построении каменной ограды вокруг монастыря в 1690—1694 гг.»).

² Из расходной книги № 306. Иероним, Рязанские достопамятности, Рязань 1889; Воздвиженский И., Историческое описание Рязанской иерархии, М. 1820 г.

³ Центральная архивная комиссия, статьи разные, столб. № 2000.

⁴ Из свитка разряда, № 314. Иероним, Рязанские достопримечательности, Рязань 1889.

цену до 787 рублей и все же не получивший подряда, в действительности был Яков Бухвостов¹.

Бухвостов упоминается в «Истории русского искусства» И. Грабаря (М. 1912, т. II).

Литература: Сперанский М., Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства, М. 1930; Воронин Н., Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв., Л. 1934.

БУЯНОВ Кузьма, крепостной Шереметевых.

Архитектор второй половины XVIII в. Работал главным образом в Кускове.

В Кусковском музее сохранились подписанные Буяновым чертежи: 1) Фасад и план главному дому, 2) Фасад и план гроту, 3) Фасад и план бельведеру, 4) План и фасад армитажу, 5) План нижнего этажа главного корпуса, 6) Профиль и план абрикосовой оранжереи, 7) Профиль, план и перспектива ранжевой оранжереи, 8) Фасад и план кухонному флигелю, 9) План и фасад четырех богаделен одинакового виду, 10) План и фасад водовзводной башни, что на Слободке, 11) План и фасад всей окружности псарного двора, 12) План и фасад большой конюшни, 13) Квасня, погреб, школа, управительский флигель, 14) План и фасады столярной и сарая, 15) Фасады и планы сушилен и больницы, 16) Фасады и планы флигелям Чубаровскому и Модестовскому, 17) Английская конюшня в Кускове, 18) Беседки в Гаях, 19) «Храм любви» и беседки, 20) Фасад и план «уединения», что в Гаях, 21) Фасад и план афисиянскому флигелю, 22) Домики, 23) Фасад и план мыльне, 24) План и фасад караульной избе. В Останкинском музее сохранились подписные чертежи Буянова: 25) Фасад и план вновь проектированной школы в с. Останкине, 26) Фасад и план флигелю, где занимал аптекарь, 27) Фасад и план вновь сделанной столярной в с. Останкине.

На чертежах, обозначенных №№ 2, 4, 5, 6, 18, 19 и 26, после подписи Буянова имеется подпись архитекторского ученика Окопишниковца, на чертежах №№ 9, 10, 11, 14 и 24 — подпись ученика Бориса Курзина, на чертежах №№ 1, 12, 13, 15, 16, 17, 20, 21, 22, 23, 25, 27 — подпись Ал. Котырева; чертежи №№ 3, 7 и 8 подписаны только Буяновым.

Дочь Буянова, Анна Буянова, была одной из лучших певиц шереметевского театра, где она выступала в период 1780—1781 гг. под фамилией Изумрудова; впоследствии она вышла замуж за московского врача Лахмана.

ВАСИЛЬЕВ Антон, крепостной Воронцова-Дашкова.

В первой половине XIX в. долгое время работал в качестве архитекторского помощника у многих московских архитекторов, где «приобрел основательные познания в архитектуре и строительном искусстве и произвел многие весьма замечательные постройки по чужим и собственным проектам».

Построил большую усадьбу помещика Мамонтова, каменную церковь и колокольню. «Отделал весьма оригинально» дом с многими флигелями для коммерции советника Кокорев в Москве (Кокоревское подворье). Строил «здание для пользования водами с устройством водопровода и ванн» в г. Солигаличе. В 1857 г. окончил по собственному проекту каменную церковь в имении помещика Шилового — с. Неклюдове под Москвой (за Бутырской заставой). За проект этой церкви Академия художеств 23 ноября 1857 г. присвоила Васильеву, бывшему к этому времени уже свободным, звание «неклассного художника архитектуры с правом производства строений». Церковь эта, в форме ротонды, заложена еще в 1806 г.; богатая внутренняя отделка — лепные карнизы, хоры, деревянная резьба, роспись купола гризайлью — принадлежит Васильеву.

Литература: Петров Н., Материалы для истории СПб. Академии художеств, т. III. СПб. 1866; Кондаков С., Имп. СПб. Академия художеств, т. III, СПб. 1914.

¹ Забелин И., Домашний быт русских царей, т. I, М. 1895. (Материалы, записки строительного дела, № 9.)

ВАСИЛЬЕВ Вторушка, холоп думного дьяка Томилы Луговского.

В 1620—1627 гг. Луговской послал Васильева из Москвы в свое поместье, с. Угодичи Ростовского уезда, для постройки там каменной церкви. Церковь сохранилась со значительными переделками. Основной строгий куб ее, завершающийся трехчастным фризом и карнизом с кокошниками, показывает, что первоначально храм заканчивался подъемом кокошников к центру, и на них возвышались пять фальшивых главок. С восточной стороны к кубу примыкает маленькая низкая абсида. Внутри храм бесстолпный.

Литература: Титов А., Ростовский уезд, М. 1885.

ВЛАДИМИРОВ Михаил Степанович, вольноотпущенный.

«Вольноприходящий ученик» Академии художеств. В 1852 г., «как исполнивший удовлетворительно программы, равно также удовлетворительно выдержавший испытание в строительном искусстве», получил от Академии художеств звание «неклассного художника архитектуры».

Литература: Петров Н., Материалы для истории СПб. Академии художеств, т. II, СПб. 1866; Кондаков С., Имп. СПб. Академия художеств, т. II, СПб. 1914.

ВОЛКОВ Илья, крепостной Строгановых.

Архитекторский помощник; работал в начале XIX в. В альбоме № 1 — «Фасады и планы по дому Петербургскому», хранящемуся в архитектурном музее Академии художеств, на листе 16 имеется подписной чертеж Волкова: «План дому Е. С. графа Александра Сергеевича Строганова».

ВОЛКОВ, крепостной Шереметева.

Архитекторский ученик. Упоминается в 1821—1824 гг. при перестройках Фонтанного дома в Ленинграде, производившихся под наблюдением архитектора Квадри.

Литература: Лансере Н., Фонтанный дом (Записки историко-бытового отдела Русского музея, т. I, Л. 1928).

ВОРОНИХИН Андрей Никифорович (1759—1814), вольноотпущенный из крепостных А. С. Строганова.

По свидетельству современников, Воронихин был побочным сыном А. С. Строганова и фиктивно записан в метрической книге с. Новое Усолье Пермской губ., как сын дворового человека Строганова — Никифора Воронихина и его жены. Судя по «исповедальным росписям» с. Усолия, Воронихин никогда в Усолье не жил; значился он крестьянином с. Давыдково Воскресенского у. Московской губ. С 1774 г. обучался архитектуре в Москве у архитекторов Баженова и Казакова. С 1784 по 1790 г. путешествовал по Европе с сыном А. С. Строганова Павлом. В 1786 г. получил вольную: «...А. С. Строганов, в роде своем не последний, отпустил я крепостного своего дворового человека Андрея Никифорова сына Воронихина, который достался мне по наследству после покойного родителя моего барона С. Г. Строганова, в 1759 г. положенного к нынешней четвертой ревизии в подушную оклад Московской губернии Воскресенской округи, при селце Давыдкове, за мною графом, за коего подушные деньги и всякие по указам поборы до будущей ревизии платить мне, графу, и вольно ему, Воронихину, с сею моею отпускнуою записаться на службу, в цех, в купечество, или у кого он в услужении быть пожелает, и впредь мне, графу, и наследникам моим до него, Воронихина, и до будущих потомков его дела нет и не вступаться»¹.

В 1797 г. Воронихин получает звание академика перспективной живописи. С назначением А. С. Строганова президентом Академии художеств Воронихин быстро выдвигается в первые ряды архитекторов. 22 ноября 1800 г. состоялся царский указ сенату: «Для построения Казанской церкви по вонфирмованному нами плану повелеваем составить особую комиссию, в которой присутствовать президенту Академии художеств гр. Стро-

¹ Дело правления Академии художеств, 1794 г., № 18.

танову. А производить строение архитектуру Воронихину»¹. Воронихин пользовался особым покровительством Строганова, который продвигал его по службе в Академии художеств, рекомендуя его на открывающиеся вакансии через вице-президента Академии Чекалевского, который проводил эту кандидатуру в послушном Совете. Так состоялись назначения Воронихина: в 1800 г. — преподавателем архитектуры, в 1804 г. — младшим профессором и членом Совета Академии, в 1811 г. — старшим профессором архитектуры².

Кроме своего основного сооружения — Казанского собора, Воронихин построил терапевтические клиники Медико-хирургической академии, Горный институт, дачу Строганова на Черной речке, колоннады, обелиски и фонтаны в Петергофе, Пулковские фонтаны, Розовый павильон в Павловске, дом Голицыной в имени Городня Калужской губ., работал во дворце в Стрельне, переделывал Фонтанный дом Шереметева и т. д.

Литература (основные работы): Апласкин А., Казанский собор, СПб. 1911; «Русская старина», 1884, том 44; «Сын отечества», 1814, № 12; «Старые годы», 1914, № 2; «Зодчий», 1914, № 11; Панов В. Н., Архитектор А. Н. Воронихин, М. 1937; Крушецкий А. и Лундберг Е., Зодчий А. Н. Воронихин, Свердловск 1937.

ГОЛЕВ Александр Трофимович (род. 18 января 1769 г.), сын дворового служителя П. И. Панина.

В 1773 г. принят в Академию художеств. В 1787 г. за архитектурные рисунки получил вторую серебряную медаль, а в следующем году выпущен из Академии с аттестатом 1-й степени. В 1789 г. определен в экспедицию строений г. Екатеринослава (теперешний Днепропетровск). В 1795 г. назначен архитектором Подольского наместничества, но через год уволен вследствие болезни; при увольнении получил аттестат, в котором указано, что «службу проходил беспорочно, с искусством в деле по знанию и успехам, его радению свойственным». В 1797 г. ходатайствовал о приеме вновь на службу, через год вторично подавал прошение об этом, указывая, что временно служит помощником землемера. Судя по резолюции на втором прошении, Голев был направлен на работу в Екатеринославскую губернию³.

Литература: Петров Н., Материалы для истории СПб. Академии художеств, т. I, СПб. 1865; Кондаков С., Имп. СПб. Академия художеств, т. II, СПб. 1914.

ГОЛИКОВ Афанасий Иванов, крепостной Ю. Ф. Щербатова, крестьянин дер. Грунково Галичского у.

В 1673 г. подрядился вместе с Павлом Клементьевым (см. ниже) строить здания в с. Васильевском под Москвою.

ГОЛИКОВ Григорий, крепостной П. Е. Пашкова.

В № 19 «Московских ведомостей» за 1807 г. напечатано объявление: «Желающие принять отпущенного вечно на волю покойного П. Е. Пашкова человека Григория Голикова, знающего часть архитектуры, в должность дворецкого, могут найти его близ Алексеевского монастыря, в приходе Всех святых, у священника». Возможно допустить, что Голиков принимал известное участие в постройке знаменитого Пашкова дома в Москве (ныне библиотека им. Ленина) или обучался архитектуре у строителей этого дома, может быть, у Баженова.

ГОЛОВЦЕВ Дмитрий, крепостной Шереметевых.

Имя Головцева впервые упоминается в «повелениях» Шереметева от 1800 г. В 1802 г. работал в Останкине в качестве архитектурного ученика, получал 17 рублей 20 копеек жалованья и 25 рублей 77 копеек за припасы. В 1803—1804 гг. работал под руководством крепостного архитектора Григория Дикушина на постройке Странноприимного дома в

¹ Дело правления Академии художеств, 1800 г., № 55.

² Дела правления Академии художеств; 1800 г. — № 20; 1804 г. — № 61; 1811 г. — № 31.

³ Бумаги Собко в рукописном отд. Ленинградской публичной библиотеки.

Москве (теперь больница им. Склифасовского). В 1808 г. вышло «повеление» Шереметева: «Архитекторского ученика Д. Головцева, по вытребованию из Павловска, за сделанное им буйство и пьянство наказать розгами и употреблять на дворовую работу с производством меньше дворового оклада, то есть тюремное содержание. По залечению сделанного наказания отдать его на год в смиренный дом». Впоследствии Головцев был сдан в скруты.

В Останкинском музее имеется чертеж фасада главного дома в Останкине с подписью: «Оные фасады снимал и накладывал Дмитрий Головцев».

Литература: Станюкович В. Л., Крепостные художники Шереметевых (Записки историко-бытового отдела Русского музея, т. I, Л. 1928); Виноградов К., Останкино (путеводитель), М. 1929; Виноградов К., Останкино, М. 1929; Шереметев С., Отголоски XVIII века, М. 1905; Яцевич А., Крепостные в Петербурге, Л. 1933.

ГОРНОСТАЕВ Алексей Михайлович (1808—1862), сын крепостного.

С 1829 г. Горностаев состоит архитекторским учеником в царскосельском дворцовом правлении. В 1834 г. за проект «дача для богатого жителя столицы» получает звание свободного художника, в 1836 г. — звание академика архитектуры и, наконец, в 1849 г., за проект «великокняжеского загородного дворца», — звание профессора архитектуры. С 1858 г. Горностаев преподает в Академии художеств перспективу.

В присланных Горностаевым из Рима 10 рисунках Академия художеств усматривает «доказательство его отличных способностей, успехов в искусстве и принятого манера рисования, отдает ему похвалу за внимательность, с какою соблюдена верность костюмов при изображении отпевания Людовика». В 1853 г. Академия художеств признает горностаевский проект памятника Нестору в Киеве лучшим из всех представленных (проект не был осуществлен). Из построек по проектам Горностаева известны: церковь на о. Валааме, подворье Троицкого монастыря в Ленинграде, усыпальница Пожарского в Суздале, надвратная церковь в Сергиевской пустыни под Ленинградом (ныне Володарское), собор в Гельсингфорсе. Все здания выполнены в ложнорусском стиле, за который Горностаева везде и всегда превозносил Стасов В. В.

Литература: Петров П., Материалы для истории СПб. Академии художеств, тт. II и III, СПб. 1865; Стасов В., Полное собрание сочинений, т. I, СПб. 1899 (статьи «Художественная статистика» и «Двадцать пять лет русского искусства»); Стасов В., А. М. Горностаев («Вестник изящных искусств», т. XI).

ГРИГОРЬЕВ Дормидонт Григорьевич, из вольноотпущенных.

В 1809 г. поступил архитекторским помощником в Московский опекунский совет. В 1811 г. находился при постройке Вдовьего дома на Кудринской площади, где работал под руководством Джилярди-отца. С 1813 по 1819 г. работал архитекторским помощником в Комиссии по строению г. Москвы, под руководством архитектора Бове. В 1819 г. был рекомендован на постройку здания Московского университета к Джилярди-сыну. По окончании постройки остался на службе при университете в качестве архитектора до 1832 г. В 1821 г. строил около здания университета, на Моховой улице, «аптечный корпус» (несохранившийся), а в 1826 г. — корпус при университетской типографии, на углу Большой Дмитровки (ныне Пушкинская ул.) и Страстного бульвара. В 1833 г. перестраивал здание гимназии у Пречистенских (Кропоткинских) ворот, в настоящее время надстроенное.

Литература: Грабарь И., О пределах вандализма («Старые годы», 1911, № 1).

ГРИГОРЬЕВ Федор, дворцовый крепостной, крестьянин Красносельской вол. Ростовского у. Ярославской губ.

С 1750 г. Григорьев, под наблюдением каменных дел мастер Монишотия и архитек-

торского помощника Казакова, делал в Большом Петергофском дворце «в каменном правом флигеле, в проходных галереях, против шести потолков круглые столбы и пилястры, и по ним вазы и прочие, и в одних сенях под лестницею и у круглых столбов и пилястр 10 баз»¹.

ГРИГОРЬЕВЫ Гришка, Федька и Костька (братья), крепостные стольника Ан. И. Колычева, крестьяне с. Деево-Городище.

Строили в 1667—1688 гг., вместе с Карпушкой Губой (см. ниже), церковь Григория Неокесарийского в Москве.

ГУБА Карпушка, крепостной Ипатьевского костромского монастыря, крестьянин дер. Исаковой Костромского у.

Строил в 1667—1679 гг. в Москве, на Полянке, каменную церковь Григория Неокесарийского. Вместе с ним на этой постройке работали Филька Денисов и три брата Григорьева. «1667 г. сентября в 11 день. От церкви Григория Неокесарийского каменщиком Костромского уезду, Ипатского монастыря, дер. Исаковой Карпушке Губе, да стольника Н. И. Шереметева, с. Городища, кр. Фильке Денисову с товарищи, по подрядной записи, что подрядились они в прошлом, во 175 г., к прежним деньгам, к осмистам рублям, от дела сто рублей дано». 21 октября тем же лицам за ту же работу дано еще 50 рублей². «Тому же Губе, да стольника Ан. И. Колычева, полусела Деева Городища, крестьянам Гришке, да Федьке, да Костьке Григорьевым детям с товарищи — зделали они сверх подрядной своей записи, у тое церкви в прибавок в верх 4 сажени, длиннику четверть сажени, поперег осьмая доля сажени, да в двух трапезах в вышину полсажени, под колокольнею св. ворота, да паперть мешь трапесою и колокольнею — 200 рублей»³. Церковь, строившаяся по инициативе царского духовника Андрея Савинова на средства царя, отличается богатством изразцовой обработки; хорошо сохранилась до настоящего времени.

Кроме указанных лиц, в постройке церкви Григория Неокесарийского принимал участие каменных дел подмастерье стрелец Ивашка Кузнечик, получивший 10 рублей за то, что «был у каменного строения Григория Неокесарийского и в с. Измайлове»⁴.

ГУСЕВ Петр Иванович (род. 19 ноября 1809 г.), крепостной С. А. Хлюстина, крестьянин с. Троицкого Медынского у. Калужской губ.

Отец Гусева состоял у Хлюстина в должности поверенного по судебным делам. Грамоте Гусев учился у конторщика по псалтырю, в 1816 г. был отдан в г. Козельск учиться грамоте к учителю, башмачнику по профессии, который больно наказывал своих учеников розгами; в дальнейшем учился в с. Троицком у отставного чиновника. В 1820 г. Гусева определили в музыканты, но хор скоро распался, и он в 1821 г. был отдан на три года в обучение крепостному архитектору Хлюстиных — Ивану Антоновичу Каширину, с которым и уехал в с. Любунь Жиздринского уезда. Ученье началось с рисования, затем Гусев изучал Виньолу, практическим же занятиям уделялось мало внимания. По окончании срока обучения у Каширина, в 1824 г., Гусев был направлен в Москву, где, после неудачной попытки устроиться у архитектора Ст. Мельникова, попал к архитектору Е. Д. Тюрину, у которого учился пять лет. У Тюриня ученики зимою работали над проектами, а летом на постройках. Будучи учеником Тюриня, Гусев руководил постройкою, по проектам своего учителя, дома Коноплева на Знаменке (ул. Фрунзе) и собственного дома Тюриня. По окончании обучения у Тюриня работал в имениях Хлюстиных: строил увеселительные беседки и домики в с. Троицком, перестроил храм в с. Шатове, построил ка-

¹ Московское отд. архива импер. двора, опись № 118, № 321, лист 70; опубл. у Успенского А., Императорские дворцы, т. 2, М. 1918, стр. 40.

² Дела Тайного приказа, книга 3; опубл. в «Русской исторической библиотеке», т. 23, стр. 828, СПб. 1904.

³ Дела Тайного приказа; там же, стр. 971.

⁴ Дела Тайного приказа; там же, стр. 869.

менные церкви в с. Красном Яру и Ильке Курской губ. и деревянную— в с. Тросне Орловской губ.

В 1831 г. отец Гусева со всем семейством получил свободу. В следующем году Гусев переехал в Калугу, где работал помощником губернского архитектора Н. Д. Соколова. По отзывам своих руководителей, архитекторов Тюрина и Соколова, Гусев оказывал «как в теории, так и в практике хорошие успехи». Не оставляя работы по архитектуре, Гусев в 1835 г. поступил учителем рисования в Боровское уездное училище, откуда в 1838 г. перешел в Калужское уездное училище. В 1849 г. поступил на должность столоначальника Провиантской комиссии, а в 1857 г. был назначен смотрителем в г. Корочу, где и умер в 60-х годах. В 1837 г. Гусев приехал в Москву и здесь около года учился рисованию в школе Строганова, у проф. Сухих.

В период 1832—1857 гг. Гусев построил в Калуге дом купца Богданова, дом на Молотковской ул., трапезную и колокольню Николо-Казинской церкви (где им устроен также иконостас), достроил колокольню Мироносицкой церкви, перестроил дом с оградой и воротами купчихи Сивачевой на Жировке, перестроил дома Рюмина, Данышина, Прянишниковой и вновь построил на Никольской ул. дом Ширгороцкого. К большим работам Гусева относится проектирование и постройка Калужского дворянского собрания (в 1850—1851 гг.), напоминающего силуэтом palazzo Питти во Флоренции. В Калужской губернии им построены: церковь в с. Бобылях, трапезная Петропавловской церкви в г. Мещевске, трапезная и иконостас в с. Боброве. Из работ Гусева в усадьбах можно назвать: огромный дом в с. Гурьеве Тарусского у., там же дом Маковеевых, дом Мещеринова в с. Кондрове Медынского у. (перестройка), великолепно отделанный дом генерала Сильван в с. Курьичах, дом Команина в Новоселках, постройки в с. Ферзикове и Подборках.

В Калужском музее имеется альбом проектов Гусева: «Планы и фасады училища Калужской губернии. 1848 г. июля 6 дня. Составлены учителем рисования и черчения Калужского уездного училища Петром Гусевым». В альбоме помещены: 1) планы первого и второго этажей главного корпуса гимназии, 2) план и фасад директорского корпуса, 3) план и фасад бани «благородного пансиона».

Литература: «Жизнеописание П. И. Гусева, им самим составленное» (Щукинский сборник, вып. 2, М. 1903).

ДАНИЛОВ Михаил Михайлович, крепостной ген. Архарова, крестьянин с. Хорошилова Орловского у.

15 января 1816 г. был принят вольным пансионером в Академию художеств. В августе 1816 г. получил вольную от наследника Архарова—Постникова, который в 1818 г. обязался платить за Данилова в Академию до окончания учения¹. В мае 1825 г. Данилов за архитектурные композиции получил вторую серебряную медаль, в декабре 1825 г.— первую серебряную медаль. В 1827 г. за проект театра получил вторую золотую медаль и в том же году был выпущен из Академии с аттестатом 1-й степени.

Литература: Петров П., Материалы для истории СПб. Академии художеств, т. II, СПб. 1866; Кондаков С., Имп. СПб. Академия художеств, СПб. 1914.

ДЕМЕНТЬЕВ Савка, холоп боярина П. В. Шереметева.

В 1681 г. работал в Коломенском дворце по приказу царя Федора Алексеевича: «отцовскую повалушу разобрать и на том месте поставить столовую». Столовая, построенная Дементьевым, представляла двухэтажный деревянный куб, крытый пучинами. На крыше возвышался медный шар («яблоко») со львом, орлом и «инорогом». Во втором этаже столовая соединялась с дворцом при посредстве сеней с гульбищами и перилами. Под сенями, в первом этаже, были устроены ворота «с резьбой и золочением», над сенями на-

¹ Дела правления Академии художеств: 1816 г.— № 3; 1818 г.— № 1.

ходила светлица; в сенях были слюдяные окна. За работу Дементьев получил «148 рублей с полтиною, да запасу 60 четвертей ржи, 10 четвертей круп грешневых, овсяных тож, 15 четвертей солоду ржаного молотого, 10 пудов соли, куль снетков псковских, 25 ведер вина» и «особо за снимку с повалуши гребня 2 рубля 25 алтын»¹.

В 1682 г. Дементьев участвовал в качестве подрядчика на торгах на постройку «по чертежу» деревянных хором для царевича Ивана Алексеевича. Дементьев запросил 290 рублей и 150 четвертей ржи, затем снизил цену до 245 рублей, но подряда не получил².

Литература: Чаев Н., Описание дворца Алексея Михайловича в селе Коломенском, М. 1869.

ДЕМИДОВ Петр Яковлевич, из крепостных Е. А. Волконской, крестьянин дер. Малинки Рязанской губ.

В 1815 г. поступил «вольным пансионером» в Академию художеств³. 1 августа 1818 г. отпущен на волю, но при этом Волконская отказалась платить за Демидова в Академию, и за него обязался платить брат его, егерь Дмитрий Самыкин⁴. В 1821 г. Демидов получил за архитектурные композиции серебряную медаль второго достоинства.

Литература: Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, т. II, СПб. 1865; Кондаков С., Имп. СПб. Академия художеств, СПб. 1914.

ДЕНИСОВ Д., крепостной Шереметевых.

Архитекторский ученик, работал в конце XVIII в. В Кусковском музее имеется подлинной чертеж Денисова: «Фасад и план водозводной башни, что в Гаях».

ДЕНИСОВ Филька, крепостной Н. И. Шереметева, крестьянин с. Городища.

Строил в 1667—1668 гг. вместе с Карпушкой Губой (см. выше) церковь Григория Неокесарийского в Москве.

ДИКУШИН Василий Григорьевич, крепостной Шереметева.

Архитекторский помощник, сын крепостного архитектора Шереметевых Григория Дикущина. Упоминается в 1821—1824 гг. при перестройке Фонтанного дома Шереметева в Петербурге, производившейся под руководством архитектора Квадри.

Литература: Лансере Н., Фонтанный дом (Записки историко-бытового отдела Русского музея, т. I, Л. 1928).

ДИКУШИН Григорий, крепостной Шереметева.

Работал вместе с крепостными архитекторами Шереметева Алексеем Мироновым и Павлом Аргуновым на постройке дворца в Останкине. В 1792 г. был послан из Москвы в Петербург учиться «перекрывать большие площади». Но обучение, повидимому, оказалось неудачным, так как в 1793 г. («повеление» № 18) Шереметев писал о Дикущине:

«Ему довольно толковано, но он остался без понятия, как крепить по новым рисункам баланс на павильонах», и предписывал консультировать по этим вопросам с архитектором Бланком. Дикущин строил вместе с Алексеем Мироновым флигеля в Останкине, наблюдал за переделками колонн в Итальянском павильоне⁵, в 1794 г. составлял смету на пристройку театрального сарая «к репетишной» комнате⁶. Работая в Останкине под руководством Павла Аргунова, Дикущин больше всего занимался внутренним оформлением здания, например в 1796 г. составлял «планы и профили Итальянскому павильону»⁷. В 1794 г. жалованье его было увеличено со 100 до 150 рублей. В 1796 г. Дикущин и Алек-

¹ Забелин И., Домашний быт русских царей, т. I, М. 1895, стр. 450, 459.

² Забелин И., Домашний быт русских царей, т. I, М. 1895, стр. 598—599.

³ Дело правления Академии художеств, 1815 г., № 2.

⁴ Дело правления Академии художеств, 1818 г., № 1.

⁵ «Повеления» Шереметева: 1792 г. — № 144; 1794 г. — № 24.

⁶ «Отписка» Агапова от 9 августа 1794 г.

⁷ «Отписка» Агапова от 24 апреля 1796 г.

сей Мионов были сняты с архитектурской работы и направлены в контору для работы по письмоводству, и только их энергичный протест повлек отмену этого назначения. В следующем году Дикушин с Мироновым заканчивали мелкие работы в Останкинском дворце.

В 1797 г. Дикушин подал Шереметеву прошение о разрешении ему жениться: «Государю Сиятельнейшему графу Петру Борисовичу. Бьет челом В. С. низайший раб архитектор Григорий Дикушин о следующем: нахожусь я, низайший, при показанной должности лет с четырнадцать, которую и исправляю со всем моим старанием беспорочно. Ныне ж я пришел в совершенный возраст и имею намерение жениться, токмо без позволения В. С. того учинить не можно, того ради В. С., премилосердного государя, всенижайше прошу, дабы повелено мне было, низайшему, жениться дозволить и о том милостивую резолюцию учинить. К сей челобитной Григорий Дикушин руку приложил». Разрешение Шереметевым было дано.

В 1802 г. Дикушин строил в Останкине школу, и с 1802 г. работал на постройке шереметевского Странноприимного дома в Москве (ныне больница им. Склифасовского) по приемке строительных материалов. В Останкинском музее сохранились чертежи Дикушина:

1) Разрез продольной переходной галлерей, находящейся между главного корпуса и Итальянского павильона, в том положении, как ныне отделана, 2) План поперечной переходной галлерей, находящейся между главного дому и Итальянским павильоном, 3) Разрез поперечной переходной галлерей, в том виде, как ныне отделали, 4) Разрез продольной кабинета, находящегося позади переходной галлерей, которая между главного корпуса и Итальянским павильоном, 5) Профиль продольной Итальянскому павильону, 6) Профиль поперечной Итальянскому павильону, 7) Чертеж египетского павильона, с назначением столов, о которых изволили приказывать Дикушину, 8) Фасад кухонному флигелю в селе Останкове, 9) Чертеж стены в библиотеке, на которой сделан камин (под чертежом подпись: «С практики меру снимал Григорий Дикушин»).

Литература: Станюкович В. Л., Крепостные художники Шереметевых (Записки историко-бытового отдела Русского музея, т. I, Л. 1928); Станюкович В. Л., Постройка Останкина, М. 1926; Виноградов К., Останкино, М. 1929.

ДОБРЫНИН Иван Иванович, крепостной Разумовской.

В 1821—1825 гг. обучался архитектуре у архитектора Е. Д. Тюрина в Москве. По отзыву крепостного архитектора Гусева, «обладал хорошими сведениями в архитектуре», но «любил выпить лишний стакан бражки».

Литература: «Жизнеописание П. И. Гусева, им самим составленное» (Щукинский сборник, вып. 2, М. 1903).

ДУШКИН, крепостной Шереметева.

В 1800—1801 гг. строил на средства Шереметева собор в Спасо-Яковлевском монастыре, в г. Ростове Великом Ярославской губ.¹

ДЮЖАКОВ Александр, дворовый человек Шемякиных.

В 1815 г. отдан «вольным пансионером» в Академию художеств с платой за обучение по 360 рублей в год.²

ЕЖОВ Харлампий, вольноотпущенный.

С 1815 по 1818 г. включительно состоял помощником архитектора второго класса в чертежной Кремлевской экспедиции от строений.³

ЕЛИЗАРОВ Матвей, крепостной Шереметевых.

¹ Сообщение Ярославского краеведческого музея от 28 апреля 1936 г., № 167.

² Дело правления Академии художеств, 1815 г., № 2.

³ Список Кремлевской экспедиции служащим, 1818 г., хранится в Архангельском музее-усадьбе.

Архитекторский ученик. В 1802 г. работал в Останкине, получал 17 рублей 20 копеек жалованья и 25 рублей 77 копеек «за припасы»¹.

ЕРЕМЕЕВ Евдоким Еремеевич, крепостной П. П. Щербатова.

В 1808 г. мальчиком был отдан в Академию художеств для обучения архитектуре, с платой по 300 рублей в год². Будучи воспитанником третьего возраста, Еремеев в 1813 г. «особенную похвалу заслужил и отличился в архитектурных композициях». В 1814 г. за архитектурные композиции был признан заслуживающим серебряной медали второго достоинства, «но не прежде может воспользоваться сею наградою, как по свидетельствовании от г. инспектора о исправлении в своем поведении»; серебряная медаль была выдана Еремееву только в декабре 1815 г. После 1815 г. обучение Еремеева прервалось и только в 1832 г. «по известным его способностям и познаниям архитектурного искусства, свидетельствуемым представленною ныне, исполненною по задаче Совета, программой: «проект дачи со всеми принадлежностями», Еремеев получил звание неклассного художника.

В 1839 г. Совет Академии постановил: «свободного художника Евдокима Еремеева, известного отличными работами своими по части архитектуры, по представленной программе театра... возвести в звание академика архитектуры».

Литература: Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, т. II, СПб. 1865; Кондаков С., Имп. СПб. Академия художеств, СПб. 1914.

ЕРМОЛЬЕВ Иван, крепостной Несвицкой.

В «Московских ведомостях» в № 28 за 1813 г. напечатано объявление: «Отпущенный по паспорту дворовый человек княгини Н. И. Несвицкой Иван Ермольев, обучавшийся архитектурному искусству..., был призван в дом ее сиятельства для снятия плана. Окончив свою работу, не возвратился в квартиру свою и с того числа пропал и нигде в городе не отыскан... Его приметы: ростом 2 арш. 2 вершка, волосы на голове светлорусые, глаза серые, лицом чист, бороду бреет, от роду ему 23-й год».

ЖДАНОВ В., крепостной И. И. Барышникова.

Архитектор начала XIX в. Вместе с крепостным архитектором Д. Поляковым строил в усадьбе Барышникова Алексиню (Доргобужского у. Смоленской губ.) ампирный дом, службы и разбивал парк с прудами. Материалы по Алексину хранятся в Смоленском краеведческом музее.

Литература: Сборник Общества изучения русской усадьбы, 1927 г., вып. 2.

ЖЕМЧУЖНОЙ Ивашка, холоп А. Танеева.

В сентябре 1682 г. участвовал в торгах на постройку в Москве брусных хором для царевича Ивана Алексеевича «по чертежу». Просил сначала 380 рублей и «запас» 150 четвертей ржи, снизил цену до 280 рублей, затем до 235 рублей, после чего от участия в торгах отказался³.

ЗАВЪЯЛОВ Петр Тимофеевич, вольноотпущенный.

Работал в Москве в качестве архитектора с 1799 г. С 1811 по 1830 г. состоял помощником архитектора первого класса в чертежной Кремлевской экспедиции от строений⁴.

ИВАНОВ Василий, крепостной Ф. Ю. Бояртинского, крестьянин дер. Рогожи с. Рождествена, Ярославского у.

В 1688 г. участвовал вместе с Спиридоном Хрящем (см. ниже) в подряде на постройку в Москве церкви Троицы на Мясницкой.

¹ Штат подмосковной вотчины с. Останкова, 1802 г.; опубл. у Виноградова К., Останкино, М. 1929, стр. 108.

² Дело правления Академии художеств, 1808 г., № 13.

³ Забелин И., Домашний быт русских царей, т. I, М. 1895. (Записки строительного дела, № 36).

⁴ Списки Кремлевской экспедиции служащим. 1818, 1821, 1823 и 1829 гг. в Архангельском музее-усадьбе.

ИВАНОВ Евсеенко, холоп.

Каменных дел подмастерье. В 1675 г. разбирал стены старого Смоленского собора. Церковь была «разобрана вся до подошвы, и бут выломан, и два погребца выломаны и засыпаны... По сказке каменных дел подмастерья Евсеенки Иванова на старом де церковном основании новому церковному основанию быть не можно для того, что земля рухомая, и старых церковных и погребных ям много»¹.

Литература: Ширяев С., Памятники барокко и влияние зодчества Москвы в архитектуре Смоленска в XVII—XVIII вв. (Труды Смоленских гос. музеев, вып. I, Смоленск 1924).

ИВАНОВ Осип, крепостной В. Г. Орлова, крестьянин дер. Большие Горки Покровского у. Владимирской губ.

20 мая 1817 г. заключил договор — устроить в усадьбе Юсупова Архангельском стропила над большим домом и бельведер с куполом. В том же году заключил договор на постройку в Архангельском деревянного корпуса для театра на каменном фундаменте, по собственному плану; работа эта была оценена в 4900 рублей. После пожара в Архангельском Иванов в январе 1820 г. заключил договор на восстановление большого дома, по проектам Е. Д. Тюриня². Все договорные работы в Архангельском были Ивановым выполнены.

Подлинные тексты договоров Иванова напечатаны в книге С. Безсонова, Подмосковная усадьба Архангельское, М. 1937.

ИВАНОВ Прокофий, крепостной стольника А. Д. Вольнского, крестьянин дер. Братовщина, с. Городищи, Костромского у.

В 1690 г. участвовал по подрядной записи, вместе с Яковом Бухвостовым (см. выше), в постройке келий для Моисеева монастыря в Москве.

ИВАНОВ Степан Гаврилович (род. 10 сентября 1764 г.), сын дворового служителя М. А. Строгановой.

В 1770 г. определен в Академию художеств пенсионером И. И. Бецкого. В 1783 г. за архитектурные композиции получил серебряные медали второго и первого достоинств. В 1785 г. за программу (проект) «здание наместнического правления» получил золотую медаль второго достоинства и был выпущен из Академии с аттестатом 1-й степени и шагаой. Назначен для посылки за границу в качестве пенсионера.

Литература: Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, т. I, СПб. 1864; Кондаков С., СПб. Академия художеств, СПб. 1914; Собоко, Словарь русских художников, т. II, вып. 1. СПб. 1893.

ИЛЬИН Осип, крепостной патриаршего дворцового с. Вяцка, дер. Насоновой, Костромского у.

В 1694 г. подрядился в Москве, в Федоровском, что за Никитскими воротами, монастыре «сделать на церкви с приделы и на алтарях и на трапезе, и на рундуке верхние ряды под кровли наделать, и в коих местах стены от жару рощелялись (после пожара), заделать», а также починить колокольню, настоятельские кельи, поповы и братские кельи, обелить, настлать полы, сделать лестницы и рамы³. 20 февраля 1701 г. подрядился сделать «вновь каменную трапезу» в московской церкви Воскресенья, что в Гончарах, на месте разобранной им старой трапезной. За указанную работу Ильин получил 80 рублей⁴. Постройка Ильина сохранилась; окна трапезной в церкви Воскресенья на Гончарах обра-

¹ «Отписка» Смоленского воеводы в Москву; опубл. в «Смоленских епархиальных ведомостях», 1902 г., № 6.

² Центральн. архив, дела по Архангельскому, 1817 г., наряд № 21.

³ Забелин И., Материалы для истории археологии и статистики г. Москвы, т. I, стр. 663—664, М. 1884.

⁴ Там же, стр. 834—835.

ботаны тосканскими колонками с кольцами по середине фуста, антаблемент раскрепован, полукруглый фронтон разорван.

КАЛАШНИКОВ Лев Петрович, крепостной А. М. Белосельского.

В 1800 г. принят в Академию художеств «вольным пансионером» с платою по 150 рублей в год¹. В 1805 г. за архитектурные композиции получил серебряную медаль второго достоинства.

Литература: Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, т. I. СПб. 1864.

КАЛИНИН Ивашка, холоп.

Каменных дел подмастерье. В 1674—1675 гг. его посылали из Москвы в Смоленск для ремонта городских стен².

КАМЕНСКИЙ Павел Михайлович, крепостной А. Г. Строганова, а затем С. М. Голицына, крестьянин с. Новое Усолье Пермской губ.

22 декабря 1815 г. отпущен на волю. 15 февраля 1817 г. принят «вольным пансионером» в Академию художеств³. В 1818 г., будучи воспитанником архитектурного класса, отчислен из Академии, как «не выживший в Академии срочных лет, определенных до окончания курса художеств, и потому не имеет права на получение звания художника». Так как отчисление было за невзнос платы за обучение, то был снова принят воспитанником Академии после того, как за него обязался платить его родственник, отставной губернский секретарь И. Б. Каменский⁴. 4 сентября 1819 г. за рисунок с натуры Каменский получил серебряную медаль второго достоинства. Умер 6 июля 1821 г.

Литература: Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, т. II, СПб. 1865; Кондаков С., СПб. Имп. Академия художеств, СПб. 1914.

КАШИРИН Иван Антонович, крепостной генерала Хлюстина, крестьянин с. Любуни Жиздринского у. Калужской губ.

Обучался архитектуре в Академии художеств с 1804 по 1811 г. В те же годы строил в Калуге дом в стиле ампира, подаренный Хлюстиным городу для устройства больницы. В 1811 г. архитектурная композиция Каширина—памятник умершему президенту Академии художеств А. С. Строганову—была признана в Академии «отличной». Не получивший свободы и взятый из Академии, Каширин работал в качестве архитектора у Хлюстина в с. Любуни.

В 1820 г. Каширин строил каменную церковь в с. Троицком, близ Полотняного завода (Медынский у.). Как архитектор пользовался известностью и считался «великим художником». Сильно пьянствовал, в пьяном виде был «шумлив и придирчив». Впоследствии лишился рассудка и в таком состоянии оставался до самой смерти. Учеником Каширина был крепостной архитектор П. И. Гусев.

Литература: «Жизнеописание П. И. Гусева, им самим составленное» (Щукинский сборник, т. II, М. 1903); Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, тт. II и III, СПб. 1865.

КИСЕЛЬНИКОВ М., крепостной архитектор.

В 1799 г. строил в Москве, на Яузской ул., дом для купца Баташова (ныне Яузская больница),—возможно, по проекту французского архитектора де-Валя. Дом является запоздалым памятником раннего классицизма. Отличается обилием деталей, скульптурными украшениями, сложностью оконных решений; многие детали носят барочный характер, особенно в воротах.

Литература: «По Москве», изд. Сабашникова, М. 1917.

¹ Дело правления Академии художеств, 1800 г., № 64.

² Центральные архивы, дела приказа Смоленского княжества, 1675 г., кн. 3.

³ Дело правления Академии художеств, 1817 г., № 12.

⁴ Дело правления Академии художеств, 1818 г., № 12.

КЛЕМЕНТЬЕВ Павел, крепостной стольника М. И. Морозова, крестьянин дер. Матвеевской Галичского у.

В 1673 г. подрядился в Приказе тайных дел, вместе с Афанасием Голиковым (см. выше), «сделать в Московском уезде, в селе Васильевском, смотрильницы о трех жильях в вышину 40 венцов, двери, и окна, и лавки, и рундуки, и всякое смотрение, против того, какова строена в с. Степановском, стены изнутри и снаружи скоблить». Одновременно те же мастера строили в Васильевском винокурню, четыре житницы, омшанник с потолком. За всю работу было уплачено 51 рубль с полтиной¹.

КОЗЛОВ Алексей Степанович, крепостной В. Г. Орлова, крестьянин с. Поречья Ростовского у. Ярославской губ.

Около 1811 г. построил в родном с. Поречье пятиярусную колокольню, высотой около 90 м. Первый ярус колокольни оформлен восемью колоннами коринфского ордера, второй — полуколоннами, третий — приспособлен для колоколов, в четвертом, глухом, повешены часы, а в пятом, открытом, — колокола для часового боя. Купол переходит в шпиль, заканчивающийся яблоком и крестом. Колокольня поражает своей высотой и легкостью очертаний.

Литература: Никольский, Село Поречье («Ярославские губернские ведомости», 1848 г.); Гитов А., Ростовский уезд, М. 1885, стр. 124—144.

КОЗЛОВ Иван, вольноотпущенный.

Работал в Москве в качестве архитектора с 1821 г. С января 1823 г. состоял помощником архитектора третьего класса в чертежной Кремлевской экспедиции от строений².

КОЗЛОВ Протас (род. в 1794 г.), из дворовых людей.

В 1760 г. принят в гравировальный класс Академии художеств³. По отзыву 1761 г. оказался «неприлежным и непонятливым», но в 1763 г. получил серебряную медаль второго достоинства за рисунок с гипсов. В 1764 г. отмечен как ученик «хороших успехов и поведения». В 1768 г. выпущен из Академии художеств «учеником архитектурного художества». С 1768 г. служил архитектором в петербургской полиции⁴.

Литература: Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, т. I, СПб, 1864; Кондаков С., СПб. Имп. Академия художеств, СПб. 1914.

КОЛОДИН (или КОЛОДИНОВ) Иван Федорович, вольноотпущенный из крепостных Строгановых.

В 1800 г., двенадцати лет, принят в Академию художеств⁵. В 1804 г. «за архитектурную композицию гостинного двора» получил серебряную медаль. В 1806 г. за проектирование «монумента, посвященного натуральной истории, который мог бы назваться храмом природы, ибо в нем будет хранилище всякого рода сокровищ, кои только производит природа, даже всякого рода животных, мертвых и живых», т. е. естественно-научного музея, получил серебряную медаль первого достоинства. В сентябре 1807 г. за исполнение программы «здание судебных мест в столичном городе» получила золотую медаль второго достоинства.

С 1809 г. Колодин работал помощником у архитектора Воронихина на постройке Казанского собора в Петербурге, с окладом в 350 рублей в год⁶. С 1815 по 1819 г.

¹ Дела Тайного приказа, кн. 3; опубл. в «Русской исторической библиотеке», т. 23, стр. 299, М. 1904.

² Списки Кремлевской экспедиции служащим, 1823 г.; хранится в музее-усадьбе Архангельское.

³ Год поступления Козлова в Академию указан у Кондакова неверно.

⁴ Бумаги Со б к о в рукописном отд. Ленинградской публичной библиотеки.

⁵ Дело правления Академии художеств, 1800 г., № 64.

⁶ «Расчет жалования 1809 г. за ноябрь и декабрь мес.» и «Роспись, какие последовали награждения чиновникам и канцелярским служителям ведомства Комиссии о постройке Казанской церкви», опубл. у А п л а к с и н а А., Казанский собор, СПб. 1911.

работал в имени Н. П. Голицыной, впоследствии перешедшем к ее дочери С. В. Строгановой, — Марьине, Новгородской губ. В архитектурном музее Академии художеств хранится альбом: «Фасады и планы по малому дому и большому, ферме и другим заведениям в с. Марьине», в котором имеются подписанные Колодиным чертежи: 1) Главный фасад загородного дому, 2) Разрез большой гостиной, 3) Разрез столовой, 4) Кабинет, библиотека, уборная, канцелярия, 5) Разрезы зала, 6) Опочивальня, большой и малый кабинеты. Таким образом, устанавливается, что Колодин строил Марьинский дворец, который до сего времени приписывался архитектору А. Никитину (см. ниже), в действительности игравшему при строительстве Марьина второстепенную роль¹. Дом в Марьине имеет форму подковы, с пятью входами, у которых поставлены львы и тигры. Центральная часть, в три этажа, возвышается над крыльями. Окраска стен здания в палевый цвет, при белых орнаментах и колоннах, производит очень хорошее впечатление.

Литература: Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, т. I, СПб. 1864; Кондаков С., СПб. Академия художеств, т. II, СПб. 1914.

КОЛТАШЕВ Прокофий Петрович, вольноотпущенный из крепостных П. Г. Демидова, крестьянин Екатеринбургского у. Пермской губ.

17 октября 1808 г. принят «вольным пансионером» в Академию художеств²; в том же году отпущен на волю. 1 сентября 1815 г. выпущен из Академии со званием архитектора, с аттестатом 1-й степени.

Литература: Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, т. II, СПб. 1865.

КОЛЬШЕНКОВ В., крепостной Шереметевых.

Архитекторский ученик. В Останкинском музее хранится копированный им чертеж: «Профиль прежде бывшему виду и расположению главного корпуса в Никольском доме», т. е. дома Шереметевых в Москве, на Никольской ул.

КОНДРАТЬЕВ Лука, крепостной стольника И. С. Племянникова, крестьянин с. Изолова Костромской губ.

В 1694 г. подрядился вместе с Аникой Лаврентьевым (см. ниже) и «с товарищи» возобновить после пожара в патриаршем Федоровском монастыре в Москве, «что за Никитскими вороты» (теперь церковь Федора Студита на ул. Герцена), «церковь, да два придела, и трапезу и рундуки покрыть в два теса скалою», а также сделать лавки, перегородки, двери, рамы, заборы, всего за 100 рублей³.

КОРОЛЬКОВ Алешка, холоп.

Каменных дел подмастерье. «О разработке двух башен в королевском проломе (1611 г.) и о постройке вновь (Смоленской) стены по краям его. В прошлом 183(1675) году приделывано у королевского пролому каменная городовая стена, для того дела и сметы каменных дел подмастерье Алешка Корольков прислан был из Москвы»⁴.

Большой интерес представляет дело о построении Смоленского собора. В 1677 г. Корольков был прислан из Москвы в Смоленск «для строения соборных церкви», с приказом строить здание по образцу собора в Александровской слободе, с которого «учинен размер и чертежи». Но Корольков, как видно из отписки Смоленского воеводы Урусова от 14 декабря 1678 г., строил здание не по указанному чертежу, а вывел основание собора

¹ См. Трубников А., Кн. Голицына в Марьине и Городне («Старые годы», 1910 г., июль — сентябрь, прим. 77).

² Дело правления Академии художеств, 1808 г., № 13.

³ Забелин И., Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы, т. I, стр. 662, М. 1884.

⁴ Дело по княжеству Смоленскому, 1688 г., № 2; опубл. у Орловского И., Смоленская стена. Смоленск 1903. Об участии Королькова в достройке смоленских стен см. в Центральном архиве — Дела приказа княжества Смоленского, 1675 г., кн. 34, № 19; 1688 г., кн. 58, № 13; 1692 г., № 33.

значительно большего размера и иных очертаний. Вместо указанного размера $11 \times 11 \times 16$ саж. Корольков дал длину 19 саж. 2 арш., ширину 19 саж. $1\frac{1}{4}$ арш., не считая алтаря, который Корольков строил полуциркульным, а высоту ко времени доноса воеводы уже вывел на 13 саж.; «каким образом заведена, и на скольких столбах своды, и какова будет вышина — не знаем», писал воевода. Несмотря на приезд из Москвы стрелецкого головы для описки постройки, работы по возведению собора продолжались под руководством Королькова без изменения плана. Но размах Королькова привел к катастрофе: ему не удалось сомкнуть своды алтаря с капитальными стенами, и в 1679 г. «олтарь большой с боковыми алтарями от стен церковных до фундамента отделились», вследствие чего работа была прекращена до 1712 г.¹

Что касается работы Королькова в Москве, то известно, что он составлял смету на постройку Хамовнического дворца².

Литература: Ширяев С., Памятники барокко и влияния зодчества Москвы в архитектуре Смоленска (Труды Смоленских гос. музеев, вып. I, Смоленск 1924).

КОСТИН Дмитрий Самойлович, крепостной П. Ласунского.

3 февраля 1813 г. принят «вольным пансионером» в Академию художеств. До поступления в Академию уже «упражнялся в землемерии три года и в гражданской архитектуре — два года»³. В мае 1814 г. за архитектурные композиции получил серебряную медаль второго достоинства. В 1817 г. получил свободу. В 1818 г. окончил Академию художеств с аттестатом 1-й степени. Работал в Симбирске; там у него обучался М. Д. Арабов, получивший в 1864 г. звание архитектора⁴.

Литература: Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, СПб. 1914.

КОСТРЮКОВ Иван Козмич (род. в 1818 г.), вольноотпущенный.

В 1858 г. Академия художеств за проект «господский дом в городе» присвоила Кострюкову звание «неклассного художника архитектуры».

Литература: Кондаков С., СПб. Академия художеств, т. II, СПб. 1914.

КОТЫРЕВ Александр, крепостной Шереметевых.

Архитекторский ученик. Работал во второй половине XVIII в. с крепостным архитектором Буяновым (см. выше). Ряд чертежей Буянова, хранящихся в Кусковском музее, подписан также Котыревым: 1) План и фасад главному дому, 2) План и фасад большой конюшни, 3) Квасня, погреб, школа, управительский флигель, 4) Фасады и планы сушилен и больницы, 5) Фасады и планы флигелям Чубаровскому и Модестовскому, 6) Английская конюшня в Кускове, 7) Фасад и план «единения», что в Гаях, 8) Фасад и план афиснанскому флигелю, 9) Домики, 10) Фасад и план мыльне. В Останкинском музее также хранятся чертежи, на которых после подписи Буянова имеется подпись Котырева: 1) Фасад и план флигелю, где нанимал аптекарь, 2) Фасад и план вновь сделанной столлярной в Останкове.

КОШКИН Иван Иванович (род. 3 января 1771 г.), сын дворового человека И. И. Бецкого.

В 1776 г. принят в Академию художеств. В 1791 г. за архитектурные композиции получил серебряную медаль второго достоинства. В 1793 г. окончил академию с аттестатом 1-й степени.

Литература: Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии

¹ Мурзакевич, Достопримечательности Смоленска (чтения в Моск. обществе истории и древностей, 1846 г., кн. 2).

² Мартынов (чтения в Моск. обществе истории и древностей, 1895 г., кн. 3).

³ Дело правления Академии художеств, 1813 г., № 6.

⁴ Бумаги Собко в рукописном отд. Ленинградской публичной библиотеки.

художеств, т. I, СПб. 1864; Кондаков С., СПб. Академия художеств, т. II, СПб. 1914.

КУЗНЕЦОВ Павел, крепостной гр. Строганова.

Архитекторский ученик. В 1815—1819 гг. работал в усадьбе Марьино (Новгородской губ.) под руководством крепостного архитектора Колодина (см. выше) и совместно с крепостным архитектором А. Никитиным (см. ниже). В Архитектурном музее Академии художеств, в альбомах архитектурных чертежей Строгановых, имеются его подписные чертежи: 1) План и фасады веильницы, 2) План и фасад молотильной машины, 3) План риги, 4) Фасад и план дворца Таганрогского (чертеж выполнен после 1825 г.); первые три помещены в альбоме: «Фасады и планы по малому дому и большому, ферме и другим заведениям в Марьино», последний — в альбоме: «Фасады и планы разных строений известных Е. С. гр. Строгановой».

КУЛЬЧЕНКОВ Василий Трофимович (1792—1832 г.), крепостной дворовый Протасовой.

16 ноября 1807 г. принят в Академию художеств «вольным пансионером»¹. В 1810 г. за архитектурные композиции получил серебряную медаль второго достоинства. В 1811 г. отмечен, как отличившийся по классу математики. В 1812 г. за архитектурные композиции получил серебряную медаль первого достоинства. В 1813 г. уволен из Академии без аттестата об окончании, как не освобожденный от крепостной зависимости. В 1817 г. Кульченков был отпущен на волю, а в 1818 г. получил аттестат 1-й степени об окончании Академии художеств.

В прошении о выдаче аттестата Василий Кульченков писал: «Поступя в Академию художеств в 1807 г. в число пансионеров, обучался в оной архитектурному художеству до 1813 г. и за оказываемые успехи был признан достойным получить серебряные медали второго и первого достоинства, а при увольнении из Академии снабжен был свидетельством о успехах и похвальном поведении. Аттестатом же, с которым по привилегии Академии художеств сопряжен офицерский чин, тогда не мог воспользоваться, потому что в то время был крепостным. Ныне же, по получении от помещицы своей отпускной вечно на волю и свидетельства в том, что уже по увольнении из Академии продолжал с успехом заниматься архитектурным художеством, и к удовольствию бывшей своей помещицы произвел в поместьях ее разные строения...» Дело Кульченкова послужило поводом для вынесения Советом Академии художеств принципиального решения о порядке выдачи аттестатов бывшим крепостным.

Литература: Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, т. I и II, СПб. 1864 и 1865; Кондаков С., СПб. Академия художеств, т. II, СПб. 1914.

КУРЗИН Борис, крепостной Шереметевых.

Архитекторский ученик. В 1804—1806 гг. работал под руководством крепостного архитектора Алексея Миронова на постройке шереметевского Странноприимного дома в Москве. В Кусковском музее имеются подписные чертежи Курзина: 1) Фасад и план церкви и колокольни, 2) План и фасад караульной избы, 3) План и фасад водовзводной башни, что на слободке, 4) План и фасад столярной и сарая, 5) План и фасад всей окружающей псарного двора. На всех этих чертежах, кроме первого, подпись Курзина стоит после подписи архитектора Буянова. В Останкинском музее хранятся два подписных чертежа Курзина: 1) План и фасады четырех домиков для духовенства, 2) генеральный план большому дому с принадлежащими к нему строениями. В альбоме Бизяева (см. выше), хранящемся в Останкинском музее, имеются два листа, вычерченные Курзиным.

Литература: Виноградов К., Останкино, М. 1929.

¹ Дело правления Академии художеств, 1807 г., № 1.

КУРЗИН Петр, крепостной Шереметевых.

Повидимому, брат Бориса Курзина. Упоминается в штате с. Кускова в 1786 г., как архитектурский ученик, с окладом в 4 рубля в год и пайком, составляющим одну треть пайка архитектора Алексея Миронова, у которого Курзин обучался.

Литература: Сивков В., Штат с. Кускова, М., 1927.

КУСТАРЕВ Афанасий, крепостной Шереметева.

В 1804 г. работал архитектурским учеником у крепостного архитектора Алексея Миронова на постройке шереметевского Странноприимного дома в Москве. В ленинградском Русском музее имеется подписанный Кустаревым и Алексеем Мироновым «План Московскому Конюшенному двору, что на Здвиженской улице (т. е. Воздвиженке. — С. Б.). Архитектор Алексей Миронов. Здание чертил Афанасий Кустарев».

ЛАВРЕНТЬЕВ Аника, крепостной Патриаршего дома, из Березковской слободы.

В 1694 г. работал вместе с Лукою Кондратьевым (см. выше) в Федоровском монастыре в Москве.

ЛОПЫРЕВ, Иосиф Тихонович, вольноотпущенный.

С 1802 по 1823 г. работал помощником архитектора первого класса в чертежной Кремлевской экспедиции от строений¹.

ЛУЦЕНКО Кирилл Алексеевич, крепостной Демидовых.

С 1837 по 1840 г. обучался у академика архитектора А. Мельникова. С 1840 г. работал в качестве архитектора на демидовских заводах в Пермской губ. В 1862 г. прислал в Академию художеств «свои чертежи и проекты, по которым производил строения, с просьбой, если возможно, удостоить его звания или выслать программу». Совет Академии «во внимании отдаленного места жительства и значительности произведенных им работ» удостоил Луценко звания свободного художника.

Литература: Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, т. III, СПб. 1866; Кондаков С., СПб. Академия художеств, т. II, СПб. 1914.

ЛЫКО Васько, холоп.

В 70-х годах XVII в. строил в Саввином Звенигородском монастыре дворцовые палаты и переходы к собору. «182 г. декабря в 1 день... отпущены из Савина монастыря к Москве каменных дел подмастерье Васько Лыко, да с ним каменщиков девять человек, которые были с Москвы в Савин монастырь посланы к церковному папертному и государевых хором каменному делу». В окончательный расчет за работу Лыко получил в Москве 3 рубля 24 алтына².

МЕЛЬНИКОВ, Степан Петрович, вольноотпущенный.

Работал в Москве в качестве архитектора с 1802 г. С 1811 по 1820 г. состоял помощником архитектора первого класса в чертежной Кремлевской экспедиции от строений³. Работал в усадьбе Юсупова Архангельском, где в 1817 г. по его проекту и под его общим наблюдением строились въездные ворота. По поводу сметы на эти ворота возникли разногласия между Мельниковым и крепостным архитектором Стрижаковым; Стрижаков в составленной им смете показал 85 000 кирпича и 300 бочек извести, тогда как Мельников назначил только 51 000 кирпича и 225 бочек извести, «каковая ошибка для архитектора Стрижакова непростительна», отмечено в распоряжении по конторе⁴.

¹ Списки Кремлевской экспедиции служащим, 1818, 1821, 1823 гг.; хранятся в музее-усадьбе Архангельское.

² Дела Тайного приказа, кн. 3; опубл. в «Русской исторической библиотеке», т. 23, стр. 1729, СПб. 1904.

³ Списки Кремлевской экспедиции служащим, 1818 и 1819 гг.; хранятся в музее-усадьбе Архангельское.

⁴ Централархив, дела по Архангельскому, 1817 г., № 1.

В том же году Юсупов «постройку бельведера (над большим домом) по рисунку Тюрина изволил отменить, а сделать оный по сделанному вновь рисунку архитектора Степана Петровича Мельникова, который больше тюринского в ширину 4 арш., в высоту 2 арш., стены и полуколонны обить листовым железом»¹.

Для наблюдения за производимыми по его проектам работами Мельников летом 1817 г. не раз приезжал в Архангельское, а 4 августа осматривал построенные въездные ворота и приказал сделать некоторые исправления². В 1818 г. Мельников работал над устройством зрительного зала и фойе в Архангельском театре, положив в основу проект Гонзаги³. В музее-усадьбе Архангельское сохранился подписанный Мельниковым чертёж: «Лестница во второй этаж», по этому проекту и сделана лестница.

Литература: Бессонов С., Подмосковная усадьба Архангельское, М. 1937. МЕЛЬНИКОВ Фома, крепостной Вяземских.

В Останкинском музее имеются его два чертежа: 1) План английского сада П. А. Вяземского в подмосковной его вотчине в с. Остафьево, вновь проектированного практикантом садов, арх. Фома Мельников, 1821 г., 2) План английского сада в с. Остафьево, прежний. В 1822 г. с натуры снимал практикант Фома Мельников.

МИРОНОВ Алексей Федорович (род. ок. 1745 — ум. ок. 1808), крепостной Шереметевых.

Сын повара. Обучался в Московском университете, после окончания преподавал в Кусковской школе арифметику. В качестве архитектора работал в с. Кускове; после смерти Федора Аргунова (см. выше) был главным архитектором при многократных перестройках кусковского театра, работал по постройке кусковского дома в 1782 г., участвовал в возведении многих сооружений в кусковском парке. Миронов работал по преимуществу над проектами, сметами, расчетами. В 1782 г. Миронову было поручено составление альбома Кускова. Сохранившиеся рисунки показывают, что Миронов для этого издания производил архитектурные обмеры имевшихся сооружений; зарисованы им и еще неосуществленные здания, по проектам. Рисунки его слишком каллиграфичны, краски грубоваты, листы заполнены излишними украшениями. В подготовленном к изданию альбоме Миронов, повидимому, хотел, хотя бы косвенно, отразить свое участие в работах по Кускову и на заглавном листе написал, что кусковские строения «изобретены разными славными архитекторами сторонними, а многие и домовыми Е. С. русскими», но Шереметев велел на гравированном альбоме отметить персонально только Федора Аргунова.

В Кусковском музее сохранились чертежи Миронова по Кускову: 1) Фасад галлерей на берегу пруда близ Голландского домика, 2) Фасад каскада, что на канале Кусковского пруда, 3) Фасад менажереи. В Останкинском музее также имеются чертежи Миронова по Кускову: 4) Фасад оранжереи в с. Кускове, 5) Фасад эрмитажа в саду с. Кускова, 6) План дому в с. Кускове, 7) План гроту в с. Кускове, 8) План церкви и колокольни в с. Кускове, 9) План менажереи, 10) План Итальянскому дому — нижний этаж, 11) План Итальянскому дому — верхний этаж, 12) План оранжереи, 13) План Голландскому дому, 14) План эрмитажу, 15) План бельведеру, 16) План мыльни, 17) План карусели, 18) План беседки в зверинце, 19) Псарный двор, 20) Театр. Кроме того, в Останкинском музее хранится чертёж Миронова «Специальный план загородному дворцу, называемому Черкасский огород» (1788 г.). В 1791 г. Миронов проектировал и отделывал театр в с. Маркове. В 1792 г. назначен главным архитектором по постройке Останкинского дворца; составил смету этой постройки в сумме 119 000 рублей. Под его руководством работали архитектор Григорий Дикишин и молодой Павел Аргунов.

¹ Центральная архивная комиссия, дела по Архангельскому, 1817 г., № 8.

² Там же, 1817 г., № 10.

³ Там же, 1818 г., № 1.

В «повелении» Шереметева от 13 февраля 1790 г. говорится: «Повелеваю ведение и смотрение иметь за театром, пристройкой хоромов, переносом беседки и надделкою... архитектору Миронову». В штате дворовых по с. Кускову Миронов занимал третье место, после «главного командира» и «садовника-иноземца». В 1786 г. он получал 25 рублей в год жалованья и 25 рублей на платье, а также «пак»: 3 четверти ржаной муки, $1\frac{1}{2}$ четверти гречневой крупы, $\frac{3}{8}$ четверти солоду, $\frac{1}{2}$ пуд соли, 12 пудов мяса, 4 пуда 31 фунт рыбы, 73 ведра «полпива»¹. Сам Шереметев в инструкции служителю Балагаеву указывает: «Какие случатся подряды или поденная работа, о том тебе иметь сношение с архитектором Мироновым и договоры делать обще... На строение выдачу (денег) делать по требованиям Миронова. В большой дом и прочие приезжающих гостей... отнюдь никого не впускать и... без сведения Миронова и Пряхина не допускать... Миронову советовать, чтоб быть прилежну и наблюдать свою должность с должным рачением»².

В 1792 г. Миронову, совместно с Григорием Дикушиным, было поручено руководство постройкой двух флигелей. В 1793 г. Шереметев проявлял недовольство Мироновым, и в конце года главным архитектором останкинских построек был назначен Павел Аргунов, а Миронов остался работать только в чертежной. В 1794 г. Миронов болел тифом, и во время болезни ему приходилось работать, а когда болезнь затянулась, Шереметев приказал проверить, болен ли он, «или в нем царствует старинная лень и упрямство». По выздоровлении, в 1795 г., Миронов совместно с Павлом Аргуновым работал в Петербурге над постройкой деревянной бани во дворце Фонтанного дома, затем снова возвратился в Останкино. В следующем году Миронов и Дикушин были сняты с архитектурской работы и откомандированы в контору для занятия письмоводством, но по их протесту это распоряжение было отменено. В 1797 г. Миронов вновь работал по отделке Останкинского дворца. По реестру за 1797 г. видно, что он получал 150 рублей в год жалованья и занимал следующее за Павлом Аргуновым место в дворовой иерархии, выше Дикушина. В 1789 г. Миронов и Дикушин наблюдали за исправлением фундамента в Останкинском дворце.

В Останкинском музее сохранились подписные чертежи Миронова, относящиеся к его работам в Останкинском дворце: 1) Профиль продольной концу театра к задней стене, с показанием разборной галлерей, 2) Продольный разрез конца театра с указанием разборной галлерей, 3) Профиль продольной потолку над партером в Останковском театре, 4) Чертеж окну, назначенному вновь переделать из венецианского окна в прежде бывшей ложе в Останковском театре, 5) Вид колоннам, находящимся в галлерей, что под партером Останковского театра: «А» — в точной мере как ныне есть, «В» — приводится в точную пропорцию по деланию Палладию и др., 6) План нижнего этажа флигеля, проектированного в Останково, 7) План верхнего этажа флигеля, проектированного в Останково, 8) Фасад переднего флигеля, проектированного в Останково, 9) Рисунок печам, назначенным делать в конце театра, оной переделать, 10) План увеселительного сада и дома с. Останкова, 1793 г., 11) План нижнего этажа (дома) с назначенной пристройкой со двора, 12) План нижнего этажа театра до переделки его в 1796 г., 13) План театра до переделки его, 14) Профиль кабинета, вновь пристроенного к Итальянскому павильону, 15) Рисунок двери в Итальянском павильоне, по Сполю, 16) Профиль Останковского зала, передней стене.

В 1798 г. Миронова постигла большая неприятность: управляющий Агапов обвинил его в продаже копий с хранившихся у него чертежей, в связи с чем Миронов был отстранен от заведывания чертежной. В дальнейшем его использовали только на случайные

¹ Сивков В., Штат села Кускова, М. 1927.

² Виноградов К., Останкино, М. 1929, стр. 94 и сл.

работы. Так, в 1799 г. он производил мелкие доделки в Останкинском дворце, в том же году, вместе с Павлом Аргуновым, работал под руководством Гваренги по ремонту Фонтанного дома в Петербурге. В 1800 г., когда Павел Аргунов назначен был «главным по всей строевой части», Миронову поручено было сообща с Аргуновым «рассматривать сметы и делать новые и иметь смотрение за надворными постройками».

7 февраля 1802 г. Миронов подал Шереметеву прошение об отпуске его на свободу: «Государю, Сиятельному графу Николаю Петровичу, от архитектора Алексея Миронова всепокорнейшее прошение. Жестокость моей болезни, которая известна уже и В. С., приводит меня в крайнее изнеможение, частые припадки расслабили все мои суставы. Они сделали меня совсем неспособным исправлять должность мою. 56 лет жизни моей хоша не есть совершенная старость, однако ж находясь 15 лет под свирепым игом злейших в болезни припадках, но точно лишился крепости в суставах. Но что необходимое всего, потерял и самое зрение, едва уже способствующее и с помощью стекол обозревать в одних крупных предметах. Сими-то стесненными обстоятельствами став принужденным обеспокоить В. С. сею моею просьбою, дерзаю произнестъ: Сиятельнейший граф. Премногомилостивейший государь. Воззрите милосердно на таковые мои крайние обстоятельства и благоволите изъявить великодушие Ваше, свойственное достоинствам Вашим, на человеке таком, который, если смеет напомнить, сколько-нибудь в протекшие дни жизни своей дому В. С. уже заслужил... Я, имея всегда в памяти усердие службы отца моего, также старался подражать ему и служил с возможною усердностью В. С. до тех пор, елико были мои силы. Ныне же, приходя в совершенное изнеможение, прошу всеуниженно В. С., премилосердного государя: покажите на мне Ваше снисхождение, благоволите отпустить меня на волю с подлежащим видом, дайте спокойно окончить остаток дней моих, устремленных на хвалу всевышнему и моление о вожделенном В. С. здравии». На просьбу архитектора Шереметев приказал через управляющего сказать, «чтоб он не тревожился о своей свободе, которую он, конечно, будет иметь в случае, если должен будет остаться после меня, но теперь желаю я и требую, чтобы он послужил мне и употребил себя на мою пользу, есть-ли нужна ему какая резонабельная прибавка в содержании, то я оную готов ему сделать»¹.

Вместо Алексея Миронова вольная была дана его сыну, также архитектору, Сергею Миронову (см. ниже), а старый архитектор в 1802 г. был отправлен в Ростов Великий для отделки церкви в Спасо-Яковлевском монастыре, построенной на средства Шереметева крепостным архитектором Душкиным (см. выше). В Ростове Миронов работал до 1804 г., занимаясь преимущественно отделкой внешнего убранства храма и показав себя на этой работе прекрасным и смелым декоратором. С 1804 г. Миронову была дана работа в чертежной на постройке шереметевского Странноприимного дома в Москве (ныне больница им. Склифасовского). Вместе с Мироновым там работали Григорий Дикушин, Головцев и Халдин, а также сын Миронова, Сергей. По рисунку Миронова в церкви Странноприимного дома были сделаны царские врата, но, по требованию Гваренги, который признал их «безобразными», врата были сняты из иконостаса. Из работ Миронова сохранилась решетка между Спасским флигелем и флигелем главного строения. В 1806 г. Миронова снова обвинили в различных упущениях, но Шереметев все же не освободил его от работы. Измученный Миронов заявил смотрителю: «Не хочу работать, не буду работать», за что Шереметев обязал его извиниться «за наглость». В 1807 г. Миронов снова просил у Шереметева свободы, в ответ на что граф приказал «вразумить его, что таким наглым и безумным образом от господина просить ничего не дозволено», но в то же время дал распоряжение: «покричать на него, но не наказывать

¹ Станюкович В. Л., Крепостные художники Шереметевых (Записки Историко-бытового отд. русского музея, т. I, Л. 1928).

телесно»; дело кончилось строгим выговором. Дальнейших сведений о многострадальной жизни Миронова нет. В завещании Н. П. Шереметева, составленном в 1809 г., имя Миронова не встречается; нет его имени и в списке дворовых, отпущенных на волю по случаю смерти барина. Надо полагать, что умер Миронов около 1809 г.

В ленинградском Русском музее имеется чертеж, подписанный Мироновым и архитекторским учеником Афанасием Кустаревым, озаглавленный «План Московскому конюшенному двору, что на Здвиженской улице»; это дает основание предположить участие Миронова в постройке дома Шереметева в Москве на Воздвиженке.

Литература: Виноградов К., Останкино, М. 1929; Станюкович В., Крепостные художники Шереметевых (Записки Историко-бытового отдела Русского музея, т. I, Л. 1928).

МИРОНОВ Сергей Алексеевич, вольноотпущенный Н. П. Шереметева.

Сын крепостного архитектора Алексея Миронова. Обучался архитектуре у своего отца и в Московском архитектурном училище, у архитектора М. Ф. Казакова. В 1802 г. получила свободу вместо просившего о том отца, которому в освобождении было отказано. За вольную для сына Сергея Алексей Миронов написал Шереметеву благодарственное письмо:

«Государю Сиятельному графу Николаю Петровичу. Получа вожделенную обязанность через дарованную от В. С. сыну моему вольность, я нахожу себя несколько виноватым, что до сих пор не мог принести достоюлжной благодарности, основанной на преданности к особе В. С. Но как причиною моя отлучка в Ростов, где я сколько мог усердствовал желанию моего покровителя, то оправдаюсь сею необходимостью, поспешая ныне изъявить через сие мою чувствительность, — всемогущий бог да продлит за праведное содействие драгоценное Ваше здорювье на многие лета...»¹.

Сергей Миронов работал одновременно с отцом на постройке московского Странноприимного дома Шереметева, где вместе с архитектором Джованни Джиллярди наблюдал за отделкой домовоы церкви.

Литература: Покровский А., Летопись церкви Живоначальные троицы, что в Странноприимном доме гр. Шереметева в Москве, М. 1897.

МИЧУРИН Иван, крепостной С. В. Строгановой.

Обучался архитектуре у профессора А. Н. Воронихина на дому. После смерти Воронихина, 4 мая 1814 г., принят «вольным пансионером» в Академию художеств с платой по 360 рублей в год². В 1816 г. за архитектурные композиции получил серебряную медаль второго достоинства.

Литература: Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, т. II, СПб. 1865.

МИХАЙЛОВ Савка, холоп.

В 1622—1623 гг. проектировал и строил деревянные укрепления в г. Калуге. По описанию Полуэктова (1687 г.), центральная часть г. Калуги, расположенная на крутом берегу р. Оки, была обнесена валом, имевшим в окружности 743,5 сажений (1982 м); на валу стояли рубленые из дерева стены, перемежающиеся 12 рублеными же башнями, в трех из которых были устроены проезжие ворота с дубовыми мостами. Стены сгорели в 1700 г. 19 ноября 1623 г. Михайлов «за Калужское городовое дело, что он Калужскому городу образец делал, и городовым делом промышлял, и над плотниками смотрел», был пожалован сукном.

Литература: Преображенский Т., Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губ., СПб. 1891 г.; Де-Рошфор, Опись памятников Калужской

¹ Станюкович В., Крепостные художники Шереметевых (Записки Историко-бытового отд. Русского музея, т. I, Л. 1928).

² Дело правления Академии художеств, 1814 г., № 2.

губ. (Записки отделения русской и славянской археологии Р. А. О., т. III, СПб. 1882; Ворони Н., Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв., Л. 1934.

МИХАЙЛОВЫ Емельян и Леонтий, крепостные стольника И. А. Вольнского, крестьяне дер. Тугариновой Костромского у.

В 1694 г. вместе с Филиппом Папугой (см. ниже) взяли подряд от Бухвостова на постройку надвратной церкви в Новоисусалимском монастыре под Москвой.

МИШЕНИН Федор, крепостной Г. Строганова.

В 1815 г. принят «вольным пансионером» в Академию художеств с платой по 360 рублей в год¹.

МЯКИШЕВ Дорофей Минеев, крепостной стольника В. И. Львова.

10 октября 1700 г. заключил договор с казначеем Астраханского митрополичьего дома: «Нанялся я, Дорофей, быть у строения Астраханския соборные церкви в подмастерьях, по коих мест та соборная церковь со всем строением совершится. Рядил я, Дорофей, у него, казначая, 100 рублей..., и будучи мне, Дорофею, у того каменного дела, над мастерами каменными смотреть, чтоб делали добрым мастерством, и к той церкви какая погодится теска из камня или из кирпичу, и мне, Дорофею, вырезав на лубках, мастерам выдавать, и во всем у той церкви каменном деле ево, казначая, слушать и, недоверша тоя соборная церкви совсем в отделку, из Астрахани куда не съехать»². Собор строился 12 лет, так как в 1702 г., вследствие неправильной кладки, обрушились своды, а в 1709 г. при пожаре обгорели главы.

Великолепный Астраханский собор, двухэтажный, пятиглавый, отличается большой высотой (около 80 м), к тому же стоит на возвышенности и поэтому виден с Волги километров за 30 не доезжая Астрахани. Нижний этаж собора охвачен с трех сторон, кроме восточной, аркадами, на которых во втором этаже устроено гульбище. Второй этаж — двухсветный. Абсиды собора — пятигранные. Из белокаменных украшений интересны колонны с коринфскими капителями, барочные наличники окон, дверей и очертания фриза.

Литература: Су слов, Памятники древнерусского искусства, вып. 4, СПб. 1912. НАУМОВ Владимир, крепостной А. А. Голицыной.

28 июня 1813 г. принят «вольным пансионером» в Академию художеств. До поступления в Академию уже «упражнялся два года в гражданской архитектуре»³.

НЕКРАСОВ Григорий, крепостной Воронцова, а с 1793 г.— Бутурлина, крестьянин с. Белкино Боровского у. Калужской губ.

М. Д. Бутурлин в своих «Записках»⁴ говорит: «Один молодой дворовый, Григорий Некрасов, высказывавший особенную склонность к архитектуре, был отдан в ученье по этой части к какому-то известному тогда зодчему, и он настолько преуспел, что под его ведением строились в Белкине все домики для гостей и прочие постройки...». В 1815 г. в Белкине «с начала лета... приступлено было к постройке большого, деревянного, двухэтажного дома с двумя при нем оранжереями в виде крыльев. План был начертан нашей матерью, а постройка производилась под надзором крепостного нашего архитектора Григория Некрасова. Талантливая во многом, наша мать не гналась за симметриею в архитектуре, а за удобством для жилья, и потому к этому зимнему дому пристроен был с одной стороны длинный одноэтажный корпус, разделенный стеною во всю его длину. Правая из этих двух отделений составляла большой зал (кабинет и библиотека хозяина), а вторая часть этого же корпуса, параллельная с первой, называлась «мастерской» и делилась на три комнаты: детская, токарня, столярня...». Так как Белкинская церковь была

¹ Дело правления Академии художеств, 1815 г., № 4.

² Ни к а н о р, Астраханский кафедральный собор, Казань, 1899.

³ Дело правления Академии художеств, 1813 г., № 6.

⁴ «Русский архив», 1897 г., кн. 3.

без печей, то еще летом 1815 г., одновременно с постройкой зимнего деревянного дома, приступлено было к пристройке теплого каменного придела к церкви, а освящение его состоялось в самом начале зимы.

НИКИТИН А., крепостной Строгановых.

В 1815—1819 гг. работал вместе с крепостным архитектором Колодиным в с. Марьино Новгородской губ. В альбоме «Фасады и планы по малому дому и большому, ферме и другим заведениям в Марьине», хранящемся в архитектурном музее Академии художеств, имеются подписные чертежи Никитина: 1—3) Планы загородного дому с. Марьино, 4) Генеральный план усадьбы, 5) План риги, 6) Плотины, 7) Мост, 8) Грунтовый сарай.

К. Трубников¹ преувеличивает роль Никитина в деле проектирования и сооружения главных зданий Марьино. Названный выше альбом, в котором наряду с чертежами Никитина имеются и чертежи Колодина, показывает, что главные здания в Марьине проектировал последний, а Никитин работал только как планировщик и самостоятельно выполнял лишь второстепенные работы.

НИКОЛАЕВ Гаврила, крепостной Шереметева.

Архитекторский ученик конца XVIII в. В Останкинском музее сохранились его подписные чертежи: 1) Фасад передний всего главного строения, 2) Профиль павильону поперечная, в котором зделан зал для банкетов, или большая столовая (подпись под чертежом: «Оную профиль с подлинной копировал ученик Гаврила Николаев»).

Литература: Виноградов К., Останкино, М. 1929.

ОКОНИШНИКОВ В., крепостной Шереметева.

Архитекторский ученик. Работал в Кускове и Останкине во второй половине XVIII в. В Кусковском музее имеются чертежи, подписанные Окопишниковым: 1) Фасад театру в Кускове, 2) Профиль и план персиково-ранжевой, виноградной и ананасной оранжереи, 3) План и фасад Итальянскому домику, 4) Профиль и план абрикосовой оранжереи, 5) Фасад и план гроту, 6) План и фасад эрмитажа, 7) Беседки в Гаях, 8) Храм любви и беседка, 9) План нижнего этажа главного корпуса, 10) Фасад и план кухонному флигелю, 11) Вновь отремонтированный флигель управляющему. На первых трех чертежах выше подписи Окопишникова стоит подпись архитектора Орденова, на чертежах 4—10 — подпись архитектора Кузьмы Буянова, последний чертеж подписан одним Окопишниковым.

В Останкинском музее имеются чертежи, подписанные Окопишниковым: 1) План вновь проектированной школы в с. Останкове, 2) Фасад и план вновь проектированной школы в с. Останкове, 3) Фасад театру в Кускове, 4) Фасад и план садовому флигелю по старому расположению, 5) План вновь выстроенному сараю и садовому флигелю, 6) Фасад и план вновь выстроенному погребу, что в саду в Останкове. На первых двух чертежах до подписи Окопишникова стоит подпись архитектора Истрова. В Архитектурном музее Всесоюзной академии архитектуры имеется подписной чертеж Окопишникова: «Фасад дома гр. Разумовского на Воздвиженке в г. Москве».

ОСИПОВ Василий, крепостной Ерофеева, крестьянин с. Покровского Мологского у.

В 1785 г. принят в архитектурный класс Академии художеств. 6 марта 1800 г. выпущен с аттестатом 1-й степени.

Литература: Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, т. I, СПб. 1864.

ПАПУГА Филипп Иванов, крепостной стольника И. А. Вольнского, крестьянин дер. Тугариновой Костромского у.

¹ Трубников К., Кн. Голицына в Городне и Марьине («Старые годы», 1910 г., июль — сентябрь).

В 1694 г., вместе с Емельяном и Леонтием Михайловыми, получил от крепостного архитектора и подрядчика Бухвостова (см. выше) подряд на постройку надвратной церкви в Новоиерусалимском монастыре, под Москвой. Подрядная запись гласит: «Се аз, стольника Ив. Ал. Волинского, вотчины его Костромского уезда, дер. Тугариновы, крестьянин Филипп Иванов сын Папуга, да Емельян Михайлов, да Леонтий Михайлов, все мы, подрядчики и каменщики, в нынешнем 202 году, марта в 13 день, дали мы себе запись боярина М. И. Татищева, вотчины его Дмитровского уезду, Берендеевского стану, с. Никольского крестьянину, каменных дел подрядчику Якову Григорьеву сыну Бухвостову в том, что подрядились мы, Филипп с товарищи, у него, Якова, сделать по ево подряду в Воскресенском монастыре, на святых вратах, церковь крестообразну во имя Входа во Иерусалим, и к той церкви сделать два схода мерою по 2 аршина меж перил, а рундуки противно размеру с балясы по указу, а круг церкви и алтаря со всех четырех сторон сделать вход с балясы, и выслать кирпичем, или чем укажут, и с монастыря прибить столбы, на чем быть церковной округе, а с балясов и с полу сделать стеною по главы на все балясы, алтарь и трапезу на правой и левой сторонах сделать в ровенстве, высоту поднять от полу до замка три сажени, и над ними свести своды, и сверх алтаря и трапезы обложить осмерик и поднять до замка полчетыре сажени, и над тем осмериком свести свод и сделать вход с балясы по указу, и сверх своду, отступя внутрь на три чети аршина, поднять четверик полчетыре сажени и сделать ход с балясы по указу, а над тем осмериком сделать тощая шея, отступя с наличья пол аршина, и обложить осмерик, и тот осмерик поднять в высоту три сажени, сделать ход с балясы по указу, да сверх того осмерика обложить шея в высоту против размеру и указу, и свод свести, и над тем сводом сделать главы каменные нам же, Филиппу с товарищи, по указу. А того всего дела быть растескам у дверей и окон гладким отставным столбом столярной работы, кирпичным или по указу каменным, капителям, и караштынам, и шпендерам каменным или кирпичным, и у той церкви в стороне, где приведется, сделать палатка каменная мне ж, Филиппу с товарищи. А то все церковное дело против сей записи сделать нам, Филиппу с товарищи, с своими каменщиками и работниками самым добрым мастерством. А рядили мы, Филипп с товарищи, от того церковного дела 300 рублей денег, да запасу 30 четей муки ржаной, 10 четей сухарей, 3 чети круп овсяных, 5 четей солоду, 2 чети гороху, 20 пуд мяса, свинова, 3 пуда семги. А наперед взял я, Филипп с товарищи, тех подрядных денег 10 рублей, а запасу иметь по делу смотря. А делать нам, подрядчиком, то церковное строение с своими каменщиками и работниками два года из готовых всяких припасов. А будет мы, подрядчики, тово церковного вышписанного дела против сей записи не сделаем, и чем то дело остановим, или к иному делу прочь отойдем, или против, сей записи в чем не устоим, как о том писано в сей записи, выше сего, и ему. Якову, взять на нас, Филиппе с товарищи, по сей записи за неустойку 600 рублей. А если за какими припасы тому церковному строению учинится какая остановка, и нам, подрядчиком и каменщиком, от тово учинится прогульные дни, и на нем, Якове, взять нам, подрядчиком и каменщиком, на всякого мастера, за всякий прогульный день по гривне на всякого человека»¹.

ПАРФЕНОВ Иван, крепостной стольника Ф. И. Кузьмина, крестьянин дер. Ермолицыны, с. Путятина, Ярославского у.

В 1690 г. подрядился вместе с Яковом Бухвостовым (см. выше) и другими мастерами строить каменные кельи в Моисеевском монастыре, что на Тверской улице в Москве. В 1693 г. подрядился с Бухвостовым и другими строить собор в г. Рязани.

ПЕРФИЛЬЕВ Андришка, крепостной Патриаршего дома, крестьянин дер. Окатовой, с. Вятского, Костромского у.

¹ Леонид, Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря, М. 1876.

Каменных дел подмастерье. В 1699 г. вел строительные работы на патриаршем дворе в Москве. «Круг церкви двенадцати апостол (в Кремле), что в доме св. патриарха, с трех сторон с земли до церковных сводов и закомаров, подвязал подвязи... И из церкви посторонь церковных свод сделал вновь под пайку шанцы, как пристойно... Да старую лестницу, которую сходят в столовую палату, переделал вновь, да он же, Андрюшка, под церковню трех святителей зделал кирпичем старые ворота и подделал под своды столб каменной ж, от того всего дела ему, Андрюшке с товарищи, по договору 26 рублей»¹.

ПЕТРОВ Петр Абрамович, крепостной Самарина.

В 1823—1828 гг. обучался архитектуре у архитектора Е. Д. Тюрина в Москве. По отзыву крепостного архитектора П. И. Гусева, «обладал небольшими сведениями в архитектуре».

Литература: «Жизнеописание П. И. Гусева, им самим составленное» (Щукинский сборник, вып. 2, М. 1903).

ПЕТРОВ Сенька, холоп.

Плотничий староста. В 1667—1668 гг. вместе со стрельцом Ивашкой Михайловым руководил постройкой деревянного царского дворца в с. Коломенском².

ПЕЧЕНКИН, крепостной Строгановых.

Работал на Урале, в с. Ильинском, состоя помощником у крепостного архитектора Тунева. В 1862 г. за пьянство был уволен Строгановым с архитектурской работы³.

ПЛЮСНИН Иван Яковлевич, крепостной Строгановых.

Работал архитектором на Урале. В 1839 г. построил каменную колокольню в с. Ильинском, в Прикамье⁴.

ПОЛЯКОВ Алексей (род. в 1816 г.), сын вольноотпущенного из крепостных Д. В. Васильчикова, крестьянин Псковской губ.

За проект «богатой фермы» Академия художеств в 1837 г. присвоила Полякову звание «неклассного художника архитектуры». С октября 1837 г. Поляков работал помощником архитектора в гофинтендантской конторе в Петербурге, с жалованьем 600 рублей в год. Работал под руководством архитекторов Кузьмина и Кокорева. Чертил фасад дома для придворного духовенства. Проектировал иллюминацию в Петергофе.

Литература: Собко, Словарь русских художников, т. III, вып. 1, СПб. 1899; Кондаков С., СПб. Академия художеств, т. II, СПб. 1914.

ПОЛЯКОВ Д., крепостной И. И. Барышникова.

Вместе с крепостным архитектором Ждановым (см. выше) строил в первой половине XIX в. усадьбу Барышникова в с. Алексино Доргобужского у. Смоленской губ.

ПОНОМАРЕВ Иван, крепостной Шереметева.

Архитекторский ученик начала XIX в. В Останкинском музее имеется план школы, подписанный вольным архитектором Истровым и Пономаревым.

ПОТАПОВ Петрушка, холоп.

В 1696—1699 гг. строил на средства купца Серякова Успенскую церковь в Москве (на Маросейке). Каменорезная надпись, заложенная в стену у входа во второй этаж здания (ныне хранящаяся в Архитектурном музее Всесоюзной академии архитектуры), свидетельствует: «Лета 7204 октября 25 дня дело рук человеческих, делом именем Петрушка Потапов». Судя по местонахождению надписи (в этом месте всегда делались в храмах ктиторские надписи), следует считать неправильным мнение некоторых исследова-

¹ Забелин И., Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы, т. I, 1884, стр. 248.

² Забелин И., Домашний быт русских царей, т. I, стр. 446, М. 1895.

³ Сообщение директора Пермской художественной галереи Н. Н. Серебрянникова.

⁴ Сообщение директора Пермской художественной галереи Н. Н. Серебрянникова.

телей, что эта надпись говорит не о строителе, а о резчике. Некоторые материалы о личности Потапова имелись в начале настоящего столетия у проф. Ф. Ф. Горностаева (где они находятся теперь — неизвестно). По сведениям Горностаева, Потапов бывал на богомолье в Киеве.

ПОТЕХИН Павел Сидоров, крепостной боярина М. Я. Черкасского, крестьянин с. Кадниц Нижегородского у.

С 1688 г. строил в с. Ворсме Нижегородской губ. «монастырь на «острову»: церкви, колокольню, трапезную, кельи, башни, стены и ворота. Сохранилась его подрядная запись: «У боярина кн. М. Я. Черкасского, вотчины его Нижегородского уезда, с. Кадниц, крестьянин его Павел Сидоров, сын Потехин, в нынешнем во 196 году августа в 29 день дал сию на себя запись... в том, что подрядился я, Павел, у него боярина... сделать в вотчине его, в Нижегородском уезде, в с. Ворсме, на острове в монастыре каменное дело. Роспись строению: Соборной церкви быть на подклетах. Ров и выбутка в ширину на 2 аршина, а на образе стены в $1\frac{1}{2}$ арш., а с низких мест от берегу с быками во всех строениях, иль как в пристойность. В стенах, опричь алтарей, длина пол-осмы сажени, ширина пол-шесты сажени, вышина до свода от полу шесть сажени, а до порогу от земли сажень с третью на исподних жильях, а в исподних жильях своды. Простенки толщиной в 2 кирпича, а исподняя жилья сделать на четырех жильях, кроме подолтарных, а под алтарными простенками, у подклетов, с особыми входы и окошки. И оприче простенков и вход и окошко сделать особо. А двери и окошки в исподняя жилья по пристойности. Церковь в довершке по соборному, и на церкви прикраска и окошки, и меж окошек столбики и двери и рундуки, как у Воскресенской решетки в Кадашеве церковь, в пример пятиглавой утвердить, чтоб отнюдь течи не было. Олтарь с стрелками тройными, меж их столбы круглые, меж столбов окошко, как у собора. Олтарь длина 3 сажени, вышину сделать в размере применясь по уступам, уступы делать к царским дверям тройные, с последнего уступа оставить к царским дверям и к местным иконам для проходов ширины сажень, а в олтаре в самых царских дверях, в пороге и во весь олтарь перед церковным уступом приподняться противу одного уступа. Амбон сделать на первых трех ступенях и церковь с выпуском осмигранной, как у Воскресенской решетки в Кадашеве. Игуменское место и крылосы с прикрасою и осмигранством по подобию на тех же степенях, как сделано в той же церкви у Воскресенской решетки в Кадашеве. Царская двери северныя и южныя поднять в размер ступени. Подъемный олтарь совершить против соборного, что на Москве: царския двери в ширину сажень, северныя ширина полтора аршина, южныя в аршин. Вышиною царския двери в 4 аршина, северныя и южныя в сажень. Игуменское место с крылосом полторы сажени ширина, а длина по мере. Другой крылос в сажень. В церковь трои двери с рундуками такими, каковы в Кадашеве у Воскресенской решетки, в длину полчетыре сажени, в ширину по две сажени. К тем же рундукам из алтарей стены провести настоящия, а меж настоящим от северных и южных до церковной стены сделать простенки с дверьми для кладей церковных утварей, будет в простой с малыми окошками, наискось с решетки, рундуки во всем так, как у Воскресенской решетки в Кадашеве. Двери так же, как в большом соборе—передняя и боковыя, или в церкви у Воскресенской же решетки в Кадашеве. Соборной церкви место назнаменать, а в лете нынешнем не делать. А поспешить церковь ту с трапезою и переднею статьей с кельи и с ворота. Например: св. ворота двойныя, ширина и с стенами 4 сажени, на подобие как у Воскресенского подворья, длина и с столбами 5 сажень, со входом в церковь и на колокольницу и к часам на гири. И на воротах церковь вышиною от полу до замка полтретьи сажени, стеною и окошками вытти с уступом ходовым, олтарь выпускной, около церкви ходы, особ церкви с спусками в ширину и стеною по сажени, поднять с столбиками, как у Троицы на рву, своды для кровлей. На церкви колокольница с часами по мере чтоб была в красном подъеме осмериком, из ходов вытти, окошко

в колокольнице и шатер и слухи, так, как у Троицы на рву. Около колокольницы ходы с такими спусками, как выше сего около церкви написано. Двери и окошки как в пристой и в красной размер. Да в ряд с вороты в одних стенах с приходу направо сделать 2 кельи с сенями и с входы особыми в длину 9 сажень, в ширину 4 сажени, с особыми рундуками или как в пристой. На левую сторону до повороту келий и сеней тож число и мерою. Да на повороте трапеца в длину 4 сажени, поперек трех сажень, из трапецы вход в церковь. А церковь длиною и шириною четырех сажень, от полу до замка 3 сажени, алтарь выпуклой 2 сажени, дверей и окошек, что в пристой, окошки у келий и у трапезы косяччатые, вышина по 2 аршина, ширина по аршину с четыю, да верх со изымзом, стены церковные в 3 кирпича, келейные в аршин или как тверже. Келии вышиною до своду от полу по 4 аршина, вершить на шипцах и со сторон кровля епанчею и под кровлями столбы, а на углах тройные завороты. Меж столбов по аршину места оставлять будет в пристой и трубам печным, и печи и трубы поделатъ, и мосты кирпичем вымостить, сени под кровлю совершить так, как на Печатном дворе, или так, что у Земского приказа, да от передних ворот наискось сделать ограды до воды по 5 сажень или что места будет с заворотом. Завороты на сажень с малыми вороты. Вышина ограде до верха 5 аршин, ширина в аршин с четвертью, а верх ограде особым образом, как надлежит. А позадь церкви и с другой стороны келий от задних стен провести. Ограды в длинник и поперечник почему не придет чтоб и с строениям был поперечник в 40 сажень или как в пристой, и смотря на месту, что места будет, а чтоб места не осталось же. И вышениписанные образцы все смотрел подмастерье Пашка Потехин». Дополнительно к записи прибавлено: «На углах круглыя башенки с шатриками небольшими. Да позадь монастыря против алтарей сделать задния ворота в той же ограде с главою по пристойности, и сделать то все каменное дело на отделку в два лета, или в три, смотря по товару. А рядился я, Павел, от того всего каменного дела 430 рублей, да запасу муки ржаной 124 пуда...» и т. д. Потехин был неграмотен, и за него на договоре расписался другой¹.

Литература: Суслова, Памятники древнерусского искусства, вып. 1, СПб, 1908.

ПРОСТАКОВ Тимофей Григорьевич (1748—1853 гг.), крепостной Римского-Корсакова.

Архитектор-самоучка, в преклонном возрасте получивший свободу. В 1838 г. Академия художеств «во внимание к хорошим познаниям по части художеств» присвоила ему звание «неклассного художника архитектуры»². О Простакове имеется исключительно интересный отзыв известного архитектора Витберга: «В 1819 г. узнал я об одном старике Проссове³, который посвятил себя практической архитектуре, занимался ею весьма успешно и имел большие практические сведения не токмо собственно по архитектуре, но и по инженерной и гидравлической части. Такой человек, в качестве каменного мастера, был нам (при проектировании храма Христа спасителя в Москве.— С Б.) чрезвычайно полезен. Но к несчастью Проссанов принадлежал генерал-майору Римскому-Корсакову. Лет 20 употреблял Проссанов все старания, чтоб выйти на волю, но господин его оставался нечувствителен к его просьбе, ни к просьбе многих знатных особ, принимавших усерднейшее участие в человеке, одаренном прекрасными талантами, которые не могли развиться, не могли им быть приспособлены вполне от несчастного состояния, в котором он родился. Видя сильное его желание и уверенный в пользе приобретения такого человека, я просил князя А. Н. Голицына, чтоб он довел это обстоятельство до

¹ Макарий, Памятники церковных древностей Нижегородской губернии, СПб. 1857, стр. 448—454.

² Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, т. II, СПб, 1865.

³ Ошибка Витберга; в дальнейшем Витберг делает другую ошибку и называет Простакова Проссановым.

сведения его императорского величества, и что не угодно ли будет государю изъявить Корсакову желание освободить Проссанова. Так и случилось. Но Корсаков остался тверд, и даже голос государя не мог его подвинуть сделать доброе дело. Он решился отказаться от отпуска на волю Проссанова не из видов корысти, а из гордости, что этот человек с талантами — его собственность. Вот характеристические черты русской аристократии того времени»¹.

Сообщение Витберга дополняет внук жены Простакова, врач Костарев, который исправляет ошибку Витберга в обозначении фамилии Простакова. По словам Костарева, Простаков «был освобожден восьмидесятилетним стариком. На желание царя освободить, фаворит бывшей царицы отвечал, что государь может сделать все, что ему угодно, но собственного согласия своего на освобождение этого человека он не даст до своей смерти». Голицын, Апраксин, Остерман и другие баре «любили Т. Г. и часто нуждались в его знаниях по строительной части, пользовались его услугами, прося каждый раз разрешения на то его господина», что очень льстило Корсакову.

Простаков отличался необыкновенной деятельностью, с любовью занимался архитектурой и весь отдавался любимому делу, насколько это позволяло его положение крепостного. Умер Простаков в своем доме, в Москве на Сущевке, 15 сентября 1853 г. Похоронен на Ваганьковском кладбище; на могиле его поставлен памятник.

Литература: «Русская старина», 1873 г., т. VII, стр. 580—582; С об к о, Словарь русских художников, т. III, вып. 1, СПб. 1899; К он д а к о в С., СПб. Академия художеств, т. II, СПб. 1914.

ПРОХАЕВ Александр, вольноотпущенный из крепостных Шереметева.

Состоял вольноприходящим учеником Академии художеств, в 1825 г. получил за архитектурную композицию серебряную медаль второго достоинства. В 1836 г. за проект театра получил звание «неклассного художника». В боковом приделе Останкинской церкви в 1833 г. был выполнен по проекту Прохаева резной иконостас в стиле ампир; царские двери его хранятся в Останкинском музее². По сообщению А. Н. Греча, в Тульском краеведческом музее имеется ряд подписных чертежей Прохаева.

Литература: К он д а к о в С., история СПб. Академии художеств, т. II, СПб. 1914; П е т р о в П., Материалы для истории СПб. Академии художеств, т. II, СПб. 1865; С об к о, Словарь русских художников, т. III, вып. 1. СПб. 1899.

ПУСТОВОЙТОВ Аким Алексеевич, крепостной И. А. Безбородко.

5 марта 1810 г. принят в Академию художеств; до этого «уже учился математике и архитектуре»³. В 1811 г., будучи воспитанником 4-го возраста, «отличился по классу геометрии, механики, лонгометрии, планометрии и по вычислению площадей, прилагая к архитектуре».

В 1812 г. за архитектурные композиции получил серебряную медаль второго достоинства, в 1813 г. серебряную медаль первого достоинства. В 1816 г. отпущен на волю. В 1817 г. окончил Академию с аттестатом 1-й степени.

Литература: П е т р о в П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, т. II, СПб. 1865; К он д а к о в С., СПб. Академия художеств, т. II, СПб. 1914.

РАБУТОВСКИЙ Лев Григорьевич, крепостной Н. Б. Юсупова.

Архитекторский ученик. В десятых годах XIX в. обучался в Архангельском архитектуре у крепостного архитектора В. Я. Стрижакова, а рисованию — в школе для обучения крепостных детей живописи, преимущественно по фарфору, организованной здесь Юсуповым. В музее Архангельского сохранились подписные чертежи Рабутовского:

¹ Записки Витберга («Русская старина», 1872 г., кн. 2, стр. 577).

² Дело Останкинской усадьбы, 1833 г., № 15.

³ Дело правления Академии художеств, 1810 г., № 1.

1) План и фасад ворот с башнями в с. Архангельском (перед церковью), 2) План и фасад молотильной машины в с. Архангельском, 3) План и фасад фарфорового завода в с. Архангельском. Чертежи эти помещены в книге «Планы и чертежи по Архангельскому имению кн. Юсуповых». Чертеж № 3 воспроизведен в книге С. Безсонова, Подмосковная усадьба Архангельское. М. 1937

В 20-х годах XIX в. работал архитекторским помощником в с. Ракитная Курской губ., где находилось управление многочисленными имениями кн. Юсупова, разбросанными в Курской, Полтавской, Харьковской и Воронежской губ. В 1832 г. был назначен экономом, «потому что его (Юсупова) экономия нуждается не в колоннадах и симметриях, а в деятельных и хороших экономах».

Литература: Насонов А., Из истории крепостной вотчины XIX в. в России («Известия Академии наук», 1926 г., № 7—8, стр. 513).

САДОВНИКОВ Петр Семенович (1796—1877), крепостной Н. П. Голицыной.

Мальчиком обучался архитектуре на дому у профессора А. Н. Воронихина до самой смерти последнего. 4 мая 1814 г. был принят «вольным пансионером» в Академию художеств, с платой 360 рублей в год¹. В 1816 г. за архитектурные композиции получил серебряную медаль второго достоинства. В 1817 г., как не освобожденный Голицыной от крепостной зависимости, вынужден был оставить Академию и до 1838 г. служил сборщиком податей в Выборгской губ. Только 28 декабря 1838 г. Совет Академии художеств присвоил Садовникову звание свободного художника. В 1849 г. «за искусство и познания в искусстве, доказанные произведенными по программе работами» (проект пригородного дома), Садовников получил звание академика архитектуры.

Еще будучи крепостным, Садовников много строил в имениях своих хозяев: в Калужской губ. — 16 каменных зданий, в том числе церковь и колокольню в Городне, и 13 деревянных зданий в Новгородской губ., в имениях дочери Голицыной, по мужу Строгановой, — 7 каменных и 8 деревянных зданий. Под Петербургом строил для Строгановой на мызе Мандуровой, а также в Стрельне и на даче Бегичева. В 1851 г. построил господские дома «в русском вкусе» в с. Фоминки Владимирской губ., и в с. Ольгине Смоленской губ. В первой половине 50-х годов XIX в. проектировал оранжерейный зал и фонтан в доме Орлова в Стрельне, а также каменные конюшни в Петербурге (на Моховой ул.) для того же Орлова. Проектировал службы в имении Апраксина в Орловской губ., дом Нордстрема в Выборге, дом Буяльского в Петербурге, пятиглавую, в ложно-византийском (тоновском) стиле, церковь для с. Растригина; строил дачу П. Н. Яковлева и по проекту Тона — железнодорожную станцию в Царском селе (ныне г. Пушкин). В 1853—1854 гг. проектировал пятиглавую Воскресенскую церковь в г. Казани и деревянный дом купца Машкова в Стрельне.

В 1855 г. работал с архитектором Штакеншнейдером на постройке дворца вел. князя Николая Николаевича в Петербурге, на Знаменке; составлял здесь смету и «кондиции». Будучи назначен архитектором главной придворной конюшенной конторы, Садовников много проектировал для построек в Петербурге, Петергофе и Царском селе, строил конюшни и казармы (часто в стиле ложной готики). Так, в 1859 г. строил в Петербурге «арсенал для богатых экипажей», в стиле Людовика XV, и составлял проект перестройки конного лазарета на Фуражном дворе. С 1859 по 1871 г. составлял проект и сметы на постройку дома Борятинского в Петербурге, на Миллионной ул., перестраивал дом Борятинского на Сергиевской ул. и дачу в Царском селе². В 1872 г. вышел в отставку. В Петергофском музее имеется альбом его чертежей. Сын Садовникова, Дмитрий, также был архитектором.

¹ Дело правления Академии художеств, 1814 г., № 2.

² Бумаги С о б к о в рукописном отд. Ленинградской публичной библиотеки.

Литература: Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, тт. II и III, СПб. 1865; Кондаков С., СПб. Академия художеств, т. II, СПб. 1914.

САЛОМАТОВ, крепостной Строгановых.

Архитекторский ученик, работал на Урале в 50-х годах XIX в. В 1860 г. «за усердие к службе» Строганов назначил Саломатову жалование 150 рублей серебром в год¹.

САПОЖНИКОВ Александр, крепостной Брянчикова.

В 1918—1919 гг. в б. имении Брянчикова Покровское, под Вологодой, найдены чертежи прекрасного по стилю и композиции дома этой усадьбы, относящиеся к началу XIX в.; некоторые из найденных чертежей подписаны Сапожниковым, другие — неподписанные, но исполненные в той же манере. Благодаря этому установлено имя строителя усадебного дома в Покровском. Подписные чертежи Сапожникова, относящиеся к Покровскому, находятся в Вологодском музее: 1) окно с замком в виде женской головки — 28 ноября 1810 г., 2) тени окна — 10 декабря 1810 г., 3) ионийский антаблемент.

Литература: Евдокимов С., Север в истории русского искусства, Вологда 1920, стр. 56—66; Лукомский Г., Вологда в ее старине, СПб. 1914.

СВЯЗЕВ Иван Иванович (1797—1875), крепостной В. А. Шаховской, урожденной Строгановой.

29 апреля 1815 г. принят «вольным пансионером» в Академию художеств, с оплатой 360 руб. в год². В 1817 г. за проект «почтовый двор» получил серебряную медаль второго достоинства. В 1818 г., ввиду отказа Шаховской отпустить его на свободу, вынужден был оставить Академию художеств и поступил на Петергофскую бумажную фабрику. В 1821 г., получив свободу, подал в Академию художеств прошение о присвоении ему звания архитектора. В прошении Связев указывал, что по выходе из Академии он «старается приобретенные им теоретические познания употребить в практику... По сочиненным им рисункам он производил строения при императорской бумажной фабрике в Петергофе, которые, равно как и снятые им с машин сей фабрики рисунки, представляет при сем». За эти работы Академия дала Связеву звание свободного художника архитектуры.

В 1822 г. Связев получил место архитектора Горного правления в Перми, где и работал до 1832 г. Для горнозаводского строительства Связев сделал очень много: составил ряд проектов заводов и производил сам много построек на Урале. Между прочим, на Камско-Воткинском заводе Связевым поставлены сложные железные стропила. В Перми Связев построил великолепный дом для подрядчика Крылова. В 1832 г. перевелся в Петербург, в Горный институт, архитектором и преподавателем горнозаводской архитектуры. В 1839 г. работал старшим архитектором в Москве, на постройке храма Христа спасителя, которой руководил архитектор Тон. В Москве жил до 1846 г.; помимо работы на постройке храма, переоборудовал внутри Пашков дом (ныне Ленинская библиотека), приспособив его под дворянский институт³. С 1846 г. жил в Петербурге, где состоял непременным членом строительной и технической комиссии департамента сельского хозяйства министерства гос. имуществ. В то же время читал лекции в Горном институте и в Александровском лицее. Построил здание магнитной обсерватории около Горного института. В 1839 г. был избран почетным вольным общником Академии художеств.

Связев оставил много печатных трудов. В 1819 г. поместил в журнале «Сын отечества» статью «Описание бумажной фабрики в Петергофе». В 1826 г. Связев печатал в горном журнале «Описание водоспуска на Ижорском чугунном заводе». В 1833 г. выпустил «Руководство к архитектуре, составленное для студентов Горного института», в двух частях. В дальнейшем это руководство было Связевым значительно переработано и изда-

¹ Сообщение директора Пермской художественной галереи Н. Н. Серебренникова.

² Дело правления Академии художеств, 1815 г., № 30.

³ Бумаги С о б к о в рукописном отд. Ленинградской публичной библиотеки.

но в 1839—1841 гг. под заглавием «Учебное руководство к архитектуре для преподавания в Горном институте, главном Инженерном училище... и в других учебных заведениях», уже в четырех частях.

По поводу первого издания этого руководства в журнале «Телескоп» (1834 г., № 16) появилась критическая заметка, на которую Свиязев обстоятельно ответил за подписью «Художник» в «Сыне отечества» (1834 г., № 28). В этой полемике выявляются взгляды Свиязева на искусство, более передовые, чем у его критика. Автор статьи в «Телескопе» писал между прочим: «Искусство зодчества развилось вследствие закона изящного, скрытого в душе человеческой, усиливающегося вещественными формами выразить господствующую мысль свою... Неужели законы искусства Рафаэля можно выводить из занятий маляра, а готическую форму свода Страсбургского собора из сплетения ветвей в шалаше дикого». На эти выпады, естественные для тогдашнего состояния науки и соответствующие взглядам верхушки дворянского общества, Свиязев отвечал, что «архитектура обязана своим происхождением первым потребностям человека защищаться от непогод, зноя и диких зверей», что «архитектура развилась вместе с успехами гражданственности», что «прежде Рафаэля жило множество чертильщиков и маляров, так, как прежде греческих ваз было много сделано горшков». В ответ на отрицание критиком художественного значения египетской архитектуры Свиязев писал: «А таинственные некрополисы, пирамиды, ипогеи. А дворцы, храмы, портики, ворота, колоссальные статуи, длинные галлерей. Зодчество египтян соответствовало климату, религии, политике». Второе, переработанное издание руководства, по отзыву Академии художеств, «заслуживает всякое внимание по пользе, которую может принести учащимся... Сочинение сие также будет не без пользы и для домохозяев, не могущих иметь опытных архитекторов». Работа получила на Демидовском конкурсе Академии наук почетный отзыв, а автор был награжден бриллиантовым перстнем. Труд этот долгое время оставался единственным пособием по изучению строительного искусства и был принят в качестве учебника в Академии художеств.

В 1852 г. Свиязев издал «Основание печного искусства», где опубликовал изобретенную им особую систему отопления, которая получила название «свиязевской». В 1869 г. принимал деятельное участие в составлении «Урочного положения». Печатал статьи в «Русской старине», «Журнале изящных искусств», «Журнале министерства гос. имущества», в «Московском телеграфе», в «Трудах вольного экономического общества»; последнее издание Свиязев семь лет редактировал. В 1843 г. Свиязев поднял вопрос об издании архитектурного лексикона. Академия художеств признала это предприятие полезным и потребным, но осуществлено оно не было.

Литература: Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, тт. II и III, СПб. 1865; Кондаков С., СПб. Академия художеств, т. II, СПб. 1914; некрологи: в отчете Академии художеств за 1875 г.; в «Трудах вольного экономического общества», 1875 г., т. III; в журнале «Зодчий» за 1875 г., № 11—12, и др.

СЕМЕНОВ Иван Семенович (ум. 20 августа 1865 г.), крепостной А. А. Аракчеева, крестьянин дер. Хотитово Новгородской губ.

2 декабря 1811 г. от Аракчеева поступило в Академию художеств заявление: «Желаю отдать в сию Академию в число пансионеров оной находящегося у меня мальчика Ивана Семенова для обучения наукам и художеству с платежом за содержание и обучение по 300 рублей в год, прошу И. А. Х. принять его, Ивана Семенова, в число пансионеров оной; следующие же за содержание и обучение деньги обязуюсь вносить за каждые полгода вперед». К заявлению было приложено подписанное полковником Капустиным удостоверение, что Иван Семенов «сверх черчения планов успел и совершенно знает арифметику, геометрию, тригонометрию, алгебру, уравнения первой и второй степени»¹. В 1816 г. Семенов

¹ Дело правления Академии художеств, 1811 г., № 7.

получил за архитектурные композиции серебряную медаль второго достоинства, в 1817 г.— серебряную медаль первого достоинства. Не желая отпустить Семенова на волю, Аракчеев в 1817 г., перед окончанием курса, забрал его из Академии и направил в свое имение Грузино Новгородской губ.¹

Не желая порвать связь с Академией, Семенов в 1818 г. представил в Академию проект ярмарки, по поводу чего Академия нашла нужным «объявить, что Академии весьма приятно видеть уважение, оказываемое к сословию составляющих оную художников, и что она чувствует истинное удовольствие, видя их и по выпуске из сего заведения употребляющими время свое на усовершенствование себя в искусстве, ими избранном. Гг. же профессорам архитектуры предложить не оставить полезными советами, дабы, руководствуясь оными, они могли тем удобнее достигнуть до дальнейших успехов»².

В Грузии Семенов произвел ряд построек, из числа которых известны казармы б. Павловского полка, Чугунные беседки и украшения в саду, жилые домики³. В московском Историческом музее имеются два гравированных проекта Семенова: 1) храм-памятник в честь посещения Александром I Грузина, 2) жилые дома.

Своим усердием и способностями Семенов заслужил расположение даже известной Настасьи Минкиной, фаворитки Аракчеева, которая в 1820 г., после отъезда из Грузина вольного архитектора Минута, писала Аракчееву: «Минут отъехал. Письмо его отдала Семенову, чтоб в точности смотрел за работами. Он хороший будет человек, если не испортится». С этого времени все строительные работы в Грузии проходили под руководством Семенова.

В другом письме Настасья Минкина говорит: «Дом Агафоники будет хорош. Семенов нашел по плану ошибку, но не смел вам об оной донести». Кроме работ по строительству, Семенов одно время заведывал в Грузии библиотекой. Сам Аракчеев обращался с архитектором оскорбительно и часто «хлестал легонько своей тросточкой», временами же не щадил. «Раз в пылу гнева граф приказал Семенову самому принести для себя розок или палок. Тот пошел и принес подмышкой несколько прутьев. Увидев это, барин рассердился не на шутку, послал в ту же минуту в казарму за матросами, художника же велел разложить и выпороть так, чтобы небу было жарко. Бедный страдалец едва поднялся с места, оскорбленный глубоко таким обхождением»⁴.

Только в 40-х годах XIX в. Семенов получил свободу и тогда же быстро выдвинулся как архитектор. В 1843 г. ему присвоено звание «классного художника архитектуры», а 27 сентября 1844 г., за проект «дома полицейского управления одной части столицы», — звание академика архитектуры. 16 апреля 1859 г. Семенов «за особенное искусство и отличные познания в архитектурном искусстве», в связи с представленным им проектом кавалерийской казармы на шестьсот человек, был удостоен звания профессора архитектуры.

Последней работой Семенова был представленный им на конкурс проект дворца наместника в Тифлисе; по этому проекту построен дворец⁵ (ныне здание ЦИК Грузии).

Литература: Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, т. III, СПб. 1866; Кондаков С., СПб. Академия художеств, т. II, СПб. 1914.

¹ Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, т. II, СПб. 1865.

² Дело правления Академии художеств, 1818 г., № 110.

³ Врангель, Маковский и Трубников, Аракчеев в искусстве («Старые годы», 1908 г., июль — сентябрь).

⁴ Отто И., Черты из жизни гр. Аракчеева («Древняя и новая Россия», 1875 г., № 3—6).

⁵ Бумаги С об ко в рукописном отд. Ленинградской публичной библиотеки.

СЕМЕНОВ Карп, крепостной М. И. Шипова, крестьянин дер. Капурово Галичского у.

В 1673 г. подрядился вместе с Павлом Клементьевым (см. выше) строить в с. Васильевском Московского у.

СИТНИКОВ Иван, крепостной И. А. Демидова.

Имя Ситникова упоминается в 1755 г. в связи с постройкой дворца Демидова в Москве. В 80-х годах XVIII в. участвовал в постройке Московского воспитательного дома (ныне Дворец труда). Первоначально очень выдвигался своим баринотом Демидовым, хотя «был им порот не раз»¹. Быть может, Ситников и есть тот «Ананьевич», которому Демидов поручил, вопреки желанию Бецкого, выдвигавшего кандидатуру архитектора Бланка, постройку Воспитательного дома².

Из письма Демидова от 3 февраля 1780 г. к его зятю М. М. Хозикову, состоявшему секретарем у Бецкого, видно, что получивший свободу и звание архитектора Ситников начал вызывать своим поведением недовольство бывшего барина: «Его Высокопревосходительство (г. е. Бецкий), по жалобе на меня, приказал через тебя осведомиться о архитекторе Ситникове, дабы я потребовал другого. И так-то почтительно прошу Е. В. П. донести: на Ситникова место послать другого, оное состоит во благоволении его, а для меня и Ситников бы остался не худо. А вот таперя идет столярная работа: окошки и двери не равныя, зову Ситникова, он уже и гнушается приехать. Я просил главного надзирателя, вот и прилагаю обон письма. Так-то Иван Иванович (Бецкий) нашу братию балует. Таперя столярные два этажа кончено. А достальные три лучше ли, также не знаю. Да, как я вижу, Ситников уже и окошек не посмотрел, а как у него сделаны куполы, вот весна покажет. Правда, я себя не выправляю, а для того, что положился на Ситникова, а Ситников не смотрел, и так-то я виноват. А мне хотелось уже корделож Ситников бы окончил, а какия дурности, я бы попросил гг. опекунов, чтобы они засвидетельствовали... Корделож, кажется, нынешним летом кончился бы. Столярная работа идет, а летом внутри подмазать, а сверху балки есть. Да спроси у г. Ильина, он видел, уж немного осталось, разве Ситников в чем остановит. Ситников мне и чертежей порядочных окошкам и дверям не дает, так-то он избаловался. Я уж сам езжу, да таперя в подагре, а дослать некого. Ежели продолжусь так по надобности кого из архитекторов попрошу. Да не можешь ли мне сказать, в Москве или в Питере Ситников определяется? Он очень усердился был, да черт знает что ему сделалось, яко безумный, или какая надежда властно, мой батюшка, будто мне бы в кармане кукиш подставлял. Много виноват я перед Иваном Ивановичем. Таперя заклинаю себя его о производствах просить. Просьбою я всю Академию художеств опорочил, что этакому довольно и много за архитектора быть. Говорить он горазд, а дела нет»³.

В 1781 г. Ситников строил соборный храм в Херсоне⁴.

СОШНИКОВ Иван Иванович, крепостной бригадира Мельгунова, позднее Волконских, крестьянин с. Суханова под Москвой.

В 1800 г., мальчиком, принят «вольным пансионером» в Академию художеств, с платой 150 рублей в год⁵. В 1804 г. за проект «зала для публичных балов» получил серебряную медаль второго достоинства, в 1805 г. за архитектурные композиции — серебряную медаль первого достоинства. На конкурсе пансионеров выполнил программу на тему: «проект здания всех судебных мест в столичном городе». Окончил академию в 1807 г.

¹ Материалы по истории Воспитательного дома, т. I, М. 1863.

² «Москва в ее прошлом и настоящем», т. X, стр. 48, М. 1912.

³ «Русский архив», 1873 г., № 11.

⁴ Бумаги Сошкова в рукописном отд. Ленинградской публичной библиотеки.

⁵ Дело правления Академии художеств, 1800 г., № 14.

Литература: Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, т. I, СПб. 1864; Кондаков С., СПб. Академия художеств, т. II, СПб. 1914.

СТРИЖАКОВ Василий Яковлевич (род. ок. 1780 г.—ум. 3 окт. 1819 г.), крепостной Н. Б. Юсупова.

В музее-усадьбе Архангельское хранится рисунок, датированный 6 апреля 1810 г., с подписью архитекторского ученика Стрижакова. В качестве архитектора Стрижаков работал у Юсупова в Архангельском с 1812 г. до своей смерти. После ухода французов из Москвы, в конце октября 1812 г., производил опись состояния зданий и обстановки в Архангельском¹. В 1813 г. под общим наблюдением архитектора Кремлевской экспедиции И. А. Жукова производил ремонт зданий в Архангельском, причем проявил значительную самостоятельность, иногда оспаривая указания Жукова. Так, 11 сентября 1813 г. Стрижаков доносил Юсупову, что Жуков намерен в строящейся картинной галерее (боковой флигель перед въездом) поставить во втором этаже шесть кирпичных колонн, он же, Стрижаков, считает это неприемлемым и советует поставить 16 деревянных «... и для фонарика (бельведер) делать не тройные, а цельные рамы, на все окно одну раму, потому что на такой высоте будет забивать дождь и снег, и они расколются». Юсупов послушался советов Стрижакова². В том же году Стрижаков, как производитель работ, завез к оплате все счета за произведенные работы: каменные, плотницкие, кровельные, штукатурные. В мае 1814 г. осматривал рамы в нескольких усадебных зданиях для установления необходимости в ремонте. В этом году оклад его был повышен с 60 рублей до 90³.

В 1815 г. Стрижаков проводил большую работу по составлению планов и чертежей Архангельского. Всего он представил Юсупову 29 листов; некоторые из них сохранились в музее Архангельского. В июле 1815 г. Стрижаков доносил Юсупову «о производстве строения удобного перехода над колоннами из большого дома в флигеля, с балюстрадой... Маляры у большого дома на обоих переходах балюстрад весь белыми, а пол желтой краской выкрасили»⁴. В конце 1815 г. Стрижаков был назначен управляющим всей усадьбой Архангельское, с жалованием в 115 рублей и сверх того по 8 рублей в месяц харчевых. В это время он имел двух архитектурских учеников: Ивана Борунова и Федора Бредихина. В 1816 г. Стрижаков непосредственно вел постройку амбара для паровой водовозной машины, в большом доме устроил из двух комнат «салон Тьеполо» и, в целях удобной развески картин, превратил две четырехугольные комнаты в восьмиугольные, «залы Гюбер Робера»⁵. В 1817 г. под наблюдением и по проекту архитектора С. П. Мельникова (см. выше) строил ворота, в виде триумфальной арки, при въезде на парадный двор перед большим домом. В том же году руководил разборкой манежа и заготовкой строительных материалов для постройки театра⁶. В 1818 г. начал работы по возведению колокольни около церкви Архангельского, строил дом для приезжающих, водовозную башню по проекту архитектора Бакарева и боличный флигель по проекту архитектора Тюрина, дом для приезжающих в духе «шале».

13 мая 1819 г. Стрижаков просил Юсупова об увольнении его «от должности как по конторе, так по всем заведываемым им частям до выздоровления». Просьба эта была удовлетворена, а чтобы он не ел даром господский хлеб, ему поручили производить выдачу дворовым и рабочим вина. Но болезнь Стрижакова усилилась, с августа его имя уже не значится в списках работающих дворовых, а 3 октября 1819 г. он умер, повидному,

¹ Централхив, дела по Архангельскому, 1810—1813 гг., № 4.

² Централхив, дела по Архангельскому, 1810—1813 гг., № 7.

³ Там же, 1814 г., №№ 1, 2, 3.

⁴ Там же, 1815 г., № 7.

⁵ Централхив, дела по Архангельскому, 1816 г., №№ 16, 6.

⁶ Там же, 1817 г., № 7.

от чачотки. Юсупов оплатил расход по похоронам Стрижакова в сумме 98 рублей 75 копеек и вдове его Авдотье Яковлевне, у которой оставался шестилетний сын, выдал одновременно 172 рубля 75 коп.¹ В дальнейшем в платежных ведомостях Архангельского долго значится вдова Стрижакова, получающая по 2 рубля в год. Сын Стрижакова впоследствии учился живописи в мастерской де-Куртейля в Архангельском.

Литература: Безсонов С., Крепостные архитекторы в Архангельском («Архитектура СССР», 1934 г., № 9); Безсонов С., Подмосковная усадьба Архангельское, М. 1937.

СУМАКОВСКИЙ Савелий Григорьевич, крепостной Н. Б. Юсупова.

В 1822—1826 гг. обучался архитектуре в Москве у Е. Д. Тюрина. По окончании обучения работал в Москве «по паспорту от князя». В альбоме «Чертежи и планы по Архангельскому имению кн. Юсуповых», хранящемся в Архангельском музее, имеются подписные чертежи Сумаковского: 1) План и фасад фонтана в с. Архангельском, 2) План и фасад конторского флигеля в с. Архангельском, 3) План и фасад сарая, где помещаются пожарные трубы в с. Архангельском. Чертежи № 1 и 2 воспроизведены в книге С. Б. Засонова, Подмосковная усадьба Архангельское. М. 1937.

Литература: «Жизнеописание П. И. Гусева, им самим составленное» (Щукинский сборник, вып. 2, М. 1903).

СУМАРОКОВ Александр, вольноотпущенный из крепостных С. С. Апраксина.

В 1807 г., малолетним, принят в качестве «вольного пансионера» в Академию художеств, на стипендию гр. А. С. Строганова². За архитектурные композиции получил в 1819 г. серебряную медаль второго достоинства, в 1820 г. — серебряную медаль первого достоинства, в 1821 г. за рисунки с натуры — серебряную медаль второго достоинства. В 1821 г. окончил Академию с аттестатом 1-й степени.

Литература: Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, т. II, СПб. 1865; Кондаков С., СПб. Академия художеств, т. II, СПб. 1914.

ТАТАРИНОВ Александр Михайлович, крепостной Яньковых.

Работал в первой четверти XIX в. в подмосковном имении Яньковых — Горках (Дмитровского у.). В 1813—1818 гг. строил деревянный дом Яньковых в Москве на Пречистенке (ул. Кропоткина) № 18 (ныне перестроенный). Янькова в своих мемуарах рассказывает: «У нас был свой архитектор Александр Михайлович Татаринов. Он был искусный землемер, хороший рисовальщик по чертежной части и знающий по строительной части, но ужасно настойчив и упрям в своих мнениях. Когда я сказала ему, что намерена класть второй ярус на колокольне (построенной в 30-х годах XVIII в.) кирпичный, то он стал уверять меня, что это невозможно и что тяжесть надстройки придавит весь низ». Но архитектор Кампорези признал надстройку возможной, «и к концу осени кладка была окончена»³.

ТИХАНОВ Данила, крепостной Чудова монастыря, крестьянин с. Шуйги Костромского у.

В 1688 г. строил по подряду, вместе с Спиридоном Хрящем (см. ниже), церковь Троицы в Москве на Мясницкой улице.

ТИХОМИРОВ Петр Валерианович (род. в 1829 г.), вольноотпущенный.

В 1859 г. получил от Академии художеств звание «неклассного художника архитектуры».

Литература: Кондаков С., СПб. Академия художеств, т. II, СПб. 1914.

¹ Центральные архивы, дела по Архангельскому, 1816 г., №№ 16, 6.

² Дело правления Академии художеств, 1807 г., № 1.

³ Благово Д., Рассказы бабушки, СПб. 1885.

ТУГАРОВ, крепостной Н. Б. Юсупова.

В № 32 «Московских ведомостей» за 1809 г. имеется объявление: «За Калужскую заставою, к Воробьеву, на даче кн. Н. Б. Юсупова, называемой Васильевской, отдаются в наймы вновь выстроенные два отделения покоев со службами... О цене узнать на той же даче от архитектора Тугарова».

ТУДВАСЕВ Т., крепостной Строгановых.

Работал архитектором на Урале в период между 1800 и 1865 гг. В Пермском архиве, в альбоме «О каменной соли в Усольских владельческих соляных промыслах открытой», имеется ряд чертежей Тудвасева, подписанных «Т. Тудвас» или «Т. Т.», а именно: 1) План и фасад каменной церкви в с. Воскресенском, заложенной в 1800 г., освящена 24/1 1832 г.; 2) План и фасад Огурдинской и Ленвенской лесопильных мельниц, состоящих ниже промыслов в 8 и 12 верстах, в 1807 и 1833 гг. построенных; 3) План и фасады деревянным домам в Усольских соляных промыслах, в кои помещено училище и богадельня, в 1810 и 1816 гг. построенных; 4) План и фасад каменному материальному магазейну в Усольских промыслах, в 1810 г. построенному; 5) План и фасад деревянному господскому дому в Усольских промыслах, в 1810 г. построенному; 6) План и фасад каменной кузнице со слесарней в Усольских промыслах, в 1811 г. построенным; 7) План и фасад трем Позвальским каменным варницам, в 1815 г. в Усольских промыслах построенным; 8) План и фасады двум каменным флигелям и магазейну для содержания фуража при Усольском конюшенном дворе, в 1818 и 1824 гг. построенным; 9) План Усольскому конюшенному двору, в 1818 и 1824 гг. построенному; 10) План и фасад каменному материальному магазейну в Усольских промыслах, в 1819 г. построенному; 11) План и фасад Никольской деревянной церкви в с. Купрасском, построенной в 1768 г., а каменный фундамент подведен, обшита тесом, внутри оштукатурена и новый иконостас устроен в 1827 г.; 12) План и фасад Петропавловской деревянной церкви в с. Таманском, построенной в 1781 г., и каменный фундамент подведен, обшита тесом, внутри оштукатурена и новый иконостас устроен в 1827 г.; 13) План и фасад каменной больницы с двумя флигелями в Усольских промыслах, в 1827 г. построенной; 14) План и фасад деревянному магазейну на каменном фундаменте для содержания запасного хлеба, построенному в с. Купрасском в 1827 г., по тому же плану и фасаду выстроены запасные магазейны в селах Воскресенском, Кокшаровском, Козьмодемьянском, Богоявленском и Григорьевском; 15) План и фасад каменной церкви Василия Великого в Нердвинском заводе, заложенной 1 сентября 1828 г., освященной 30 августа 1833 г.; 16) План и фасад деревянной больницы в Нижнем Новгороде, построенной в 1829 г.; 17) План и фасад каменному господскому дому в Нердвинском заводе, в 1830 г. построенному; 18) План и фасад каменному господскому дому в Усольских промыслах, в 1832 г. построенному; 19) План и фасад деревянной церкви в с. Воскресенском во имя Воскресения господня, построенной в 1691 г., каменный фундамент подведен, обшита тесом, внутри оштукатурена и новый иконостас устроен в 1832 и 1833 гг., а по тому же плану построена в имени графа вторая единоверческая церковь близ с. Козьмодемьянского, которая освящена 17 февраля 1834 г., сгорела 1865 г. на 25 января; 20) План и фасад каменной вотчинной конторе в Нердвинском заводе, в 1832 г. построенной; 21) План и фасад каменному магазейну в Ленвенском промысле для содержания фуража, в 1833 г. построенному; 22) План и фасад на строение в с. Богоявленском каменной церкви во имя царицы Елены в имени Григория Александровича Строганова (29 июля 1834 г.); 23) План и фасад каменным мирским земским, в селах Воскресенском, Купрасском и Козьмодемьянском построенным; 24) План и фасад соляным магазейнам, существующим в Усольских и Ленвенских промыслах; 25) Чертеж Ленвенской кузницы; 26) Разрез конной мельницы; 27) Чертеж днища и крыши плоскодонного судна, употребляемого для доставки соли с Ново-Усольских промыслов; 28) Чертежи плоскодонного судна, употребляемого для поставки соли с Ново-Усольских соляных промыслов в Ниж-

ний Новгород, груз коего 33 000 пудов; 29) Чертежи геологического разреза рассоло-извлекающей Петропавловской трубе Усольского промысла графа Строганова (глубины 22 сажени, 8 четверт.); 30) Чертеж (неизвестного технического назначения)¹.

ТУНЕВ Семен Иванович (род. в 1817 г.), крепостной Строгановых.

В 1836 г. окончил петербургскую Строгановскую школу, а затем обучался архитектуре в Москве. Отсюда был направлен в 1846 г. архитектором в с. Ильинское в Прикамье, где находилось главное управление строгановскими именьями. За усердную службу Строганов в 1850 г. наградил Тунева часами, а в 1860 г. «за слабое поведение и дурное исполнение обязанностей» годовой оклад Тунева уменьшен с 240 до 150 рублей серебром. В 1862 г., уже после отмены крепостного права, Тунев удостоился благодарности бывшего барина за свою работу².

Литература: Рогов Н., Материалы для истории Пермского заповедного майоратного имения гр. Строгановых, Пермь 1892.

УСТИНОВ Микифор, крепостной М. П. Волинского, крестьянин дер. Клова Галицкого у.

В 1673 г. взял подряд вместе с Павлом Клементьевым (см. выше) на постройки в с. Васильевском Московского у. В 1693 г. подрядился вместе с Яковом Бухвостовым (см. выше) строить собор в Рязани.

ФЕДОРОВ Матвей, крепостной стольника Ф. И. Кузьмина, крестьянин дер. Ермолицыны, с. Путятина, Ярославского у.

В 1690 г. подрядился вместе с Яковом Бухвостовым (см. выше) строить кельи Моисеева монастыря в Москве на Тверской улице.

ФИЛИППОВ Антошка, сын Денисов, крепостной Колычевых, крестьянин дер. Оринокиней Ярославского у.

В 1680 г. подрядился «на патриаршем дворе церковь 12 апостолов, что над враты, от верху до полу всю левкасом подмазать, гвоздями набив, под стеновое письмо, и все чинить по записи подрядной. А рядная запись 30 рублей». В 1681 г. «уговорился в церкви 12 апостол, настлать пол в два кирпича и учинить ступени» за 9 рублей. В 1863 г. Филиппов с товарищами подрядился «вычинить Успенский Кремлевский собор в Москве; у средней большой главы пробрать в двух местах, сделать вновь. У меньших четырех глав пробрать в пяти местах, сделать вновь. У главы, что над олтарем, от Ивана Великого, в перететивье седины перебрать, сделать вновь, около всех шей и в окошках и на поделках, в которых местах от пожара обломались, очистя сделать вновь... Да около большей же средней главы пояс, что был белого камня и от пожара обломался, пробрать, сделать вновь из белого камня. На церкви четыре свода пробрать и которых сводов седины и стрелки худы, те седины и стрелки пробрать вновь... В церкви же во всех четырех углах под сводами положить у перемычек связей наугольные и укрепить за старья связи, где пристойно будет положить связи... Да около всей церкви с лица худые места камня белого выбрать и сделать вновь, а на столбах церковных с лица вытесать лещеди и покрыть столбы лещедью... По договору за то дело 200 рублей, да 20 ведер вина»³.

ХАЛДИН Федор, крепостной Шереметева.

Архитекторский ученик, учился у крепостного архитектора Алексея Миронова. В 1786 г. получал в Кускове, как ученик, 3 рубля в год и «паек», составляющий одну треть архитекторского⁴. В 1797 г. упоминается на работах в Останкине, под руководством Павла Аргунова и Алексея Миронова; как видно из «реестра служителям и дворовым людям»,

¹ Сообщение директора Пермской художественной галереи Н. Н. Серебrenникова.

² Сообщение директора Пермской художественной галереи Н. Н. Серебrenникова.

³ Забелин И., Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы, вып. I, М. 1884, стр. 235, 238, 36.

⁴ Сивков В., Штат с. Кускова, М. 1927.

здесь получал уже 5 рублей в год. В 1803 г., с отъездом архитектора Миронова в Ростов, Халдин был откомандирован для работы в бухгалтерии. В 1803 г. вернулся к строительному делу: под руководством Григория Дикушина работал на постройке шереметевского Странноприимного дома в Москве (ныне больница им. Склифасовского).

Литература: Станюкович В. А., Крепостные художники Шереметевых (Записки историко-бытового отдела Русского музея, т. I, Л. 1928).

ХРЯЦ Спиридон Варлаамов, крепостной стольника Ф. Ю. Борятинского, крестьянин дер. Рогожи, с. Рождествена, Ярославского у.

В 1688 г. Хряц «с товарищи» подрядился строить каменную церковь Троицы в Москве на Мясницкой: «196 г. Порядная запись. Се аз, стольника князя Ф. Ю. Борятинского, Ерославского уезду, с. Рождествена дер. Рогожи кр-не Спиридон Варлаамов, сын Хряца, да Василий Иванов, да Иван Спиридонов, да из Чудова монастыря Костромского уезду с. Шуйги кр. Данила Тихонов, в нынешнем во 196 году... дали мы на себя сию запись... в том: подрядились мы делать церковь живоначальныя Троицы и Введения пр-богородицы каменную, что на Мясницкой, против его, Максимовой (заказчика), росписи, какову он нам дал роспись. В предельной церкви одна стена, а алтарь весь разобрать до подошвы и бут весь выбрать, а оставить только два столба под шатровыми углами, чтоб над тем приделом был тот прежний шатер невредим. И вместо той разобранный стены и алтаря сделать церковная стена и алтарь вновь и приделать к старым стенам, вновь придел, принять земли с двух сторон от старых разломанных стен полторы сажени. А над тем приделом и около настоящей церкви, с трех сторон, поверх сводов, по тем же по новой и по старым стенам взвесть стены и своды свесть, чтоб до сводов от мосту было 4 аршина... А из трапезы в настоящую церковь, посреди стены, где дверь, и то место выломать по самые своды, а в ширину как возможно, и по обеим сторонам проломать в церковь окошка и обделать. И старые своды в трапезах и в алтарях разобрав, зделать вновь своды... А от большой улицы, над углом, поверх двух сводов зделать колокольня о шти столбах с шатриком... А главы все обить черепицею, и стены старые и новые внутри и с лица все выбелить, и своды подмазать... А у того церковного дела связи и всякие припасы... то все ево, Максимово, и лотки и шайки и ушаты и чаны..., а работники ко всему делу наши, подрядчики... А рядили мы, подрядчики, от того церковного дела... семдесят рублей денег, пуд ветчины, да две четверти муки ржаной. А порукою по нас, подрядчиках, во всем вышеописанном ручался государя нашего стольника князя Ф. Ю. Борятинского человек ево, который за дела ходит, Алексей Тимофеев сын Абашкин...»¹. Церковь эта была перестроена в 50-х годах XVIII в. и в Москве известна больше под именем церкви архидиакона Евпла.

ЦУКАНОВ, крепостной В. Г. Орлова.

В донесении Орлову его московского дворецкого Щербакова от 4 декабря 1812 г. о повреждении французами дома на Большой Никитской, между прочим сообщается: «Дом московский со всех сторон огорожен, и окна нижних покоев все заколочены досками... Относительно дома, по мнению конторы 4 ноября, исполнения не делал за неприездом Цуканова (домашнего архитектора)». 10 декабря того же года Щербаков доносил: «Цуканов ко мне явился, с коим занимаюсь осмотром дома и приценкою материалов»². Ремонт этого дома производился в течение 1813 и 1814 гг. и стоил свыше 200 000 рублей.

ЧЕБОТАРЕВ Александр Петрович, крепостной Н. Н. Демидова.

В 1816 г. принят «вольным пансионером» в Академию художеств. До поступления в

¹ Забелин И., Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы, т. I, М. 1884.

² Орлов-Давыдов В., Биографический очерк гр. В. Г. Орлова, т. II, СПб. 1898, стр. 213—218.

Академию обучался «архитекторской науке, как по части теоретической, так и по практической... к тому первоначальные познания имеет»¹.

ШАРОВ Петр Алексеевич, крепостной С. В. Строгановой.

До 1814 г. обучался архитектуре у А. Н. Воронихина на дому. 4 мая 1814 г. принят «вольным пансионером» в Академию художеств с платой по 360 рублей в год². В 1830 г. получил звание художника архитектуры.

Литература: Кондаков С., СПб. Академия художеств, т. II, СПб. 1914.

ШАШИН Александр Сергеевич, сын вольноотпущенного.

В 1809 г. принят в Академию художеств. За архитектурные композиции получил в 1819 г. серебряную медаль второго достоинства, в 1820 г.— серебряную медаль первого достоинства. В 1821 г. окончил Академию с аттестатом 1-й степени.

Литература: Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, т. II, СПб. 1865; Кондаков С., СПб. Академия художеств, т. II, СПб. 1914³.

ШАШИН Николай Сергеевич, сын вольноотпущенного.

Брат Александра Шашина (см. выше). В 1811 г. принят в Академию художеств, в 1819 г. зачислен в архитектурный класс. В 1822 г. за архитектурные композиции получил серебряную медаль второго достоинства. В 1823 г. ему была еще раз присуждена вторая серебряная медаль второго достоинства, от которой он отказался. В 1824 г. выпущен с аттестатом второй степени.

Литература: Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, т. II, СПб. 1865; Кондаков С., СПб. Академия художеств, т. II, СПб. 1914.

ШЕСТАКОВ Петр, крепостной Н. Б. Юсупова.

Архитекторский помощник. В 1827 г. был прислан в подмосковное имение Юсупова Архангельское «для всегдашнего нахождения». В 1827—1829 гг. помогал архитектору Дрегалову перестраивать террасы в парке⁴. В музее-усадьбе Архангельское хранится генеральный план усадьбы от 1829 г., подписанный Петром Шестаковым. В 1857 г. Шестаков производил ремонт флигелей близ оранжерей и театра в Архангельском⁵.

Литература: Безсонов С., Крепостные архитекторы в Архангельском («Архитектура СССР», 1934 г., № 9); Безсонов С., Подмосковная усадьба Архангельское, М. 1937.

ШЛЯХТЕНКО Петр Владимирович (род. в 1807 г.), вольноотпущенный из крепостных А. И. Мусина-Пушкина, крестьянин с. Иловня Мологского у. Ярославской губ.

В 1817 г. отец Шляхтенко со всем семейством получил вольную. В 1819 г. Шляхтенко, «обученный российской грамоте, правилам грамматики, арифметике и частью рисовальному искусству», принят в Академию художеств. Платить за его обучение обязалась дочь Мусина-Пушкина, по мужу Хитрово⁶. В 1824 г. получил серебряную медаль второго достоинства за архитектурные композиции, в 1825 г.— такую же медаль за рисунки с натуры. В 1827 г. за архитектурные композиции получил серебряную медаль первого достоинства, за проект театра — золотую медаль второго достоинства. В том же году выпущен из Академии с аттестатом 1-й степени.

Литература: Петров П., Сборник материалов для истории СПб. Академии художеств, т. II, СПб. 1865; Кондаков С., СПб. Академия художеств, т. II, СПб. 1914.

¹ Дело правления Академии художеств, 1814 г., № 3.

² Дело правления Академии художеств, 1814 г., № 2.

³ У Кондакова Шашина ошибочно назван Алексеем.

⁴ Централархив, дела по Архангельскому, 1826—1827 гг.— № 21, 1829 г., — № 8.

⁵ Черновые дела по Архангельскому, 1857 г.

⁶ Дело правления Академии художеств, 1819 г., № 4.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К СЛОВАРИЮ КРЕПОСТНЫХ АРХИТЕКТОРОВ

Александров	45	Завьялов	61	Окопишников	74
Антонов	45	Иванов В.	61	Осипов	74
Аргунов П.	45	Иванов Е.	62	Папуга	74
Аргунов Ф.	47	Иванов О.	62	Парфенов	75
Артемов	48	Иванов П.	62	Перфильев	75
Ашитков	48	Иванов С.	62	Петров П.	76
Бабакин	49	Ильин	62	Петров С.	76
Балахнин	49	Калашников	63	Печенкин	76
Барсуков	49	Калинин	63	Плюснин	76
Белозеров	49	Каменский	63	Поляков А.	76
Бизяев	49	Каширин	63	Поляков Д.	76
Борунов	50	Кисельников	63	Пономарев	76
Бредихин А.	50	Клементьев	64	Потапов	76
Бредихин Ф.	50	Козлов А.	64	Потехин	77
Бухвостов	50	Козлов И.	64	Простаков	78
Буянов	53	Козлов П.	64	Прохаев	79
Васильев А.	53	Колодин	64	Пустовойтов	79
Васильев В.	54	Колташев	65	Рабутовский	79
Владимиров	54	Кольшенков	65	Садовников	80
Волков И.	54	Кондратьев	65	Саломатов	81
Волков	54	Корольков	65	Сапожников	81
Воронихин	54	Костин	66	Свиязев	81
Голев	55	Кострюков	66	Семенов И.	82
Голиков А.	55	Котырев	66	Семенов К.	84
Голиков Г.	55	Кошкин	66	Ситников	84
Головцев	55	Кузнецов	67	Сошников	84
Горностаев	56	Кульченков	67	Стрижаков	85
Григорьев Д.	56	Курзин Б.	67	Сумаковский	86
Григорьев Ф.	56	Курзин П.	68	Сумароков	86
Григорьевы Г., Ф. и К.	57	Кустарев	68	Татаринов	86
Губа	57	Лаврентьев	68	Тиханов	86
Гусев	57	Лопырев	68	Тихомиров	86
Ланилов	58	Луценко	68	Тугаров	87
Дементьев	58	Лыко	68	Тудасев	87
Демидов	59	Мельников С.	68	Тунев	88
Денисов Д.	59	Мельников Ф.	69	Устинов	88
Денисов Ф.	59	Миронов А.	69	Федоров	88
Дикушин В.	59	Миронов С.	72	Филиппов	88
Дикушин Г.	59	Мичурин	72	Халдин	88
Добрынин	60	Михайлов С.	72	Хряц	89
Душкин	60	Михайловы Е. и Л.	73	Цуканов	89
Дюжаков	60	Мишенин	73	Чеботарев	89
Ежов	60	Мякишев	73	Шаров	90
Елизаров	60	Наумов	73	Шашин А.	90
Еремеев	61	Некрасов	73	Шашин Н.	90
Ермольев	61	Никитин	74	Шестаков	90
Жданов	61	Николаев	74	Шляхтенко	90
Жемчужной	61				

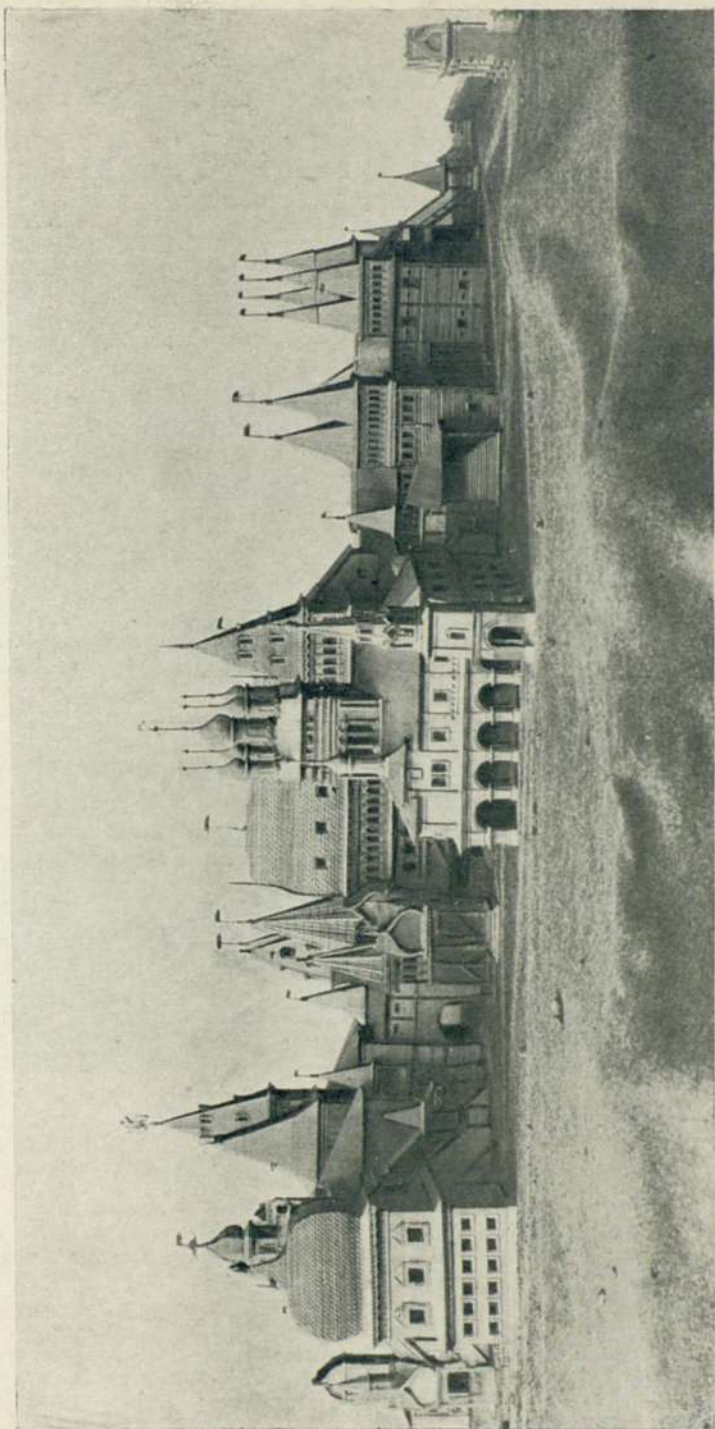
ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

С. Петров и Михайлов — Дворец в с. Коломенском (модель)	97
П. Потехин — Островоезерский монастырь	98
К. Губа — Церковь Григория Неокесарийского в Москве	99
П. Потапов — Церковь Успения в Москве	100
Д. Мякишев — Собор в Астрахани	101
Я. Бухвостов — Церковь в с. Уборах	102
Я. Бухвостов — Собор в Рязани	103
В. Белозеров — Церковь в усадьбе Марфино	104
Ф. Аргунов — Проект частного дома, план	105
Ф. Аргунов — Проект частного дома, главный фасад	105
Ф. Аргунов — Проект частного дома, боковой фасад	106
Ф. Аргунов — Проект частного дома, разрез (по линии АВ)	106
Ф. Аргунов — Проект павильона в саду	107
П. Аргунов — Рисунок балясины «по гваренгиеву манеру» для зала Останкин- ского дворца	108
П. Аргунов — Проект галлерей с колоннами для Останкинского дворца	109
П. Аргунов — Проект «Профиль комнаты, которая служит за ложу», для Остан- кинского дворца	109
А. Миронов — Чертеж «План увеселительному дому села Кускова»	110
А. Миронов — Рисунок «Перспектива села Кускова»	111
А. Миронов — Рисунок «Грот в с. Кускове»	112
А. Миронов — Рисунок «Эрмитаж в с. Кускове»	113
А. Миронов — Рисунок «Итальянский домик в с. Кускове»	114
А. Миронов — Проект планировки усадьбы Останкино	115
П. Бизяев — Проект «Профиль поперечная главного дому, показывающая боль- шую ложу с двумя при оной кабинетами» (Останкино)	116
П. Бизяев — Проект «Профиль поперечная с показанием разборной галлерей и парадной лестницы» (Останкино)	117
Душкин и А. Миронов — Дмитриевский собор в Спасо-Яковлевском монастыре в Ростове (Ивановской области)	118
Г. Дидушин — Чертеж «Разрез поперечной переходной галлерей, находящейся между главного корпуса Итальянского павильона, в том виде, как ныне отделана» (Останкино)	119
Г. Дидушин — Чертеж «Разрез продольной переходной галлерей, находящейся между главного корпуса Итальянского павильона, в том положении, как ныне отделана» (Останкино)	119
Бабакин — Дом в усадьбе «Отрада»	120
Кисельников — Дом б. Баташова (ныне Яузская больница) в Москве	121
А. Воронихин — Казанский собор в Ленинграде	122
А. Воронихин — Горный институт в Ленинграде	123
Д. Григорьев — Аптекарский корпус при Московском университете	124

П. Гусев — Здание б. Дворянского собрания в Калуге	125
А. Никитин — Чертеж «План дома в усадьбе Марьино»	126
И. Колодин — Проект дома в усадьбе Марьино	127
И. Колодин — Дом в усадьбе Марьино	128
И. Колодин — Проект отделки комнат в усадьбе Марьино	129
И. Свиязев — Дом б. Крылова в Перми	130
И. Свиязев — Карниз и плафон в доме б. Крылова в Перми	131
И. Семенов — Проект жилого дома в Грузии	132
И. Семенов — Проект «Чугунного храма» в Грузии	133
В. Стрижаков — Проект дома для приезжающих в Архангельском	134
В. Стрижаков — Колоннада между главным домом и флигелем в Архангельском	134
И. Борунов — «Каприз» в Архангельском	135
А. Бредихин — Рисунок «св. ворот» в Архангельском	136
С. Мельников — Проект лестницы большого дома в Архангельском	137
С. Мельников — Лестница большого дома в Архангельском	138
Г. Николаев — Рисунок «Фасад передней всего главного строения» (Останкино)	139
Л. Рабутовский — Чертеж «План и фасад фарфорового завода в с. Архангельском»	139
С. Сумаковский — Чертеж «План и фасад конторского флигеля в с. Архангельском»	140
Тудвасев — План и фасад деревянного дома в Усольских промыслах	141
Тудвасев — План и фасад каменного дома в Усольских промыслах	142
Тудвасев — План и фасад Огурдинской и Ленвенской «Лесопильных мельниц»	143

ИЛЛЮСТРАЦИИ

НАЦИОНАЛ

С. Петров и Михайлов. Дворец в с. Коломенском (модель)

П. Потехин. Островозерский монастырь

К. Губа. Церковь Григория Неокесарийского в Москве

П. Потапов. Церковь Успения в Москве

Д. Мякишев. Собор в Астрахани

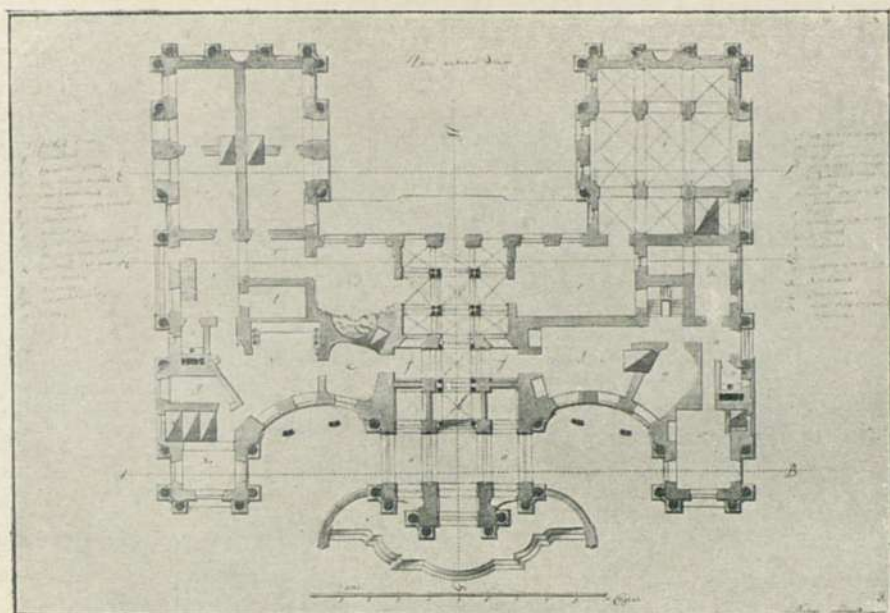
Я. Бухвостов. Церковь в с. Уборах

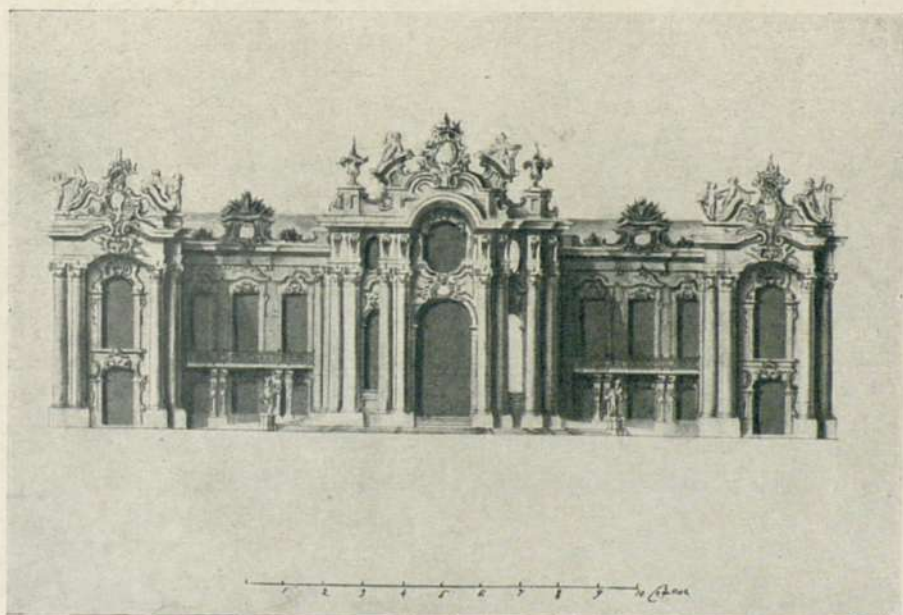
Я. Бухвостов. Собор в Рязани

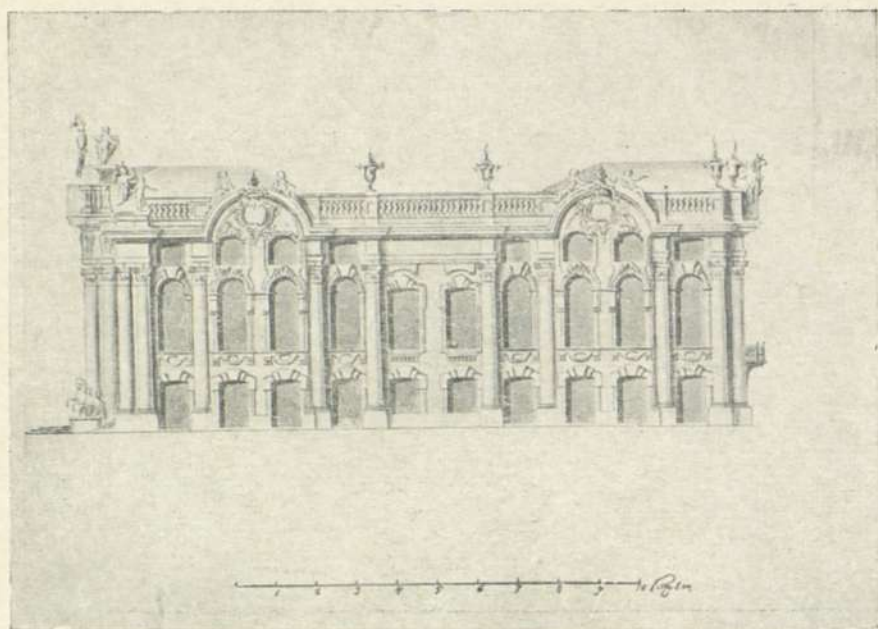
В. Белозеров. Церковь в усадьбе Марфино

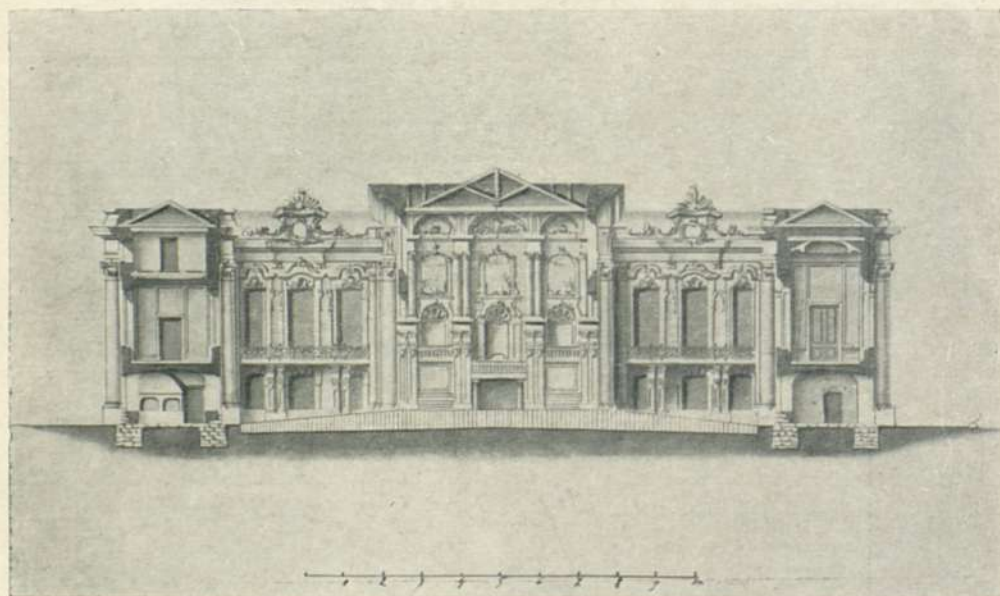
Ф. Аронов. Проект частного дома, план

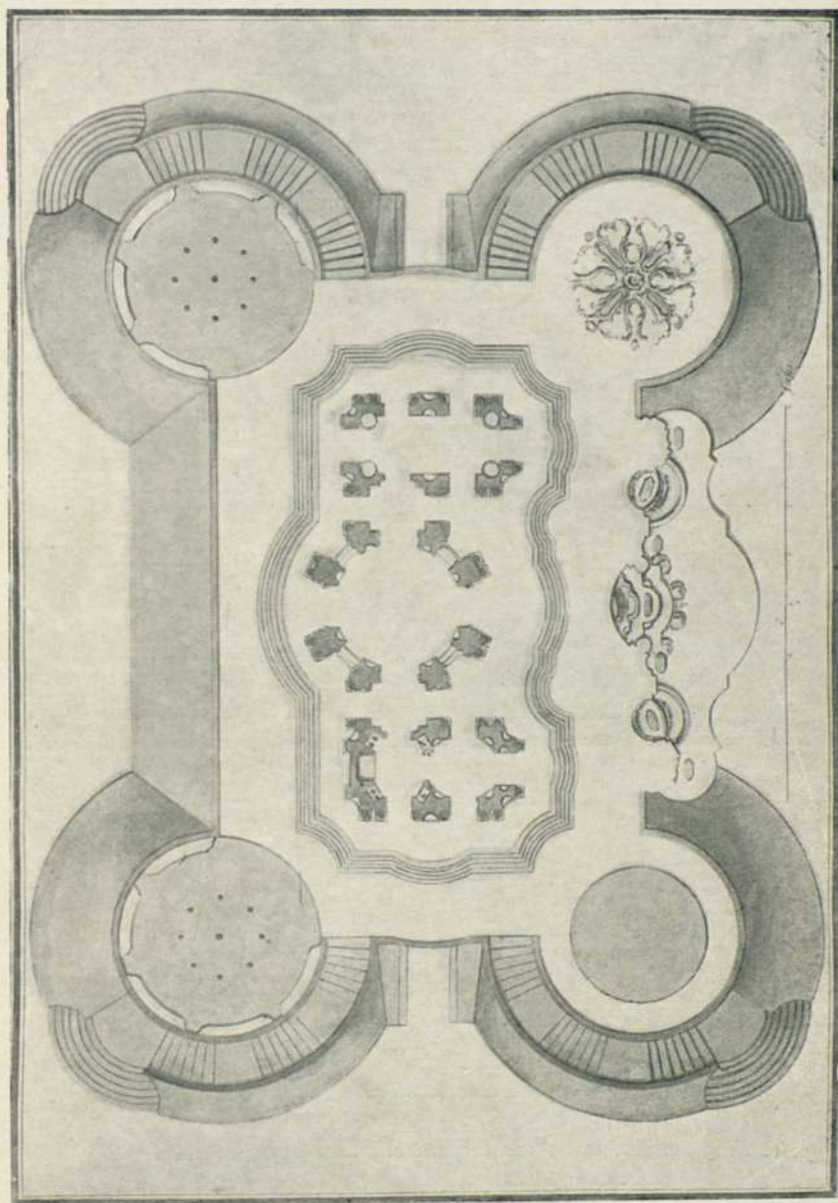
Ф. Аронов. Проект частного дома, главный фасад

Ф. Аронов. Проект частного дома, боковой фасад

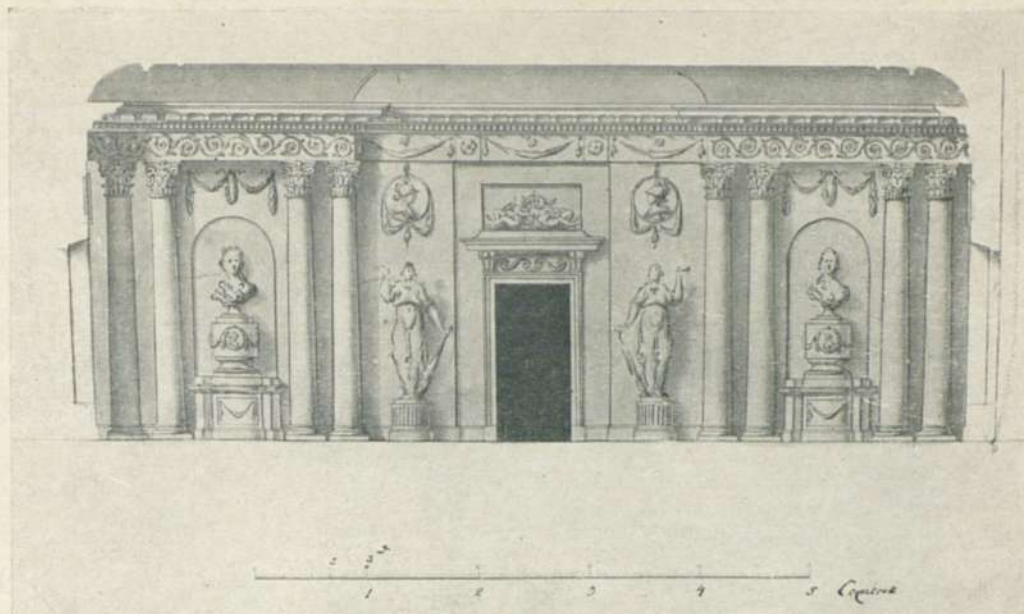
Ф. Аронов. Проект частного дома, разрез

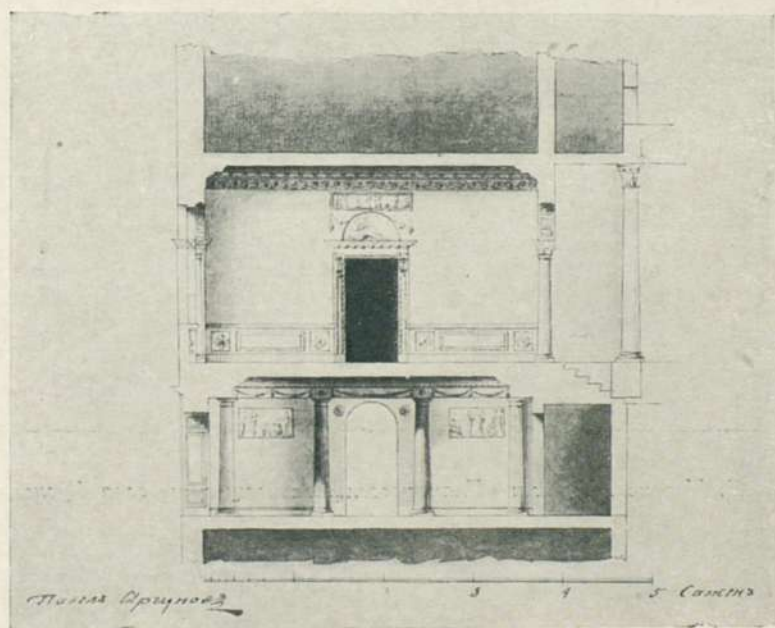
Ф. Арцинов. Проект павильона в саду

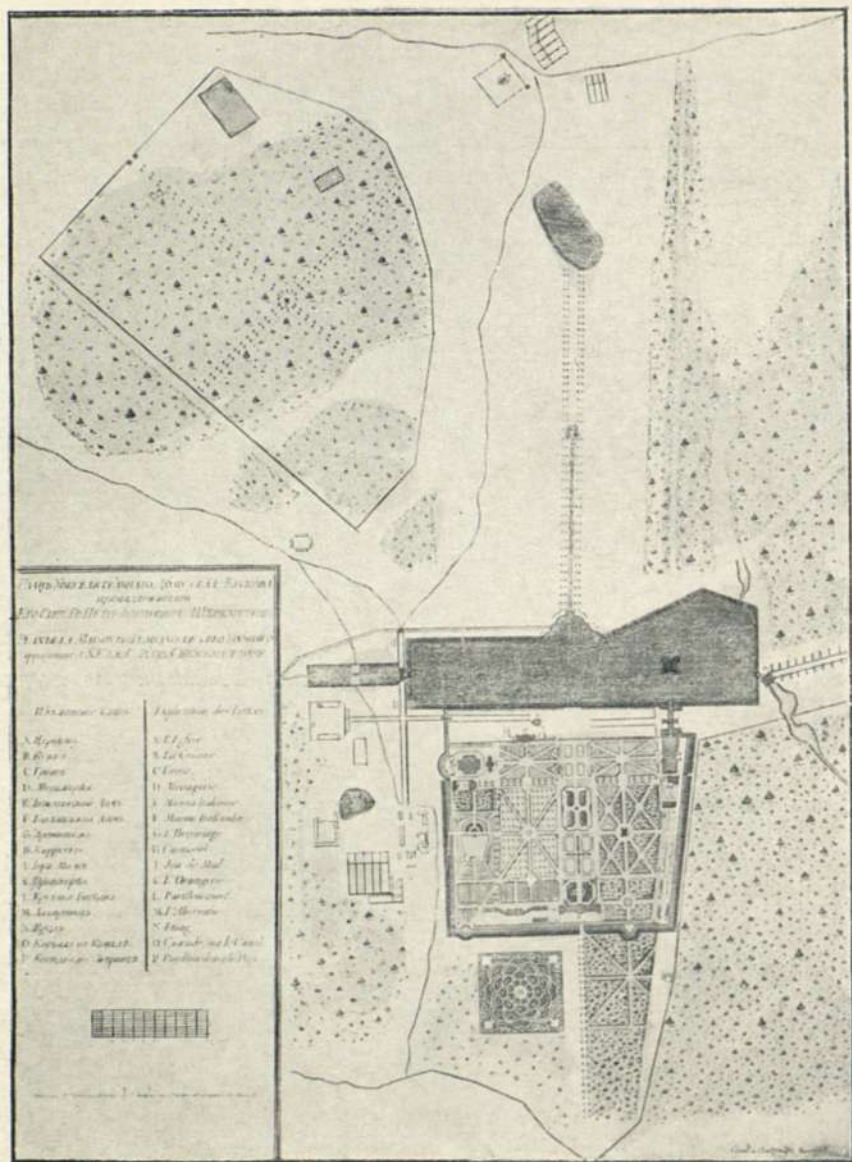
П. Арзнов. Рисунок блязины «по варениеву манеру» для зала
Останкинского дворца

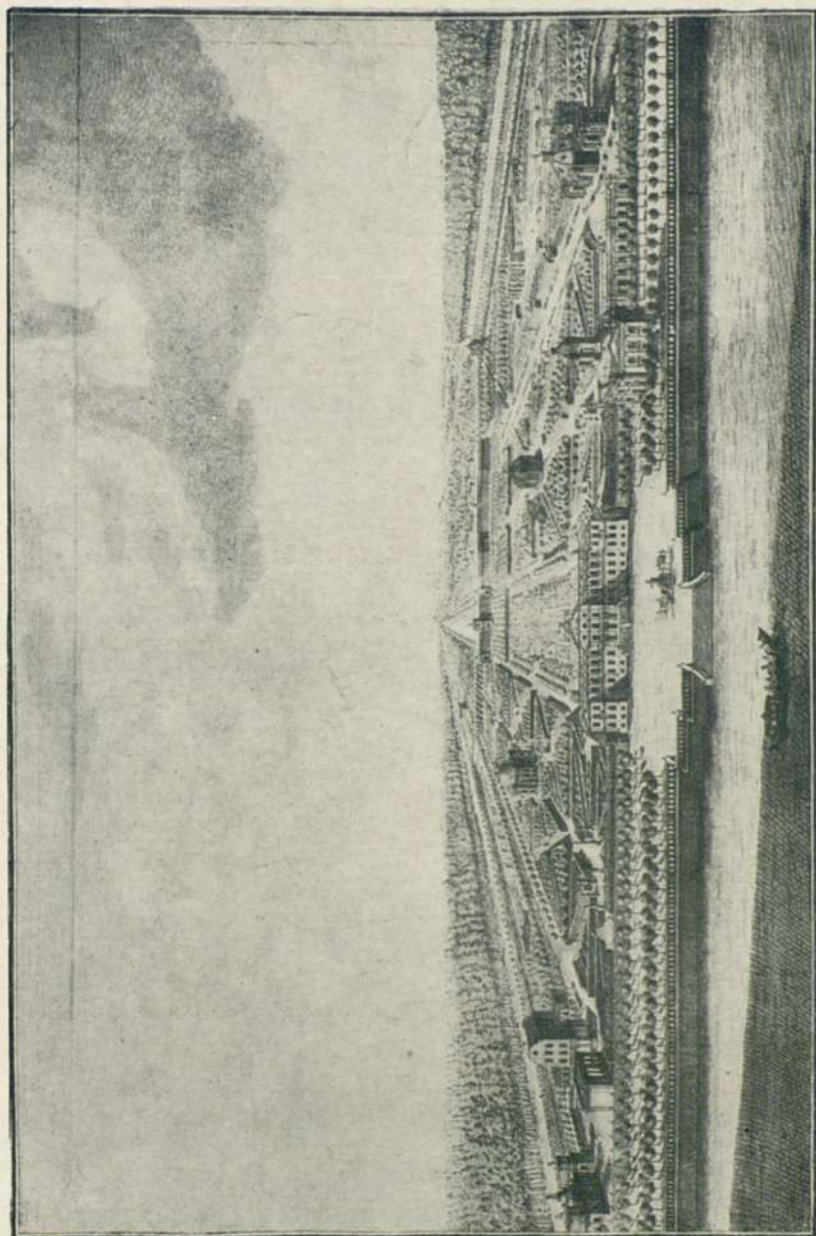
П. Арцинов. Проект галереи с колоннами для Останкинского дворца

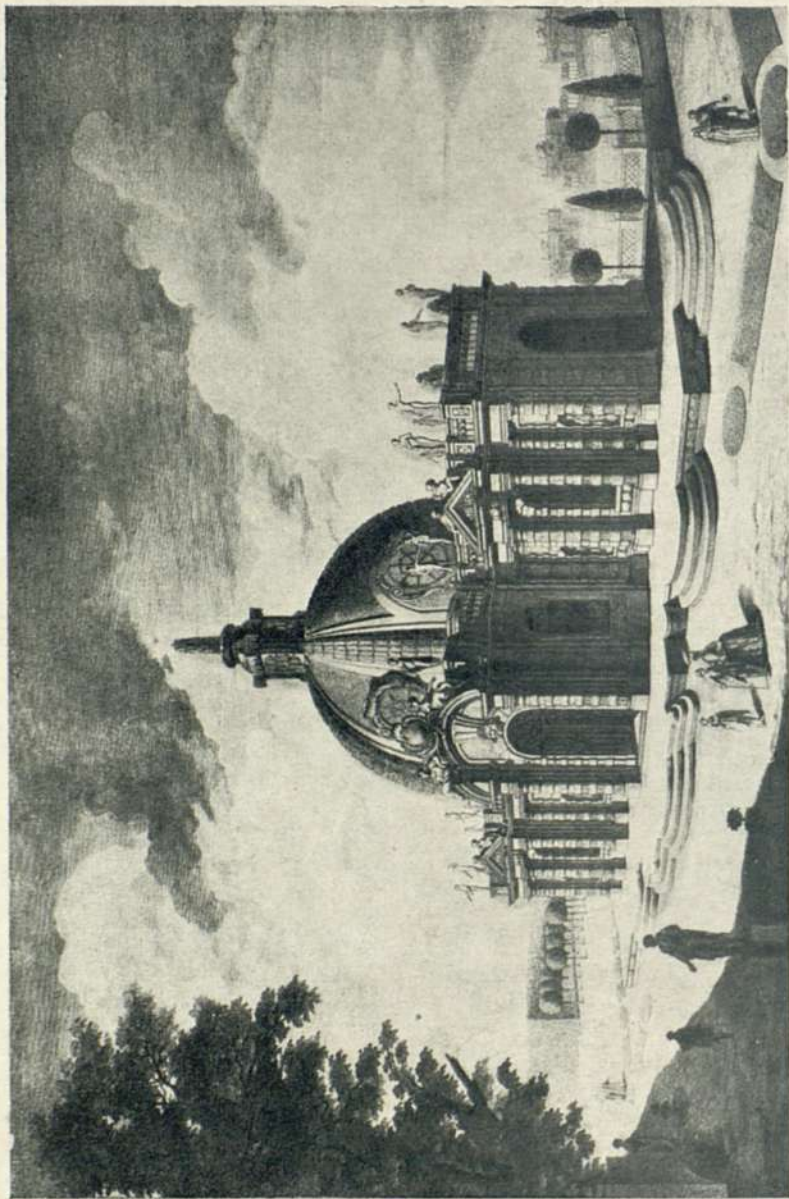
П. Арцинов. Проект «Профиль комнаты, которая служил за ложу», для Останкинского дворца

А. Миронов. Чертеж «План увеселительному дому села Кукова»

А. Миронов. Рисунок «Перспектива села Кускова»

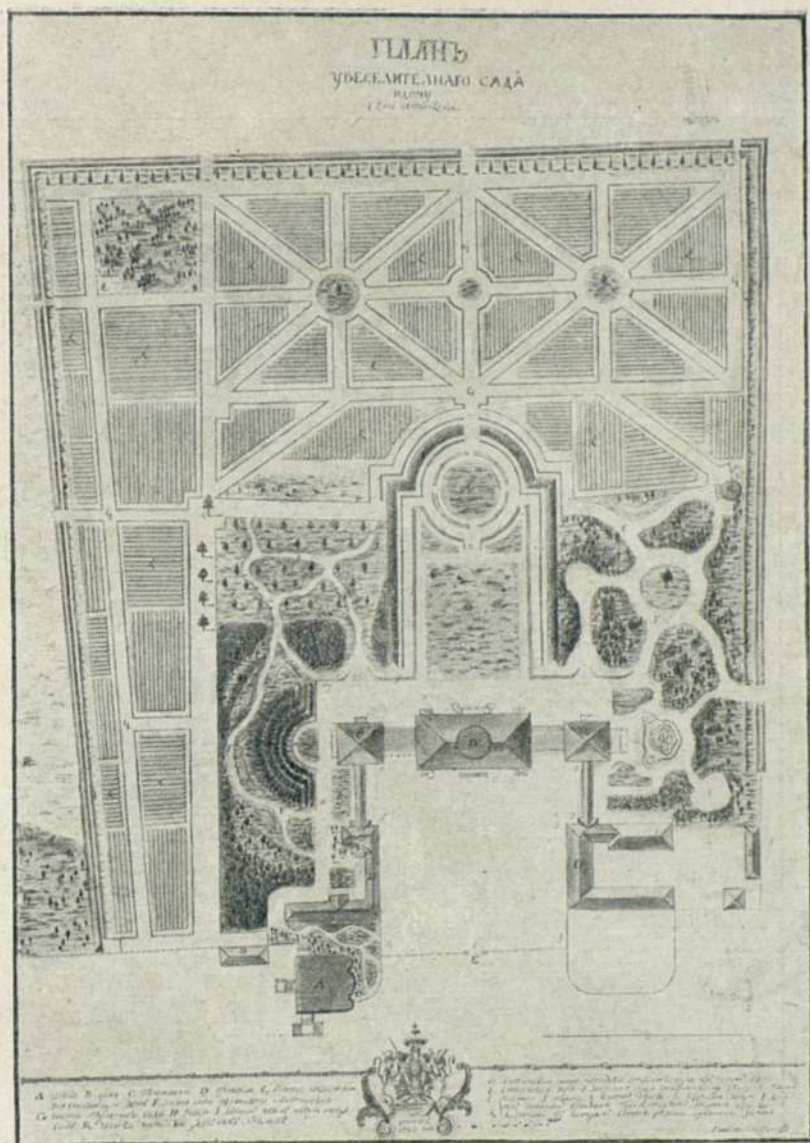
А. Миронов. Рисунок «Грот в с. Курское»

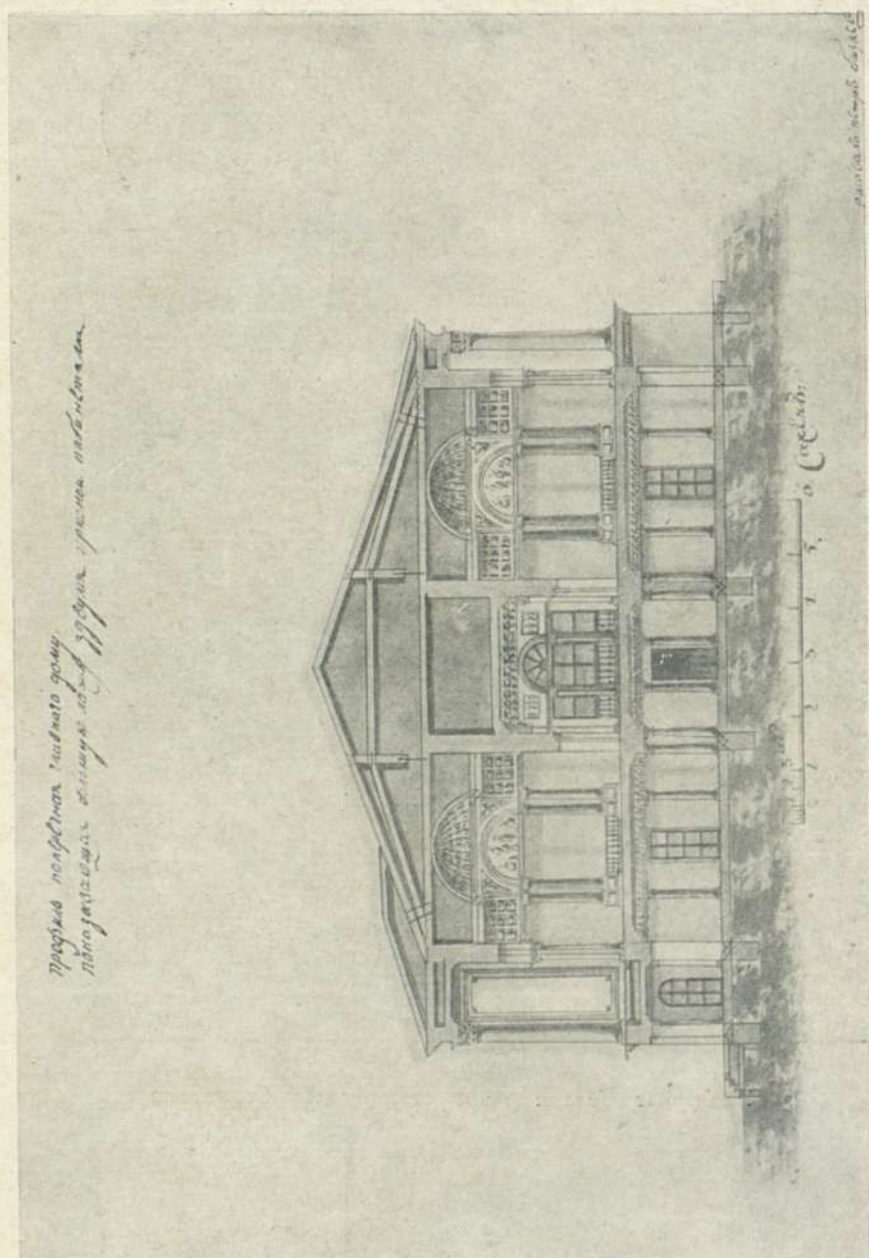
А. Миронов. Рисунок «Эрмитаж в с. Курское»

А. Миронов. Рисунок «Итальянский домик в с. Кускове»

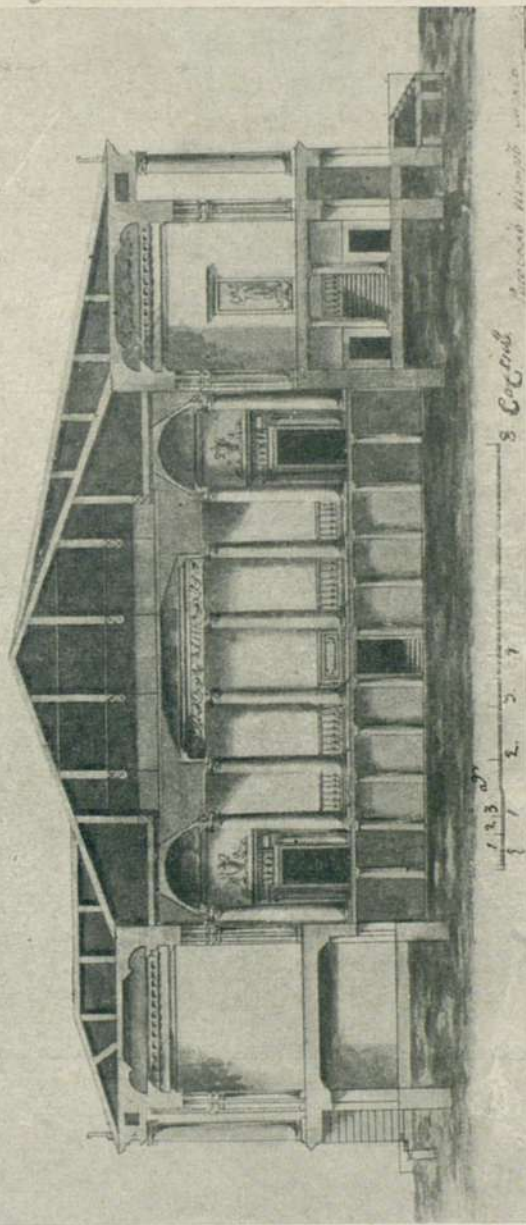

А. Миронов. Проект планировки усадьбы Останкино

П. Бизьев. Проект «Профиль поперечная главная дому, показывающая большую ложу с двумя при оной кабинетами» (Останкино)

Профиль поперечной сь павильонной разборной
галереи и парадной лестницы

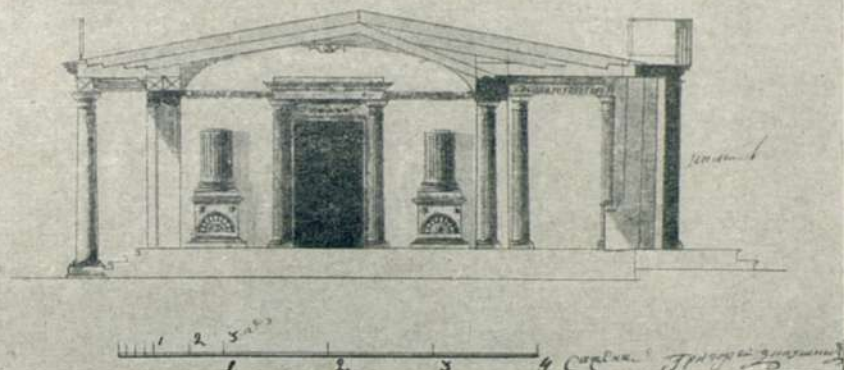

П. Бизлев. Проект «Профиль поперечная с показанием разборной галереи и парадной лестницы»
(Останкино)

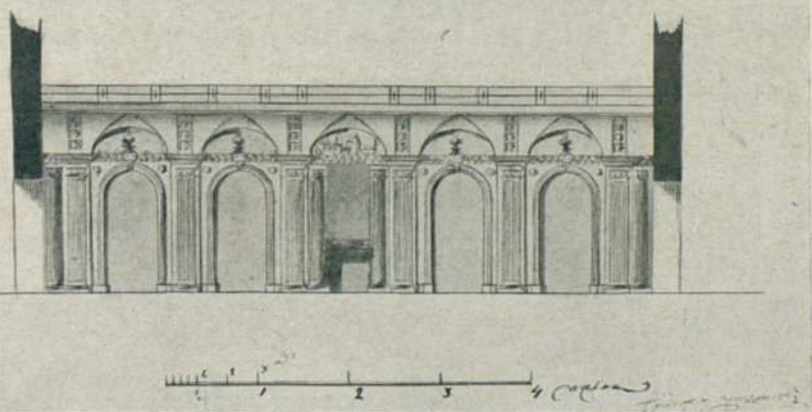
Душкин и А. Миронов. Дмитровский собор в Спасо-Яковлевском монастыре в Ростове (Ивановской области)

Разрез поперечной переходной галереи
находящейся между Главного корпуса
и Чинакшайской павильона. Отделана в
Лит. и в 1871 году

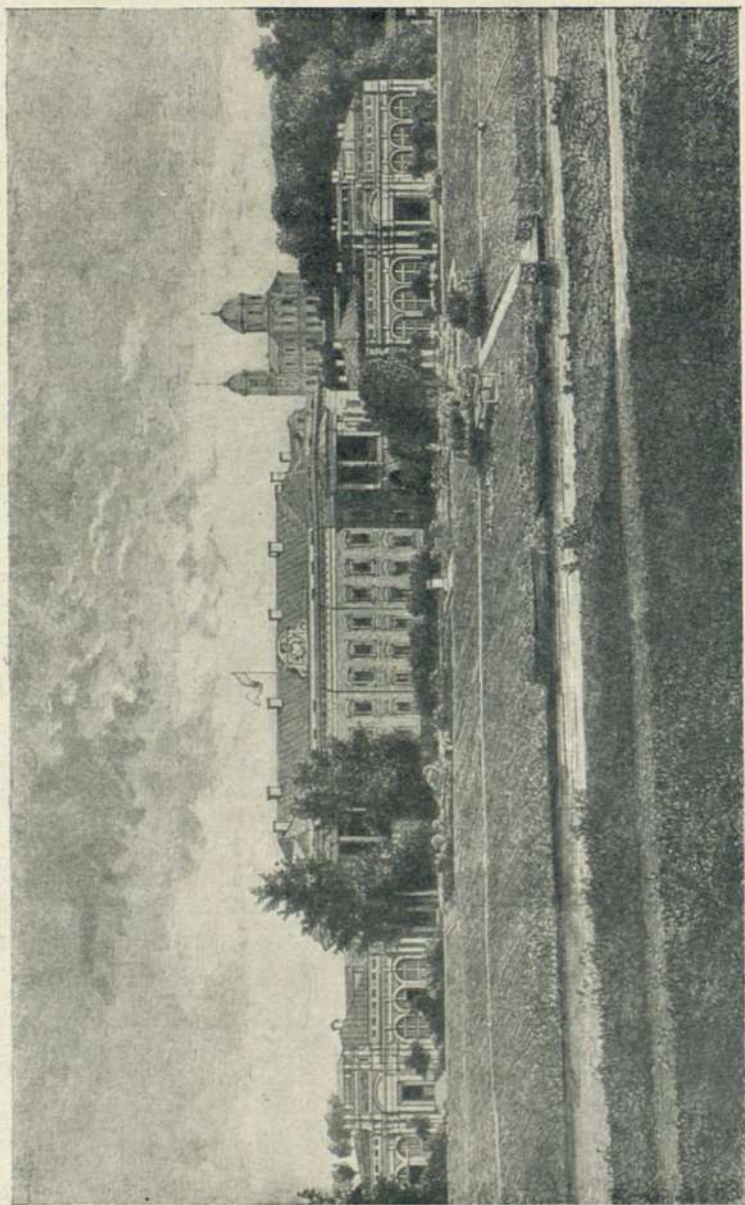

Г. Дикунин. Чертеж «Разрез поперечной переходной галереи, находящейся между главным корпусом Итальянского павильона, в том виде, как ныне отделана» (Останкино)

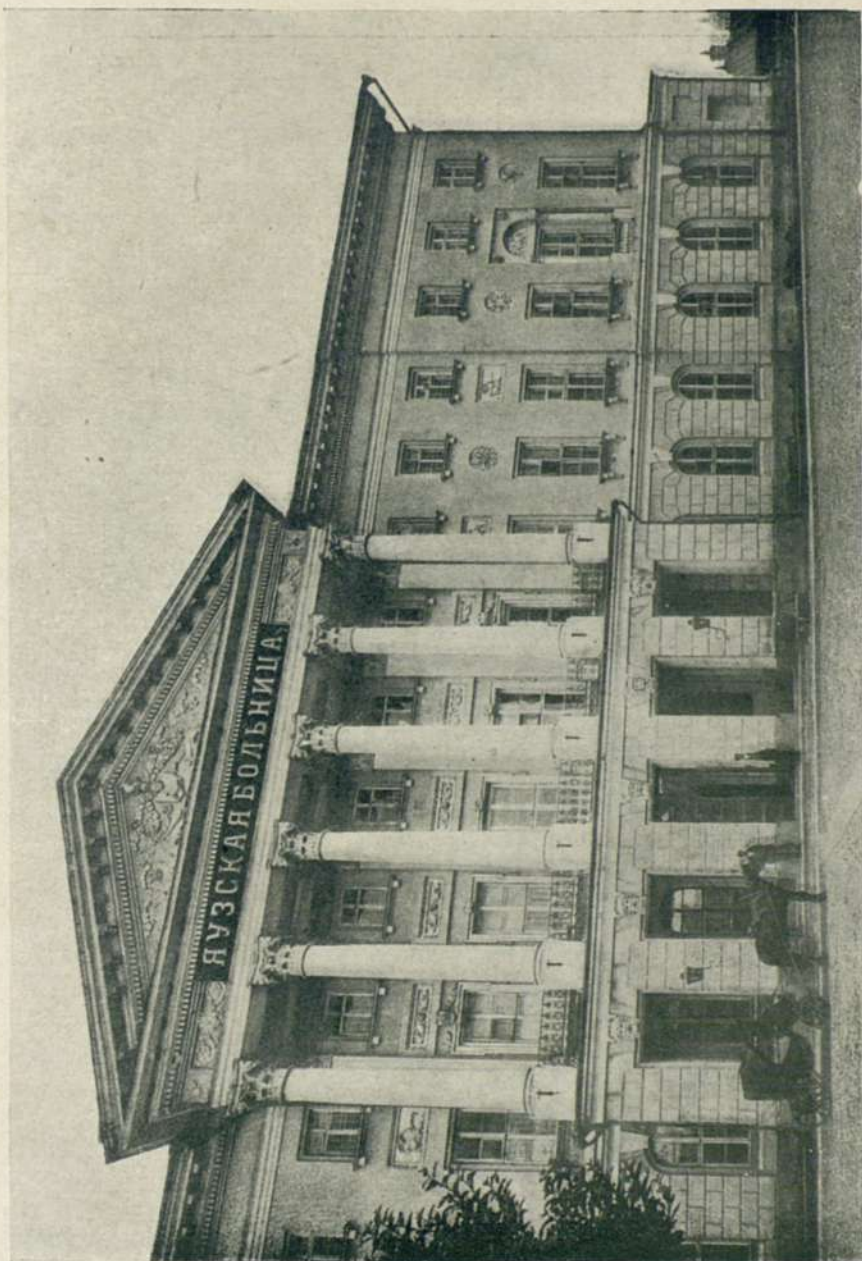
Разрез продольной переходной галереи
находящейся между Главного корпуса
и Чинакшайской павильона. Отделана в
Лит. и в 1871 году

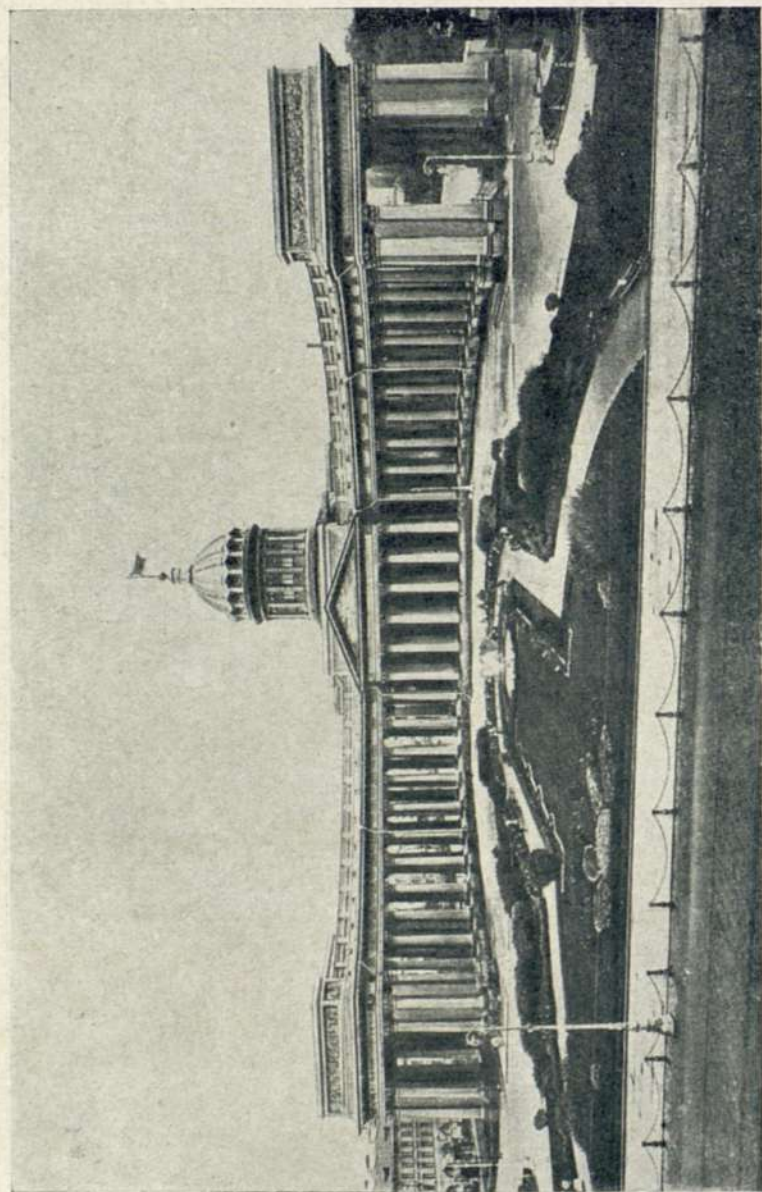
Г. Дикунин. Чертеж «Разрез продольной переходной галереи, находящейся между главным корпусом Итальянского павильона, в том положении, как ныне отделана» (Останкино)

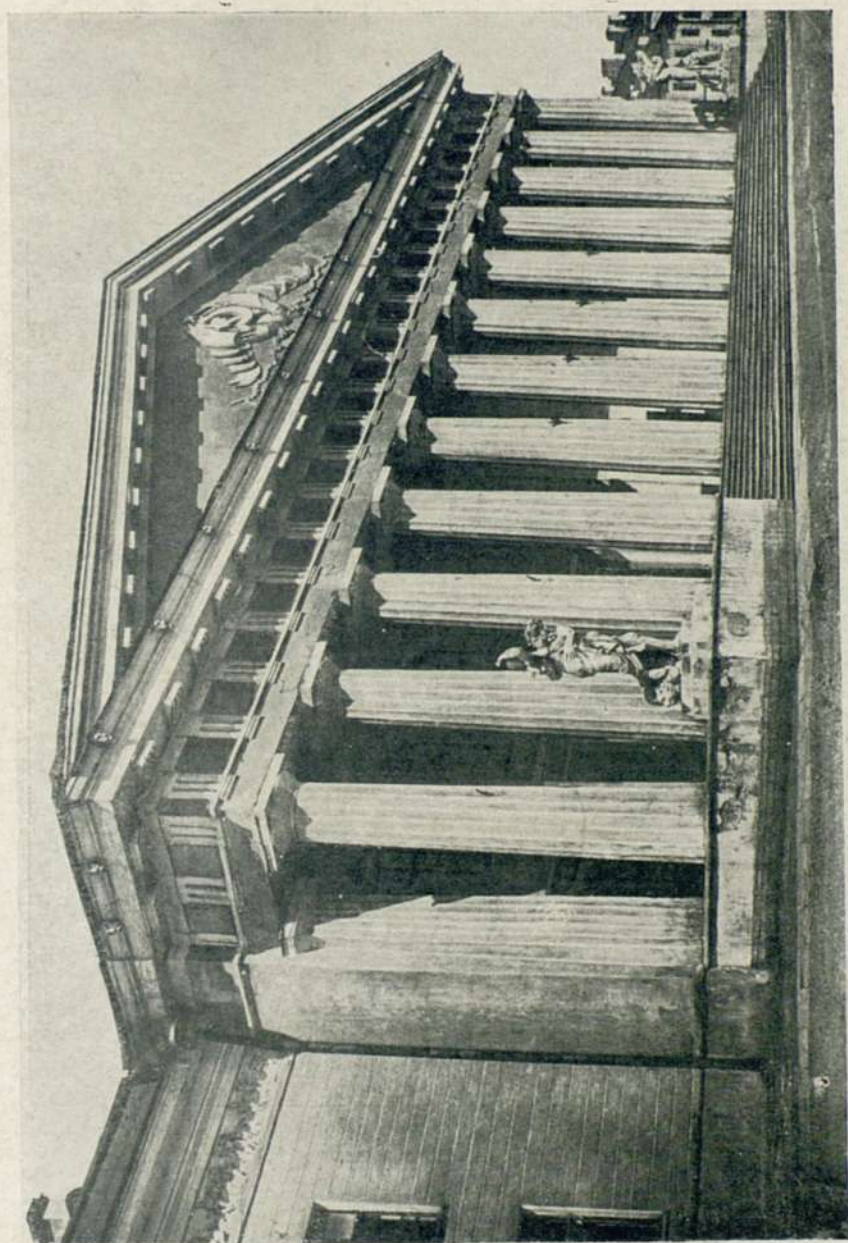
Бабакін. Дом в усадьбе «Отрода»

Кисельников. Дом б. Баташова (ныне Юзская больница) в Москве

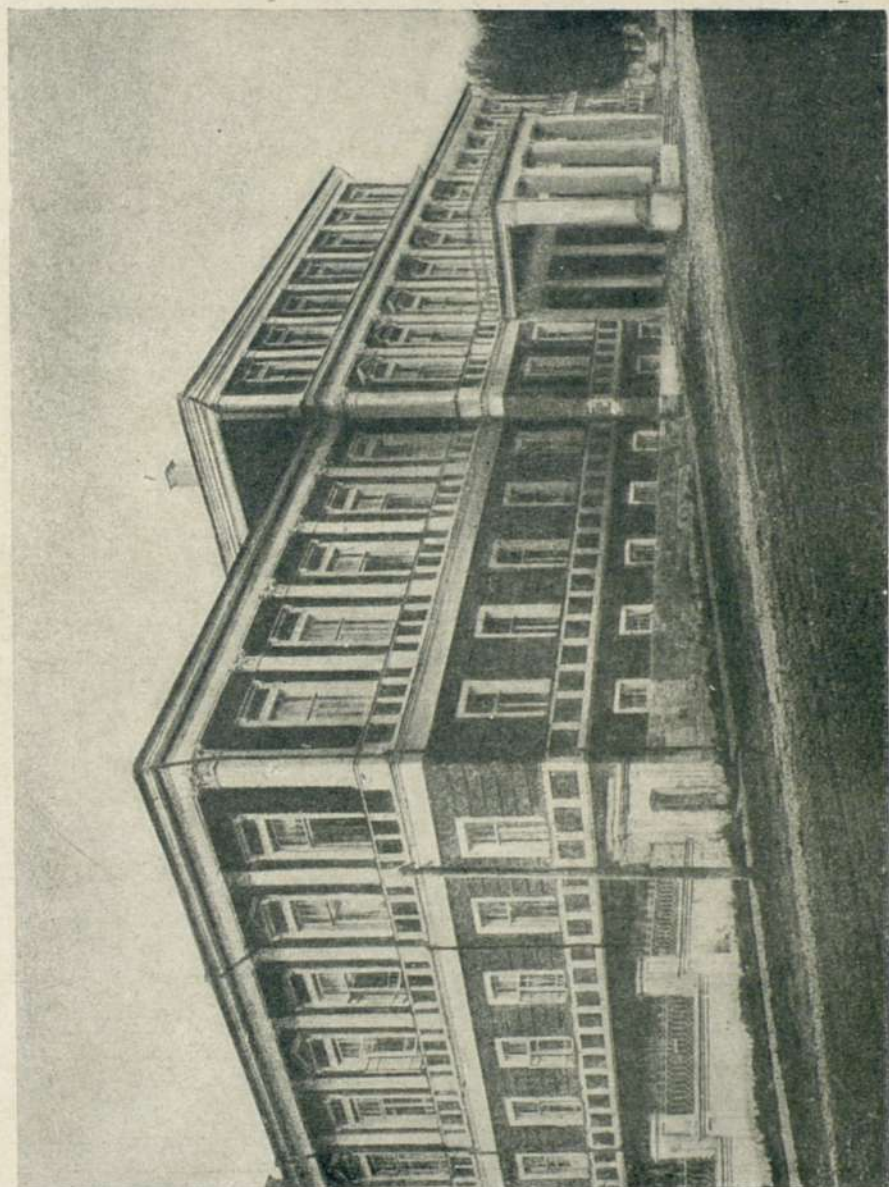
А. Воронихин. Казанский собор в Ленинграде

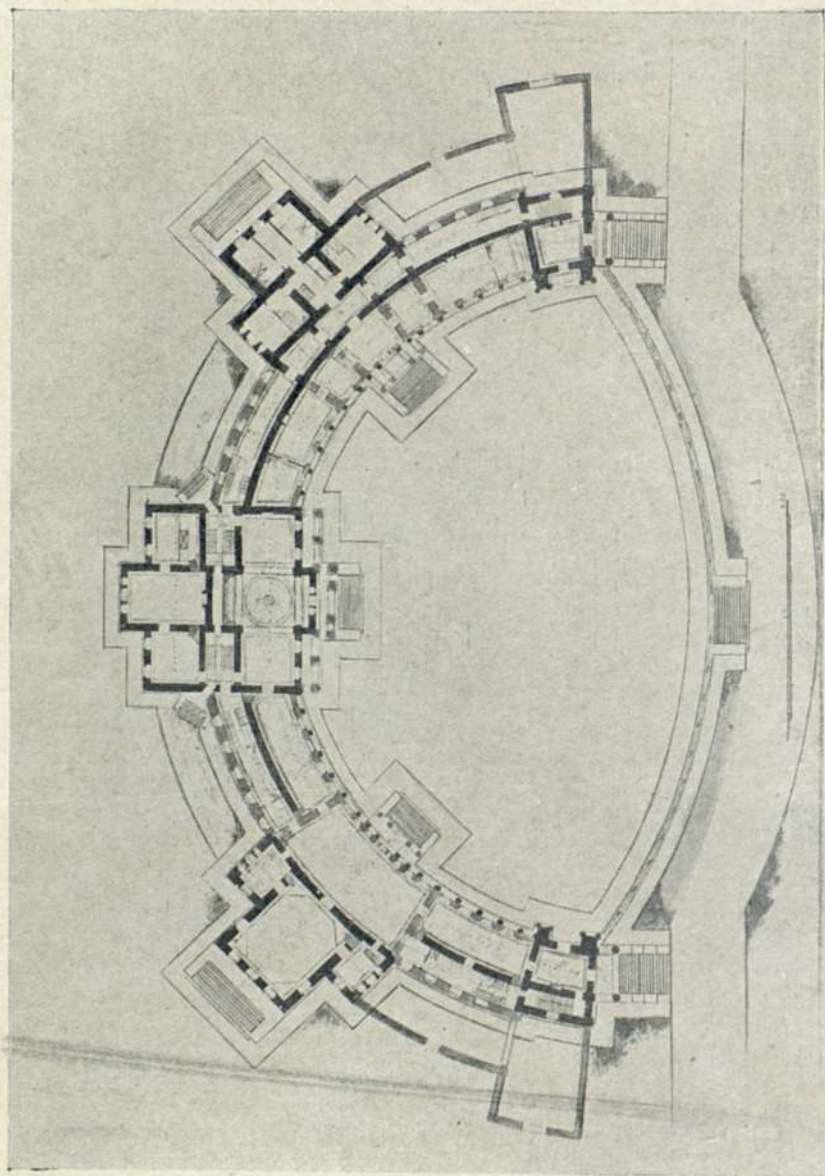
А. Воронихин. Горький институт в Ленинграде

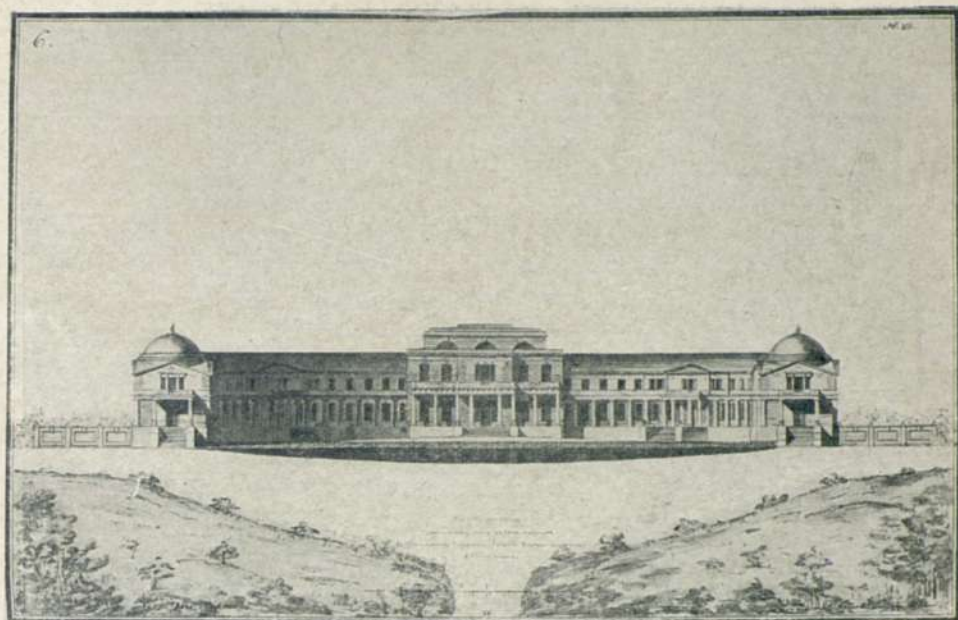
Д. Григорьев. Аптекарский корпус при Московском университете

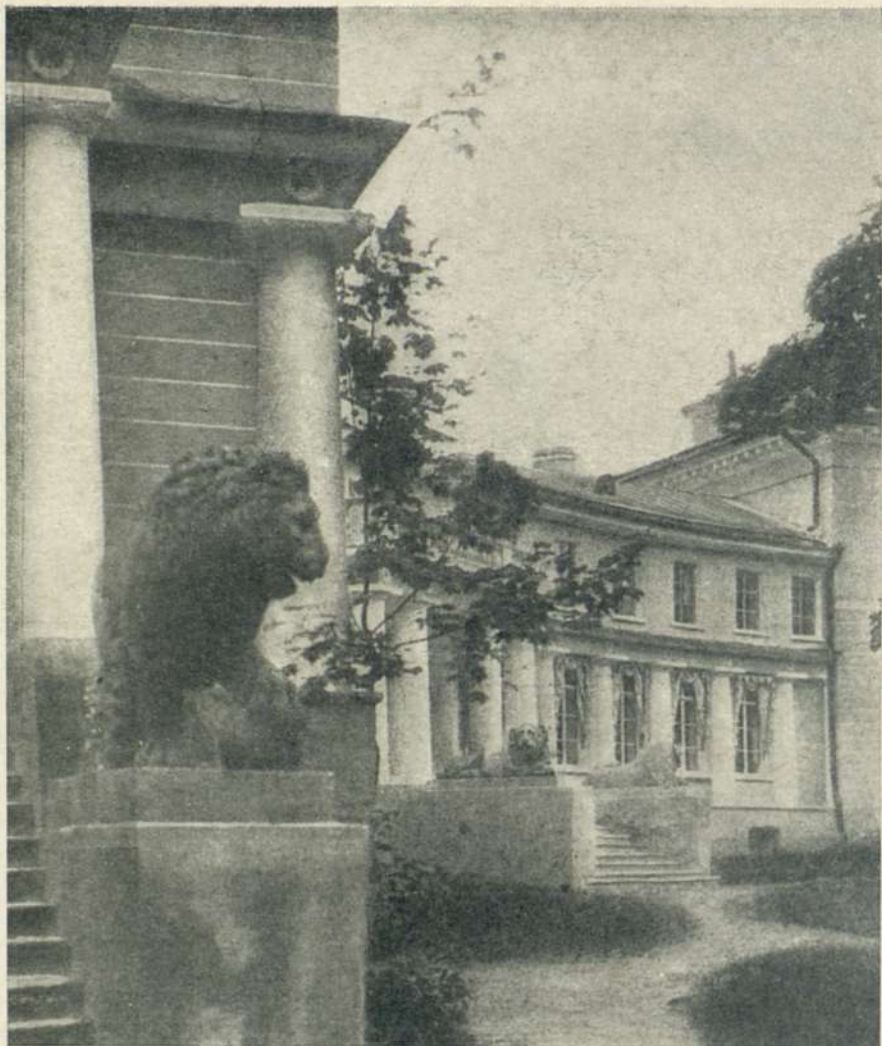
П. Гусев. Здание б. Дворянского собрания в Калуге

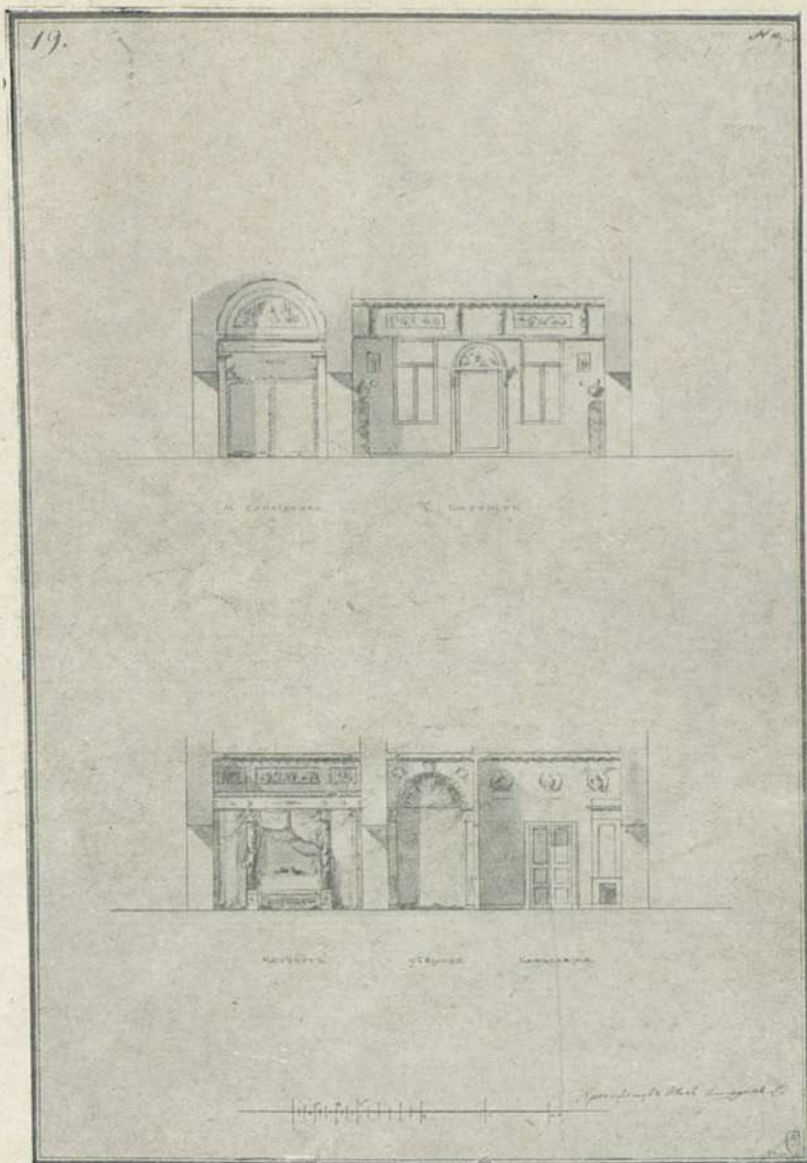
А. Никитин. Чертеж «План дома в усадьбе Марьино»

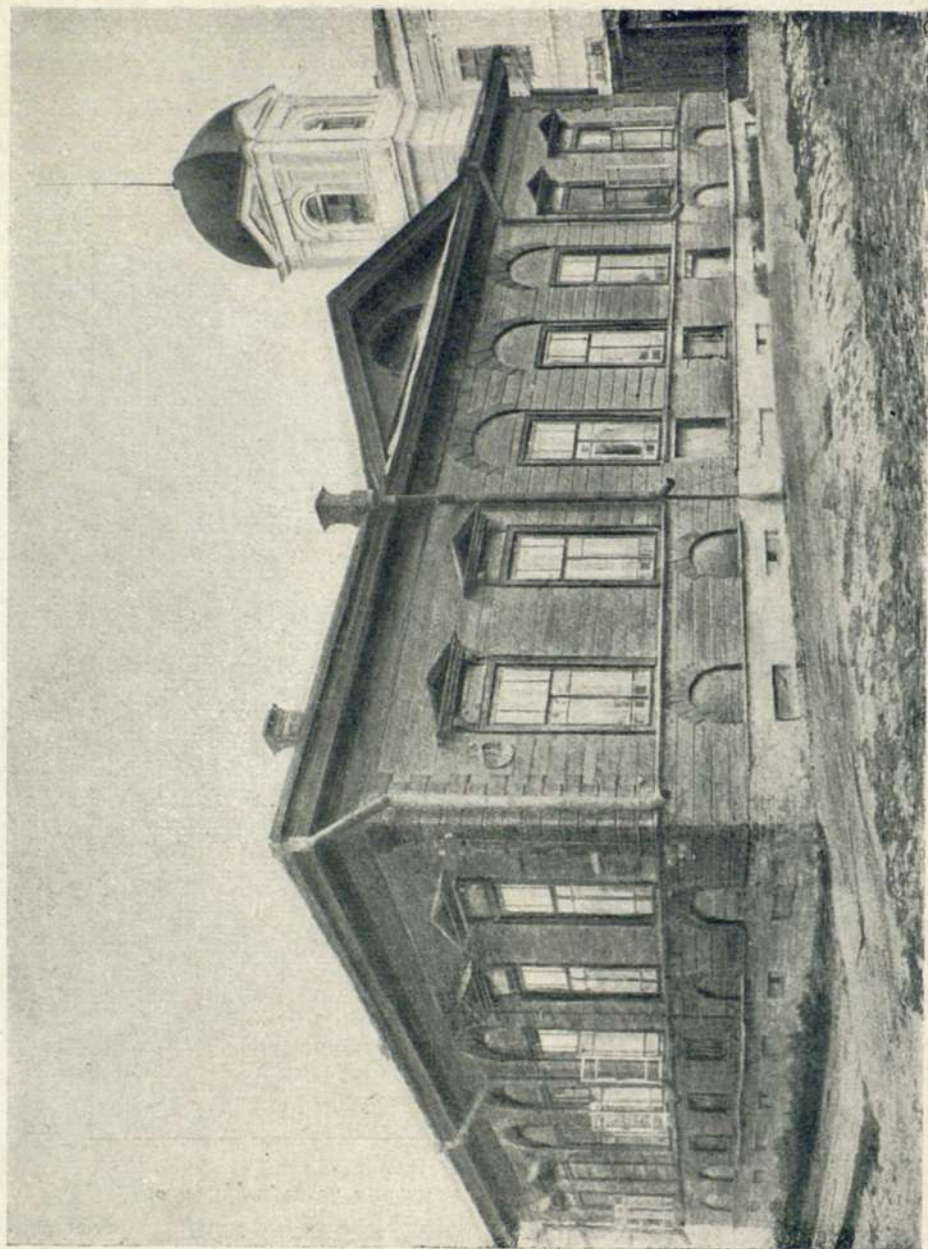
И. Колодин. Проект дома в усадьбе Марьино

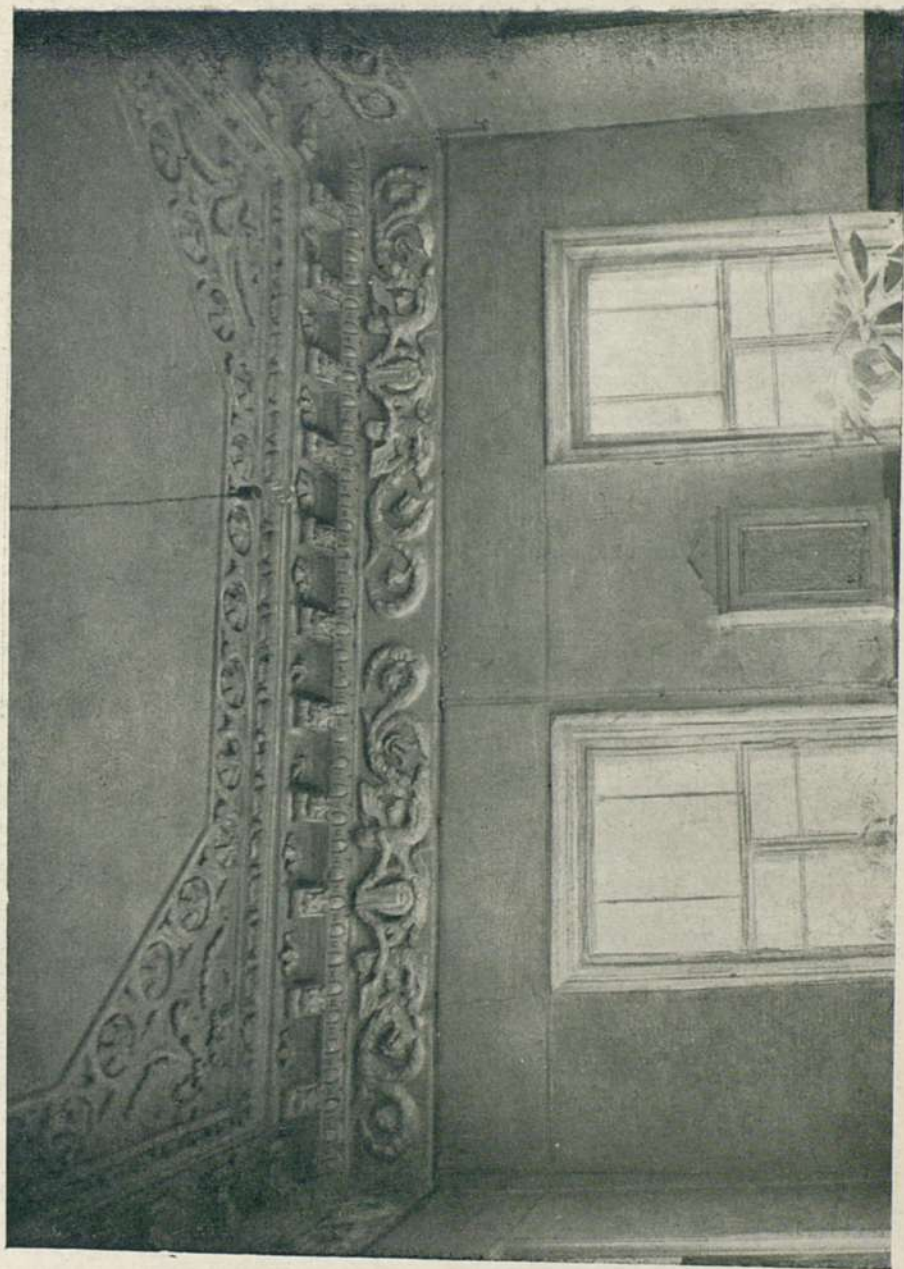
И. Колодин. Дом в усадьбе Марьино

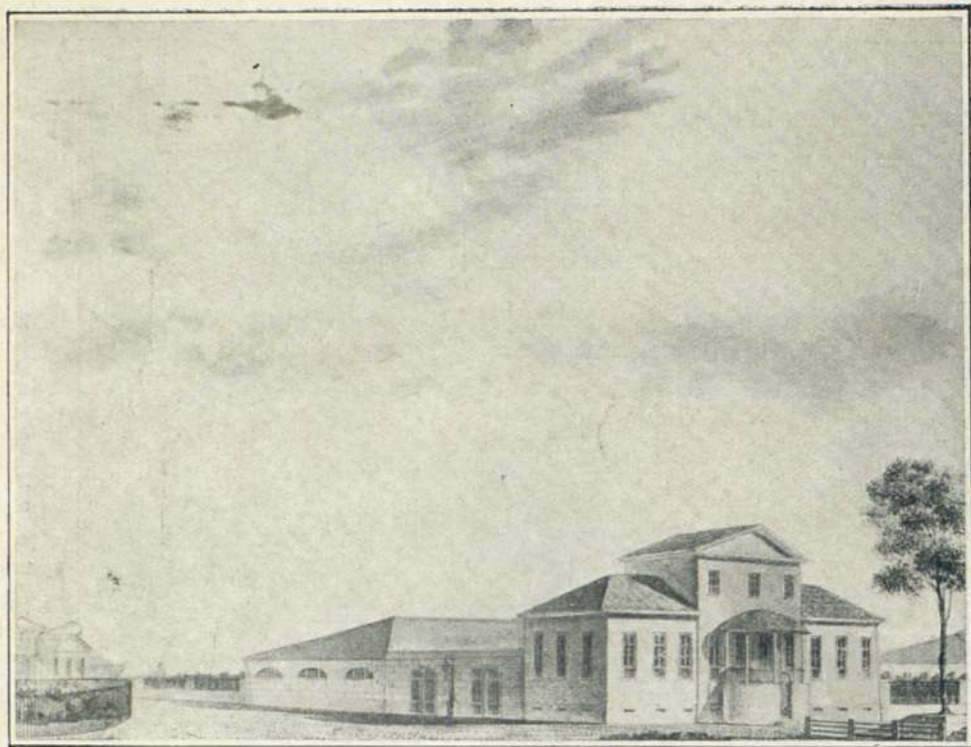
И. Колодин. Проект отделки комнат в усадьбе Марьино

И. Селизев. Дом б. Крылова в Перми

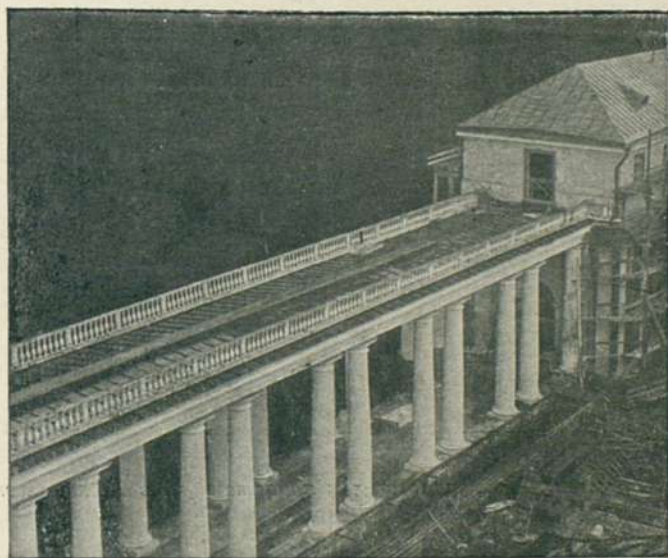
И. Свиязев. Карниз и плафон в доме б. Крылова в Перми

И. Семенов. Проект жилого дома в Грузии

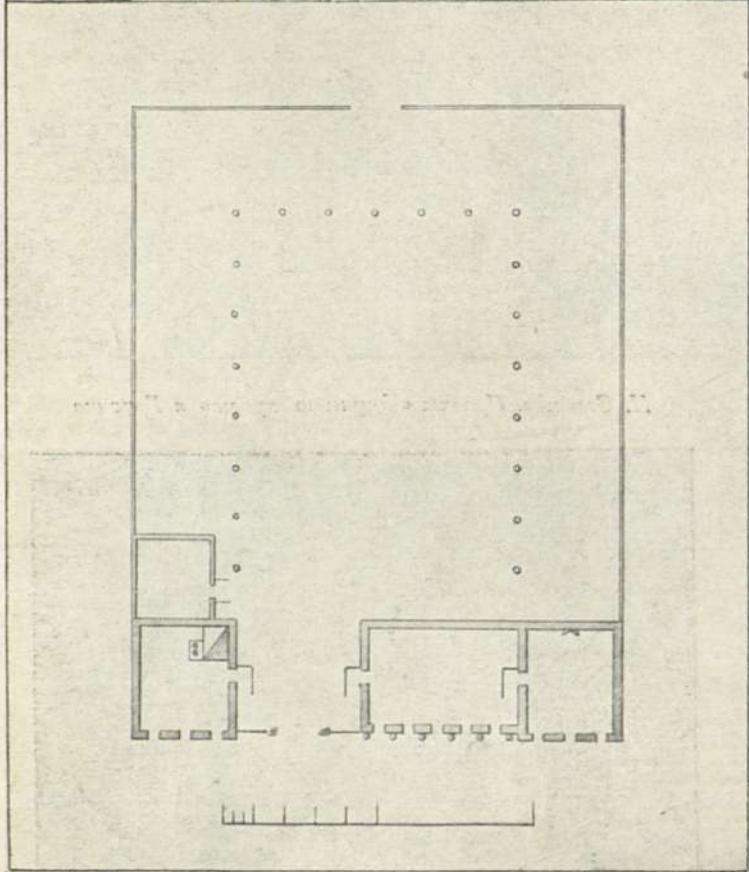

И. Семенов. Проект «Чуцунного храма» в Грузии

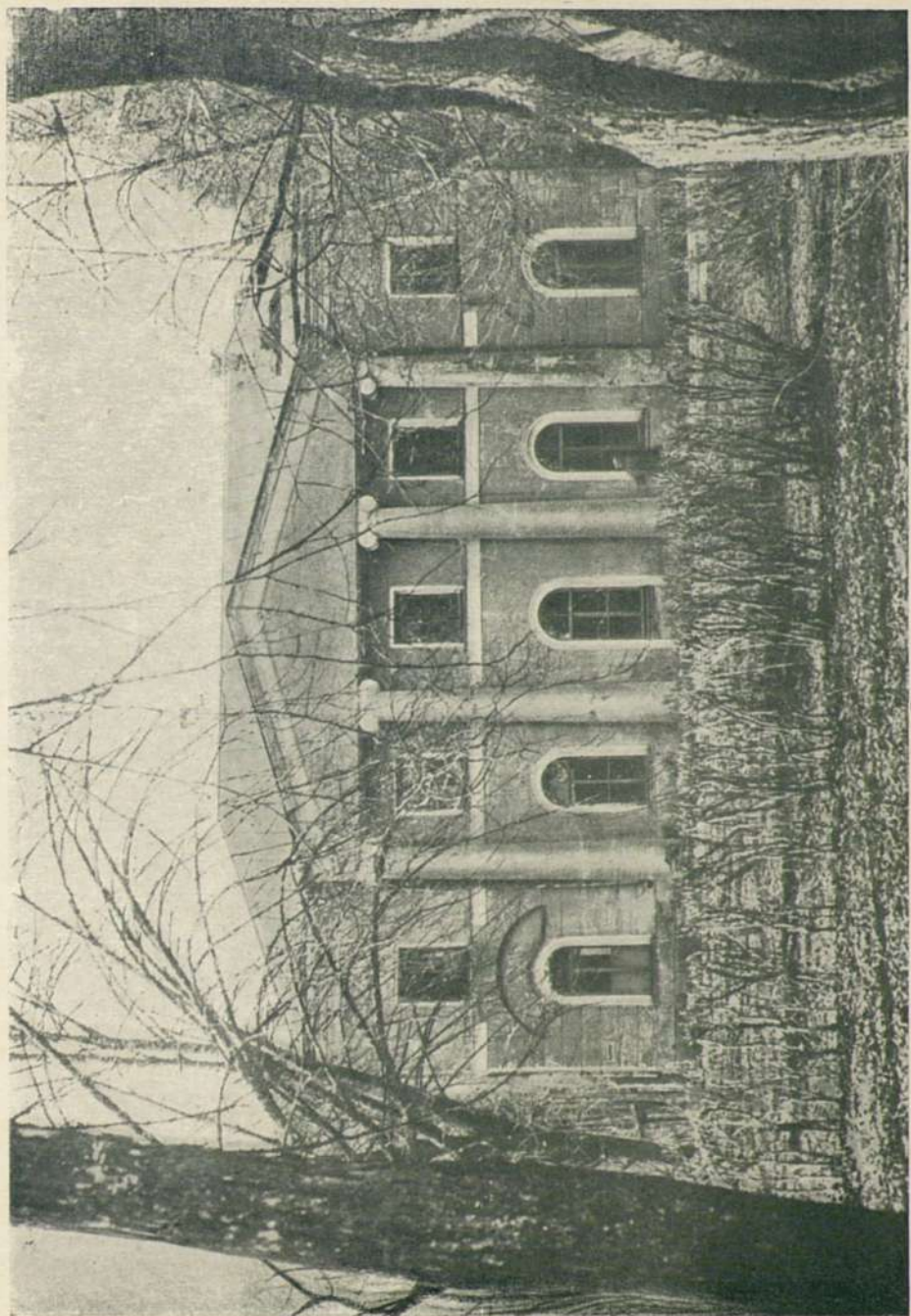

*В. Стрижаков. Колоннада между главным домом и флигелем
в Архангельском*

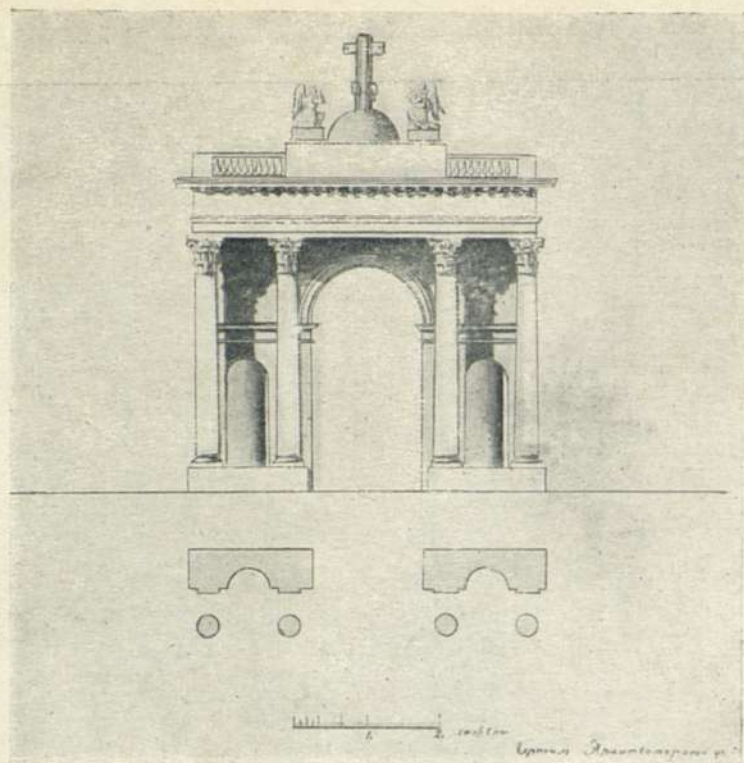
Видъ востреннаго Гостилица въ деревне.

В. Стрижаков. Проект дома для приезжающих в Архангельском

И. Борунов. «Каприз» в Архангельском

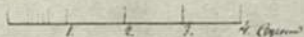
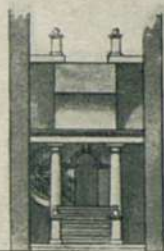
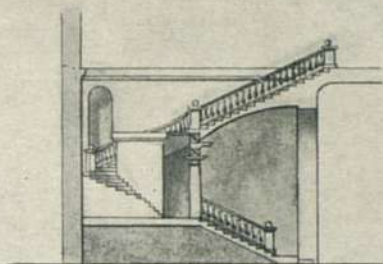
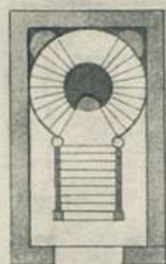

А. Бредихин. Рисунок «св. ворт» в Архангельском

Планъ лестницы

Продольный Разрезъ лестницы

Поперечный Разрезъ лестницы

Проектировалъ Савва Мв.

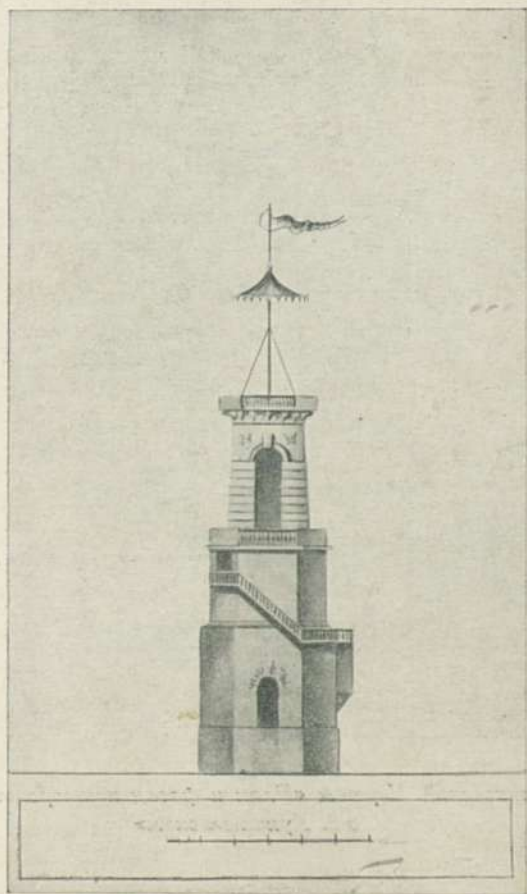
С. Мельников. Проектъ лестницы большого дома в Архангельском

С. Мельников. Лестница большого дома в Архангельском

*Г. Николаев. Рисунок «Фасад передней всего главного строения»
(Останкино)*

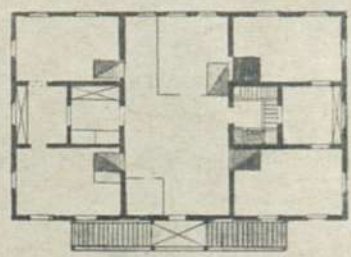
*Л. Рабутовский. Чертеж «План и фасад
фарфорового завода в с. Архангельском»*

*Планы и фасадъ конторскаго флигеля
Коллежской Канцелярии в г. Архангельске.*

Архитектъ С. Сумаковскій

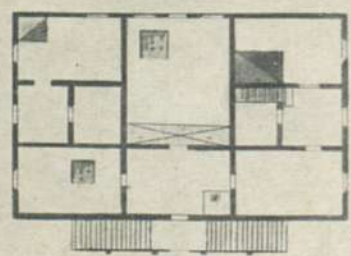

Верхняго этажа

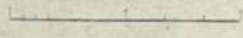

этажа

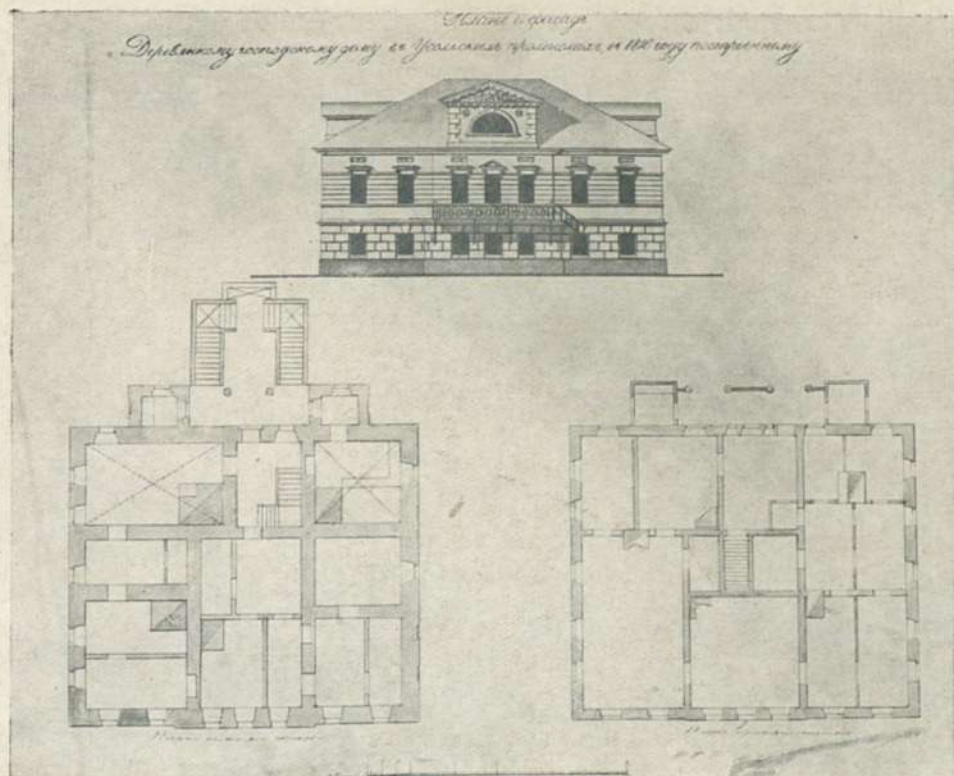
Нижняго

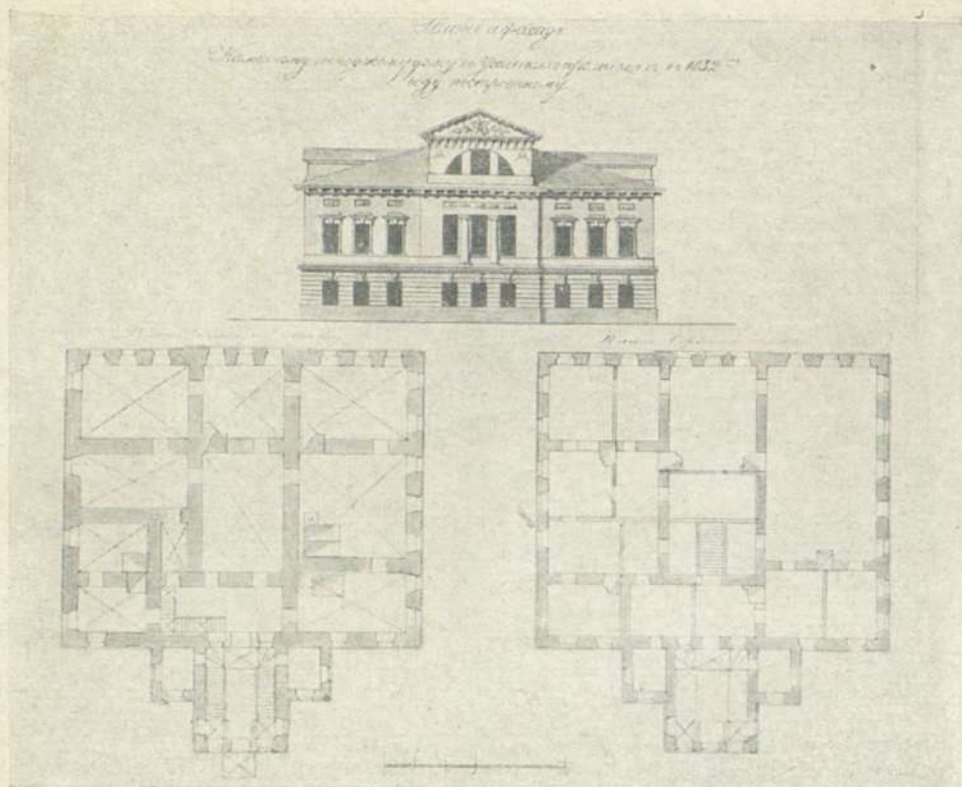
этажа

С. Сумаковскій. Чертеж «План и фасад конторскаго флигеля в с. Архангельском»

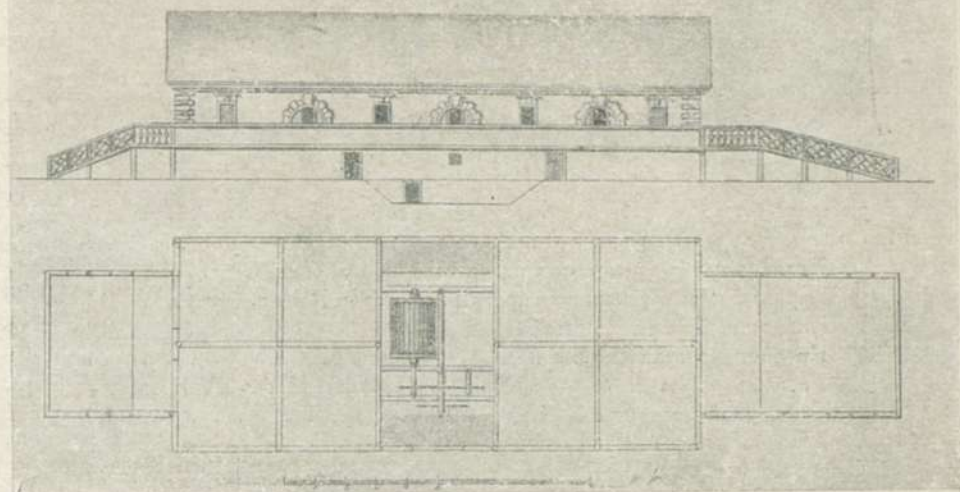
Тудвасев. План и фасад деревянного дома в Усольских промыслах

Тудвасев. План и фасад каменного дома в Усольских промыслах

План и фасад

*Оурдинской и Ленвенской лесопильных мельниц, построенных на каменных столбах
1 и 2 в начале и в 1875-1885 годах соответственно*

Тудвасев. План и фасад Оурдинской и Ленвенской «Лесопильных мельниц»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
I. Опыт исторического исследования	7
Условия труда крепостных строителей в XVI — XVII вв.	7
Проекты и сооружения крепостных мастеров XVII в.	13
Крепостные архитекторы XVIII в.	19
Крепостные архитекторы первой половины XIX в.	24
Условия труда и быта крепостных архитекторов XVIII и первой половины XIX вв.	33
Роль крепостных мастеров в истории русской архитектуры . . .	41
II. Словарь крепостных архитекторов	45
Алфавитный указатель к словарю крепостных архитекторов	91
Перечень иллюстраций	92
Иллюстрации	95

Редактор издательства Н. Д. Оттен

Технический редактор Е. А. Смирнова

Сдано в набор 20 июля 1937 г. Подписано к печати 23 ноября 1937 г. 9 п. л. 12×105^{1/16}. В 1 п. л. 55160 зн.
Уполн. Главлита Б 19448 Тираж 40'0 Зак. 5707.

Издание набрано, сверстано и отпечатано в типографии им. Воровского, Москва, ул. Дзержинского, 18.
Цена 9 руб.

АВТОРСКИЕ ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
45	17 сверху	Головина	Головкина
52	14 снизу	соловенные	солодовенные
57	7 сверху	1667 — 1688 гг.	1667 — 1668 гг.
61	25 снизу	Жданов В.	Жданов Яков
63	3 снизу	кн. 3.	кн. 34.
68	4 снизу	1729	172
70	23 снизу	В 1789 г.	В 1798 г.
84	19 снизу	усердился	усердлив
86	3 снизу	1816 г., №№ 16,6.	1819 г., №№ 7,9.
90	6 снизу	1814 г.	1816 г.

С. В. Безсонов, Крепостные архитекторы

Цена 9 руб.

90